

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 1 (68)
2021

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Пандемия коронавируса в публичном дискурсе современной России: угрозы, вызовы и возможности

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19)

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Инструментарий для проведения глубинного интервью с целью исследования внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Регионализация государственной политики в сфере высшего образования в контексте становления академического лидерства

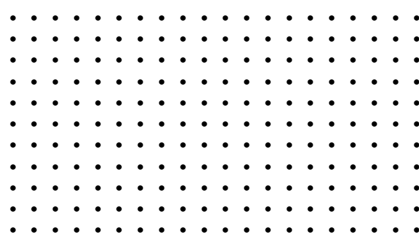
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

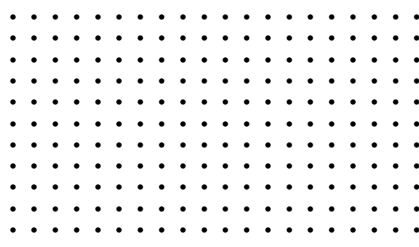
ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT
ISSUES

№ 1 (68) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР:

Ростовская Тамара Керимовна – Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия)

Бальнская Наталья Ринатовна – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

Хайнс Джеффри – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Гаррисон Елена – Университет Монтаны (США)

Костина Наталия Борисовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Любовный Владимир Яковлевич – Всероссийская Академия внешней торговли (Москва, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Грей Патрик – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Силин Яков Петрович – Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Скаво Кармин – Восточно-каролинский университет (США)

Скоробогатый Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ли Миньюэ – Чжуннаньский университет экономики и права (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПЕРЕВОДА:

Пирожкова Ирина Сергеевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF:

Natalia G. Chevtava – Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

COMMISSIONING EDITOR:

Tamara K. Rostovskaya – Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Natalya R. Balynskaya – Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Jeffrey Heinz – London Metropolitan University (Great Britain)

Helen Harrison – University of Montana (USA)

Natalia B. Kostina – Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

Vladimir Ya. Lyubovny – Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Patric Grey – London Metropolitan University (Great Britain)

Yakov P. Silin – Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

Carmine Scavo – East Carolina University (USA)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Li Mingyue – Zhongnan University of Economics and Law (China)

TECHNICAL SECRETARY:

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

HEAD OF TRANSLATION DEPARTMENT:

Irina S. Pirozhkova – Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **08.00.05** – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); **08.00.10** – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки); **22.00.08** – Социология управления (социологические науки); **23.00.02** – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

Материалы журнала размещаются:

- на офиц. сайте: <http://journal-management.com/>
 - на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (ID: 37595)
 - в открытой библиотеке CyberLeninka.ru
 - в ЭБС «Лань»
 - в библиотеке «ЛитРес»
- Подписной индекс – 66020.

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

ЛитРес:

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific publications, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: **08.00.05** – Economy and management of the national economy (by industries and spheres of activity) (Economic Sciences); **08.00.10** – Finance, money circulation and credit (Economic Sciences); **22.00.08** – Sociology of management (Sociological Sciences); **23.00.02** – Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

Журнал индексируется:

© Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Великая Н.М., Сакка Ф., Ирсетская Е.А.**
Пандемия коронавируса в публичном дискурсе современной России: угрозы, вызовы и возможности **8**
- Левашов В.К., Иванов В.Н., Новоженина О.П.**
Новые императивы социально-политического управления **23**
- Абдуллаев М.Х.**
Геополитические интересы США на Каспии глазами американских исследователей **34**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Долженко Р.А.**
Рамочные стандарты использования блокчейн в социально-трудовых отношениях **48**
- Осадчая Г.И., Вартанова М.Л.**
Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) **62**
- Гневашева В.А., де Конти Б.**
Предпосылки управленческого воздействия на территориальные рынки труда в условиях отрицательной экстерналии COVID-19: на примере России и Бразилии **75**

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Задорожная И.И., Петрова Т.Э., Лымар А., Лымар Н.**
Анализ благотворительной деятельности и волонтерства в России и за рубежом **89**

CONTENTS

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

- Velikaya N.M., Saccà F., Irsetskaya E.A.**
Coronavirus pandemic in the modern Russian public discourse: threats, challenges and opportunities **8**
- Levashov V.K., Ivanov V.N., Novozhenina O.P.**
New imperatives of the social and political management **23**
- Abdullaev M.Kh.**
U.S. geopolitical interests in the Caspian Sea area as viewed by American researchers **34**

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Dolzhenko R.A.**
Framework of standards of blockchain use in social and labor relations **48**
- Osadchaya G.I., Vartanova M.L.**
Demographic security and trends in migration processes in the Eurasian Economic Union during the COVID-19 pandemic **62**
- Gnevasheva V.A., de Conti B.**
Preconditions for management impact on labor markets in case of COVID-19 negative externality: by the example of Russia and Brazil **75**

SOCIAL MANAGEMENT

- Zadorozhnaya I.I., Petrova T.E., Lymar A., Lymar N.**
Analysis of charitable work and volunteering activities in Russia and abroad **89**

**Ростовская Т.К., Васильева Е.Н.,
Князькова Е.А.**

Инструментарий для проведения глубинного интервью с целью исследования внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения

103

**Rostovskaya T.K., Vasileva E.N.,
Knyazkova E.A.**

Tools for in-depth interview to analyze inner motivation of reproductive, matrimonial, self-preserving and migration behavior

Леденева В.Ю., Бегасилов Б.Т.

Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России

118

Ledeneva V.Yu., Begassilov B.T.

Influence of religious factor on the integration of Muslim migrants in Russia

Воробьева И.В.

Российские ученые в условиях precarious занятости

131

Vorobyova I.V.

Russian scholars under the conditions of precarious employment

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Комлева В.В.

Доступность и качество высшего образования в условиях COVID-19: правительственные усилия в расчете на будущее

144

Komleva V.V.

Accessibility and quality of higher education under the COVID-19 pandemic: governmental efforts with an eye to the future

Воденко К.В.

Регионализация государственной политики в сфере высшего образования в контексте становления академического лидерства

156

Vodenko K.V.

Regionalization of state policy in higher education sphere in the context of academic leadership formation

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые коллеги!

Вашему вниманию предлагается первый в 2021 году номер журнала «Вопросы управления», являющийся результатом плодотворной работы ведущих российских и зарубежных ученых – социологов, политологов, экономистов, философов. В фокусе научного внимания исследователей – комплексный анализ постковидной реальности (применительно к трем измерениям: политика, экономика, социум), а также выработка новых управленческих подходов, за которыми открываются новые возможности и инновации. Особая ценность результатов научных исследований, представленных в этом номере, заключается в возможности их конвертации в положения доказательной базы и опережающие предложения по решению ключевых задач общественного прогресса.

Номер открывает совместная статья российских и итальянских ученых Н. М. Великой (Россия, Москва), Фламинии Сакка (Италия, Витербо), Е. А. Ирсетской (Россия, Москва) «Пандемия коронавируса в публичном дискурсе современной России: угрозы, вызовы и возможности», в которой анализируется публичный дискурс вокруг пандемии COVID-19 и политическая риторика в условиях распространения коронавирусной инфекции.

В материалах статьи В. К. Левашова, В. Н. Иванова, О. П. Новожиной (Россия, Москва) «Новые императивы социально-политического управления» представлены положения, доказывающие, что к настоящему моменту в российском обществе и государстве стали проявляться социально-политические императивы, следование которым позволило бы обеспечить социальную интеграцию российского общества в процессе устойчивого развития. Выводы авторов подкрепляются результатами социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», проводимого с 1992 года под научным руководством доктора социологических наук Виктора Константиновича Левашова.

М. Х. Абдулаев (Россия, Москва; США, Вашингтон) в статье «Геополитические интересы США на Каспии глазами американских исследователей» представляет результаты научного исследования, посвященного изучению, анализу и выявлению основных принципов и направлений внешней политики США в Прикаспийском регионе в период президентства Д. Трампа. Данная проблематика является перспективной для научного осмысления, имеет прикладную ценность для разработки управленческих решений в сфере национальной безопасности.

Р. А. Долженко (Россия, Екатеринбург) в статье «Рыночные стандарты использования блокчейн в социально-трудовых отношениях» затрагивает проблему стандартизации блокчейн и умных контрактов в сфере труда. Модель структуры среды реализации социально-трудовых отношений на блокчейн-платформе, а также рекомендации, разработанные автором, могут быть чрезвычайно востребованы разработчиками и исследователями блокчейн в новых направлениях общественной жизни.

Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова (Россия, Москва) в статье «Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в Евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19)» представили результаты мониторинга тенденций миграционных процессов в их влиянии на демографическую ситуацию в странах-членах ЕАЭС.

Исследователи В. А. Гневашева (Россия, Москва), Б. де Конти (Бразилия, Сан-Паулу) в материалах статьи «Предпосылки управленческого воздействия на территориальные рынки труда в условиях отрицательной экстерналии COVID-19: на примере России и Бразилии» выявляют тенденции изменений характеристик рынков труда двух стран в соответствии с основными показателями определения рыночного механизма, описывают сложившиеся тенденции и делают вывод об их сходстве и отличиях в междустрано-

вом сопоставлении с обоснованием возможных факторов воздействия на подобную ситуацию и прогностических следствий. Выявленные тенденции развития двух рынков определяются с позиции устойчивости в современных условиях воздействия отрицательной экстерналии – пандемии COVID-19.

И. И. Задорожная, Т. Э. Петрова (Россия, Москва), А. Лымар, Н. Лымар (Польша, Познань) в статье «Анализ благотворительной деятельности и волонтерства в России и за рубежом» приводят результаты социологического анализа благотворительной деятельности и волонтерства, в том числе в условиях пандемии COVID-19, а также выявляют эффективные меры государственной поддержки некоммерческих организаций.

Статья «Инструментарий для проведения глубинного интервью с целью исследования внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения» российских ученых Т. К. Ростовской (Россия, Москва), Е. Н. Васильевой (Россия, Волгоград), Е. А. Князьковой (Россия, Москва) посвящена обзору подходов к организации глубинного интервью, представлению его результатов с целью исследования внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения. Материалы статьи включают в себя общие положения методики исследования, а также интервью-гайд – руководство для интервьюеров.

Исследователи В. Ю. Леденева (Россия, Москва), Б. Т. Бегасилов (Казахстан, Алматы) в статье «Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России» анализируют роль религиозного фактора в вовлечении мигрантов в социокультурную, языковую и этно-религиозную среду России и приходят к значимым выводам, которые могут применяться органами государственной власти при разработке программ и мероприятий, направленных на социокультурную адаптацию мигрантов и их интеграцию в российское общество.

Российский исследователь И. В. Воробьева в статье «Российские ученые в условиях прекарной занятости» анализирует трудовую занятость российских ученых и приходит к выводам о степени распространения в этой сфере труда негативных характеристик прекаризации.

В материалах статьи «Доступность и качество высшего образования в условиях COVID-19: правительственные усилия в расчете на будущее» известный российский ученый В. В. Комлева описывает основные проблемы высшего образования в условиях пандемии. Автор уделяет особое внимание необходимости решения проблемы цифрового неравенства.

Завершает данный выпуск статья К. В. Воденко (Россия, Новочеркасск) «Регионализация государственной политики в сфере высшего образования в контексте становления академического лидерства», в которой ученый реализует научную задачу по системному анализу регионализации государственной политики в сфере высшего образования как цели достижения академического лидерства, демонстрирует новые возможности использования регионального потенциала в высшем образовании.

От лица редакционной коллегии благодарим авторов за представленные статьи, от лица авторов – выражаем надежду на дальнейшее сотрудничество с редакцией, в том числе международное, и уверенность в том, что журнал продолжит публикацию интересных и важных для науки и общества материалов научных исследований.

Благодарим читателей за живой интерес к новому выпуску журнала «Вопросы управления»!

*Заместитель директора по научной работе
Института демографических исследований
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
доктор социологических наук, профессор
Тамара Керимовна Ростовская*

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: УГРОЗЫ, ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Н.М. Великая^{1a,b}, Ф. Сакка^{2c}, Е.А. Ирсетская^{3d,b}

^aФедеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
Институт социально-политических исследований

^bРоссийский государственный гуманитарный университет

^cУниверситет Тушии

^dВсероссийский центр изучения общественного мнения

АННОТАЦИЯ:

В статье анализируется специфика публичного дискурса вокруг пандемии COVID-19 и политическая риторика Президента РФ в условиях распространения коронавирусной инфекции. На основе проведенного количественного и качественного контент-анализа СМИ и выступлений Президента РФ выделяются основные тематические блоки, презентующие пандемию как социальную угрозу, имеющую экономические, политические и социальные последствия, существенно меняющую повседневные практики людей.

Представлена динамика публикаций о коронавирусной инфекции, выявлены доминирующие тематические кластеры; показано, что тематический репертуар и их эмоциональная составляющая различались на разных этапах распространения вируса.

Были описаны и проанализированы особенности репрезентации социальных страхов, связанных с коронавирусом в отечественных СМИ, выявлены определенные основные темы, связанные с искажением информации. При доминировании публикаций о эпидемиологических и медицинских рисках на задний план отошли риски экономического и социально-политического характера, в т. ч. спровоцированные целым рядом мер и ограничений, вызванных пандемией. Были выделены группы метафор, наиболее характерные для различных тематических кластеров, сделан вывод о доминировании метафоры войны и военных действий.

На фоне анализа мер, предпринимаемых российским государством на разных этапах распространения пандемии, выделены основные смысловые блоки и доминирующие метафоры дискурсивных стратегий В. Путина в официальных заявлениях и выступлениях. Сделан вывод об ограниченном и закрытом характере дискурса как исключительно официального, который преследовал цель минимизировать распространение негативных и пессимистических прогнозов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коронавирусная инфекция, пандемия, средства массовой информации, публичный дискурс, политическая риторика, метафора.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Великая Н.М., Сакка Ф., Ирсетская Е.А. (2021). Пандемия коронавируса в публичном дискурсе современной России: угрозы, вызовы и возможности // Вопросы управления. № 1. С. 8–22.

События последнего года, связанные с распространением эпидемии COVID-19, определяли информационную повестку во всех странах и сделали дискуссию вокруг коронавируса и опасности, которую он несет, одной из самых актуальных тем в публичном и политическом дискурсе [1, с. 134].

Во всем мире, по последним данным ВОЗ, насчитывается 56,6 млн случаев COVID-19, 1,35 млн человек умерли [2]. Страх и паника среди населения перед «новыми инфекциями» получили новый виток обострения и переросли поистине в глобальную проблему. Пандемия не только обострила имеющиеся

¹AuthorID РИНЦ: 286986, ORCID: 0000-0001-5532-844X

²ORCID: 0000-0001-5960-9169

³AuthorID РИНЦ: 617235, ORCID: 0000-0003-0191-6486

экономические и социальные проблемы, но и продемонстрировала целый ряд негативных тенденций в политической сфере, связанных с ограничениями прав и свобод граждан [3].

Мы рассматриваем распространение пандемии как тот тип социальной угрозы, который обостряет взаимоотношения между властью и обществом, сказывается на уровне поддержки государственных институтов и может, в конечном итоге, иметь критичные последствия для властных структур, политической элиты [4, с. 140]. В этой связи важно понять, какова реакция российских СМИ на появление нового вируса, имеется ли намеренное искажение (фальсификация) информации и событий, связанных с распространением и мерами борьбы и профилактики коронавируса, какой контент способствуют формированию коллективного страха у людей, а также как меры, разрабатываемые и предпринимаемые властью, репрезентируются в политическом дискурсе.

Эмпирической базой для данного исследования послужили результаты международного проекта группы ученых из разных стран, которые анализировали информационное пространство своих стран и официальный политический дискурс, задаваемый и инициируемый первыми лицами государства (в нашем случае – Президентом РФ). Именно они, в силу своих полномочий и обязанностей, несут ответственность за предотвращение распространения инфекции и минимизацию последствий эпидемии.

Задачами исследования были: описать динамику освещения темы коронавируса в российском информационном поле; выявить особенности отражения в официальном публичном дискурсе ситуации, связанной с коронавирусом, механизмы конструирования реальных и возможных эпидемиологических, социальных и политических угроз, а также особенности репрезентации политических решений, направленных на борьбу с эпидемией.

Мы считаем наиболее релевантным методом изучения публичного дискурса контент-анализ [5, с. 81], позволяющий выявить содержание коммуникации. В нашем случае мы применяли количественный и качественный контент-анализ СМИ, текстов выступлений

Президента РФ, размещенных на официальных информационных ресурсах.

Количественный и качественный контент-анализ текстовых сообщений информационного пространства Российской Федерации (федеральные СМИ) проводился в несколько этапов: отбор текстов статей, кодирование текстов, интерпретация результатов кодирования. Отбор статей для качественного (содержательного) контент-анализа текстовых сообщений осуществляется по следующей схеме: анализировалась каждая 10 публикация, релевантная теме. При качественном анализе типологизировались используемые метафоры, которые не только создают представления о понятиях и явлениях, но и участвуют в создании идеологизированного текста, что убедительно продемонстрировал в своей монографии Э. Лассан [6].

В рамках контент-анализа политического дискурса [7] акцент был сделан на текстах обращений и заявлений Президента РФ; его выступлениях на совещаниях с Правительством и главами регионов; отдельно выделялись доминирующие метафоры дискурсивных практик В. В. Путина. Всего было проанализировано 15 текстов в период с марта 2020 г. по июнь 2020 г., которые размещены на официальном сайте Президента РФ. Единицей для анализа выступали смысловые блоки высказываний, которые были логично объединены в определенные общие темы.

Репрезентация угрозы пандемии в российских СМИ

Результаты проведенного количественного и качественного контент-анализа СМИ, направленного на выявление особенностей отражения в российском информационном пространстве ситуации, связанной с коронавирусом, а также механизмов конструирования реальных и возможных эпидемиологических, социальных и политических угроз, рисков и страхов в связи с этим, продемонстрировали высокую степень зависимости информационной повестки от социальной ситуации в стране.

За исследуемый временной период нами выделено 4 514 публикаций в трех СМИ. Начиная с марта–апреля 2020 года в российском информационном поле зафиксирован всплеск

интереса к коронавирусной тематике, который продолжал повышаться с распространением инфекции в мире и РФ.

Отметим, что количество сообщений, тематический репертуар и эмоциональный тон публикаций в СМИ напрямую зависит от эпидемиологической ситуации (прежде всего, внутри нашей страны). Так, по сравнению с февралем, число публикаций в марте выросло практически в 4 раза, а в апреле – в 5 раз (рис. 1).

В феврале российскими СМИ наибольший акцент был сделан на освещении темы, связанной с международной обстановкой, с особенностями борьбы с коронавирусной инфекцией в странах ближнего зарубежья. Поэтому, несмотря на то, что изучаются достаточно серьезные проблемы и негативные последствия COVID-19 для отдельных стран, тон публикаций не носит угрожающий характер и воспринимается преимущественно нейтральным.

При этом значительный вес имели публикации, связанные с распространением коронавирусной инфекции и мерами борьбы с ней в Китае. Весь мир столкнулся с волной синюфобии (боязни Китая), вплоть до обвинения Китая отдельными мировыми державами в умышленном распространении вируса: «Китайский вирус-убийца – глобальное супероружие нового типа». Контент многих публикаций зачастую подавался в ироничном, саркастическом тоне, появляется огромное количество мемов про COVID-19: «Коронавирус долго не продержится, он же сделан в Китае».

Добавим, что уже в феврале в прессе все чаще появляются конспирологические версии

Рисунок 1 – Динамика тематических кластеров публикаций в абсолютных цифрах

Figure 1 – Dynamics of thematic clusters of publications in absolute numbers

возникновения и распространения COVID-19, которые звучали и на других этапах распространения коронавируса. В связи с этим необходимо отдельно подчеркнуть роль СМИ в распространении информации самого разного рода, в т. ч. и непроверенной, ложной, что сказалось на специфическом формировании общественного мнения россиян на первом этапе, когда преобладало отрицание серьезности болезни, скепсис в связи с рядом ограничительных мер.

С одной стороны, в статьях, выбранных нами для анализа, отражается общее настроение россиян, приводятся данные социологических опросов, с другой – именно СМИ формируют у населения страны такое восприятие проблемы.

В конце февраля все внимание мировой общественности было приковано к развитию событий на севере Италии, где сложилась самая тяжелая эпидемиологическая обстановка. Акцент в публикациях делался на том, что с каждым днем цифра погибших растёт в неимоверной геометрической прогрессии, а врачи, работая круглыми сутками, заражаются сами.

Что касается комментариев и прогнозов представителей Всемирной организации здравоохранения, то, например, построенная советником ВОЗ, эпидемиологом Айра Лонджини статистическая модель допускала заражение коронавирусом двух третей населения Земли. При этом российские специалисты (ученые и практикующие медики: терапевты, инфекционисты и др.) говорили, что «коронавирус – не эпидемия, а только вспышка», и давали достаточно оптимистичные прогнозы развития ситуации для нашей страны. Все новости о коронавирусе из-за рубежа воспринимаются как «что-то далекое, то, что никогда не коснется ни меня, ни моих близких».

11 марта 2020 г. ВОЗ все-таки назвала вспышку коронавируса COVID-19 пандемией. В марте слухи различного рода, распространяемые не столько в газетных СМИ, сколько в социальных сетях, спровоцировали среди россиян «массовый продовольственный психоз»: сотни тысяч граждан нашей страны кинулись опустошать полки магазинов, делать запасы макарон и гречневой крупы. Наблюдалась самая настоящая паника.

Все чаще появляются публикации, в которых ставятся вопросы, какие социально-экономические последствия ожидают страну и мир в целом [8, с. 147]; стали появляться комментарии российских ученых и медицинских специалистов, в которых граждан призывали соблюдать элементарные правила гигиены и профилактики: «Нам удастся сдержать коронавирус, если каждый будет соблюдать простые правила».

Наиболее оперативно и остро отреагировали СМИ на падение цен на нефть и снижение курса российского рубля. Как следствие, боязнь резкого повышения цен на продукты, страх введения карантинных мер и запрета на выход из дома спровоцировали в марте среди россиян упомянутый «массовый продовольственный психоз».

Во время первой волны распространения COVID-19 российские власти всячески демонстрировали, что не допустят дефицита товаров и голода. Так, в марте 2020 г., в разгар первой волны коронавируса, Президент РФ призвал граждан не покупать продукты впрок, «поскольку ситуация с поставками в магазины надежная». Об этом В. Путин заявил во время посещения информационного центра по мониторингу ситуации с коронавирусом [9].

Именно в этот период практически вся страна переходит на «удалёнку», власти вводят ограничения на въезд в страну – все эти проблемы широко освещаются российскими СМИ. Из-за коронавируса многие переходят на онлайн-работу, учебу, заказывают доставку продуктов на дом, развлекаются и больше общаются с помощью ресурсов интернета. Многие крупные международные мероприятия и события переносятся, а в некоторых случаях и отменяются.

На уровне федеральной власти принимается решение об организованном вывозе российских граждан из иностранных государств с неблагоприятной ситуацией, связанной с распространением коронавируса, обосновывается необходимость карантинных мер для приезжающих из-за рубежа.

Появляются статьи, в которых разъясняются меры борьбы с коронавирусом. Глава государства и члены Правительства постоянно отсылают к достижениям отечественных уче-

ных в работе над тест-системами для выявления коронавируса и вакциной. Принимаются новые меры поддержки граждан и бизнеса в связи с распространением коронавируса. «Россия приняла беспрецедентные меры поддержки на фоне пандемии», — заявил Президент РФ В. Путин на саммите G20. Он особо отметил, что основной задачей в сложившейся ситуации он видит сохранение жизни и здоровья людей [10].

В Москве заработал Центр по мониторингу ситуации с коронавирусом: теперь данные по количеству зараженных, выздоровевших и умерших можно наблюдать круглосуточно, практически в реальном режиме.

Общероссийский народный фронт запустил круглосуточную горячую линию по помощи людям старше 60 лет, попавшим в группу риска из-за распространения коронавируса COVID-19, организуется работа волонтерского и добровольческого движения.

Россия направляет в Италию медицинские бригады для помощи в борьбе с коронавирусом. В. Путин подтвердил премьер-министру Италии Джузеппе Конте готовность оказать помощь Италии для борьбы с коронавирусом. Президент отметил, что планирует направить в республику бригады специалистов, медоборудование и средства защиты [11].

По этому поводу в СМИ фигурирует две диаметрально противоположные точки зрения. В одних публикациях акцент сделан на необходимости оказания помощи брошенной Евросоюзом Италией, в других – задаются вопросы, почему Россия помогает другим странам, отправляет им десятки тысяч СИЗ, аппараты ИВЛ, лучших врачей, но, к примеру, не отправляет те же самые аппараты ИВЛ в российские регионы, где ситуация со здравоохранением просто катастрофическая. Президент, поясняя данную позицию в своих выступлениях отмечает, что «гуманитарная помощь России другим странам – не бессмысленная расточительность, а фундамент для отношений нового уровня» [12], что «нашему народу присущи добрые традиции милосердия, поддержки в трудную минуту» [13].

Появляются сообщения о том, что у мировых и отечественных звезд, политиков диагностирован коронавирус, что лишний раз под-

тверждает – вирус не знает ни границ, ни социального статуса. Но большая доля статей акцентируют внимание на том, что коронавирусу COVID-19 опасен для лиц старше 60–65 лет.

Все чаще в информационном пространстве встречаются комментарии специалистов, не только объясняющих, как себя уберечь от коварного вируса, но и отвечающих на вопросы, можно ли заразиться через продукты из супермаркета, одежду и дверные ручки; как необходимо себя вести при проявлении первых признаков простудного заболевания. На фоне призыва медиков и власти «Сиди дома – береги здоровье близких!» вводятся штрафные санкции за нарушение режима самоизоляции и распространение фейков.

Параллельно в СМИ идет дискуссия о переносе даты голосования по принятию поправок в Конституцию РФ, однако в рассматриваемых нами российских изданиях эта новость освещается преимущественно через призму соблюдения всех необходимых санитарно-гигиенических норм, политический аспект практически не затрагивается.

Чаще встречаются прогнозы о том, что пандемия продлится как минимум до середины лета, а то и до осени.

В конце марта идет нагнетание тревоги и формирование страхов перед заражением, что приводит к нарастанию паники среди населения. По сравнению с февралем, количество публикаций, связанных с коронавирусной проблематикой, увеличивается практически в 4 раза (рис. 1).

Несмотря на сложность сложившейся ситуации, россияне пока сочиняют о коронавирусе анекдоты и не верят до конца в происходящее.

Наибольшую тревогу и страх вызывают публикации апреля, в которых содержится масса негативных оценок сложившейся ситуации и крайне неблагоприятные прогнозы. На этот месяц приходится пик публикационной активности, когда в трех газетах было напечатано 1 446 статей. По содержанию преобладали сообщения о социально-политических угрозах и рисках, а также политических мерах. Причем речь шла о мерах не только борьбы с коронавирусом, но и поддержки наиболее пострадавших с экономической точки зрения слоев населения. Вводятся

так называемые кредитные каникулы на полгода: нельзя начислять штрафы и пени, требовать досрочных выплат, забирать залог в счет уплаты долга.

В апреле появляются первые отклики о дистанционном формате обучения, прежде всего школьников. Заголовки большинства статей говорят сами за себя: «Стон родителей мира: „Дистанционное обучение страшнее заразы!“», «„Удаленное“ поколение неучей». Новый формат школьного обучения негативно воспринимается россиянами, отмечается снижение успеваемости и уровня знаний школьников, а также ухудшение психологического состояния учеников выпускных классов из-за неопределенности в отношении выпускных экзаменов и приемной кампании в вузах. Дистанционное обучение в университетах, напротив, приветствуется, в СМИ приводятся примеры успешного функционирования системы онлайн-образования в высшей школе.

На фоне коронавирусной инфекции обостряются внутрисемейные конфликты, крайне редко, но все же говорят о проблеме насилия в семье, поэтому СМИ публикуют рекомендации психологов о том, как преодолеть «ковидный стресс и кризис».

Тысячи российских семей переезжают жить за город, на дачу, а те, кто не имеет такой возможности, решается завести домашнего питомца, преимущественно собаку, чтобы не только «скрасить одиночество» (убить «вирус одиночества»), но и иметь дополнительную возможность для прогулок на свежем воздухе.

На кончик острого пера попадают кейсы, связанные с необоснованным ростом цен на медицинские изделия и отдельные продукты: маски и перчатки, гречку и имбирь. Цена последнего возросла до 5–7 тысяч рублей за килограмм, с легкой руки СМИ в обиходе россиян появляется выражение «курс имбиря». Ученые и другие эксперты заявляют, что паника и страх победили здравый смысл, а война с COVID-19 приняла такой размах, что наносит человечеству более значительный ущерб, чем сам вирус.

СМИ активно формируют «новый» образ российского медика. Так, за короткий промежуток времени образ «врача-убийцы» канул в

бездну и появился «врач-герой». Врачей приравнивали к военным на передовой, тем, кто занимался лечением пациентов с коронавирусом, установили доплату в 80 тыс. руб./мес. Врачи все чаще обращаются через СМИ к жителям страны о помощи в борьбе с COVID-19, с просьбой беречь себя, т.к. большая часть медиков уже испытывает неимоверную усталость, страдают «синдромом ковидного выгорания».

В связи с высокими эпидемиологическими и медицинскими угрозами и рисками заражения и распространения коронавируса запрещены все массовые мероприятия с большим скоплением людей. Патриархом принято беспрецедентное решение для всего православного мира: прихожанам рекомендовано не посещать храмы, а в самый главный праздник для православных христиан – Пасху, пасхальную службу смотреть по телевизору.

Число инфицированных граждан постоянно растет. Чтобы объяснить, почему так разнятся симптоматика и течение болезни у заразившихся, медики все чаще прибегают к формулировке «данное заболевание мало изучено, у медицинского сообщества очень мало данных», что, конечно, не внушало оптимизма обществу.

В информационном пространстве актуализируется конфликт между мерами безопасности, дигитализацией контроля и правом на защиту информации и персональных данных граждан. Все чаще говорят о нарушении прав, гражданских свобод, введении неправомерных ограничений. Ряд публикаций свидетельствуют о росте напряженности в обществе, нежелании некоторых граждан носить маски, соблюдать самоизоляцию, проходить лечение, что приводит к конфликту не только с правоохранительными органами, но и сторонниками соблюдения всех норм безопасности.

Начиная с апреля, фиксируется рост киберпреступлений, россияне все чаще становятся жертвами махинаций и преступлений с использованием интернет-технологий, поэтому в СМИ ведётся просветительская работа, экспертами даются комментарии и рекомендации, как не попасться на уловки мошенников. Пожилое население просит с осторожностью относиться к лицам, предлагающим им

помощь, опасаться мошенников, выдающих себя за волонтеров.

В начале мая в информационном поле появляются резкие высказывания об итогах реформирования и модернизации российской системы здравоохранения, они признаются провальными. Во многих регионах медицинские работники жалуются на отсутствие положенных выплат за работу с больными, зараженными коронавирусом.

Из-за эпидемии коронавируса и экономического кризиса в стране растет уровень безработицы, поэтому с целью снижения социальной напряженности Правительством РФ принимается решение об увеличении размера пособия по безработице всем потерявшим работу, в том числе и тем, с кем это случилось до коронавируса.

Последний звонок для российских школьников прозвенел онлайн. Выпускные вечера в традиционном формате отменены (общероссийский онлайн-выпускной для учащихся), а вручение аттестатов и дипломов о высшем образовании проводилось с соблюдением всех мер предосторожности.

Кривая заражений коронавирусом в России идет вниз, многие регионы готовы к смягчению карантина и возвращению к нормальной жизни. Эксперты РАН представляют результаты моделирования долгосрочного прогноза по коронавирусу и заявляют, что вероятность второго пика вспышки коронавирусной инфекции в Москве крайне низкая.

В информационном поле количество публикаций на коронавирусную тематику идет на убыль, чувствуется всеобщее утомление от происходящего. По сравнению с апрелем число сообщений сократилось практически в два раза.

В июне происходит несколько знаковых событий, на которых было сосредоточено внимание СМИ. Во-первых, властью принимается решение потихоньку снимать запреты, введенные в связи с коронавирусом в туристическом секторе, а это значит, что у россиян появляется надежда на летний отпуск. Обратим внимание, что постоянные информационные атаки способствовали формированию страха у населения, россияне находились в постоянном вынужденном стрессе. Специалисты

утверждали, что россияне стали чаще звонить на горячую линию медико-психологической помощи. При этом примерно 15–20 % звонков так или иначе связаны с коронавирусом.

Во-вторых, 24 июня 2020 г. состоялся Парад Победы, который был перенесен из-за коронавируса; он был проведен в 28 городах страны. Это событие широко освещалось в СМИ и подавалось преимущественно через позитивный событийный ряд.

В-третьих, несмотря на то, что появляются новые симптомы и осложнения после перенесенного COVID-19, ведутся активные разработки вакцины от коронавируса, а Минздрав зарегистрировал лекарство, спасающее от осложнений коронавируса.

В-четвертых, ежедневные сводки о заболевших коронавирусом говорят о снижении уровня заболеваемости, выглядят более оптимистично. На этом фоне все прогнозы по дальнейшему развитию событий воспринимаются как благоприятные, хотя медики предупреждают, что осенью может начаться вторая волна коронавируса. Страна пытается вернуться к привычной жизни, медленно, с ограничениями, но все же открывается одна сфера за другой.

Пандемия коронавируса 2020 года привела к появлению в российском информационном поле новых терминов, активно использовались разнообразные метафоры, которые фактически конструировали новые дискурсы.

Самой распространённой метафорой стала метафора войны. «Они пребывают в самом очаге опасности», «продвигаются к эпицентру „поля битвы“», «мы шли в „красную зону“», «более 15 000 „белых солдат“», «на передовой линии борьбы», «городские власти готовятся отразить атаку» или «НАТО отступает перед нестандартным для себя врагом».

Статьи из блока международных отношений в контексте эпидемии были посвящены, в основном, действиям Китая, позиции США и особенностям протекания эпидемии в Европе; объяснениям природы возникновения вируса и разработкам в этой области. В этом контексте были использованы такие метафоры, как «ползучий вирус», «чума конспирологии», «вирус невежества», «„железный за-

навес“ коронавируса», «изолированные штаты Америки».

При анализе ухудшающегося экономического положения части российского общества ситуация описывалась с помощью фразеологизмов «вирус в кошельке», «инфицированные зарплаты», «черный лебедь экономики», «деньги не кашляют», «эпидемия кризиса», «вирусный экономический кризис».

Меры ограничительного характера в России стали одной из самых обсуждаемых тем в середине марта до конца мая. Среди метафор можно выделить такие, как «коронавирусная резервация», «общенациональный карантин», «пандемия власти», «сухой карантин».

В контексте меняющейся повседневности, описания случаев заболевания коронавирусом среди населения использовались следующие метафоры: «вирус не ушел в отставку», «вирус опустил занавес», «модная болезнь», «грех коронавируса», «вирус одиночества», «маскишоу», «узница „короны“» и др.

Создаются неологизмы на тему коронавируса – «коронакризис», «корона», «коронабонд», «коронабеда», «коронамайдан», «коронафейк», «коронапреступление», «коронадиссидент».

О дискурсивных стратегиях Президента РФ

При изучении политического дискурса в рамках общей стратегии исследования представлялось логичным выделить также смысловые блоки. Всего выделено 8 широких тематических кластеров (рис. 2):

- освещение и репрезентация пандемии как кризиса и как социальной угрозы;
- общественное здоровье и состояние системы здравоохранения;
- состояние и проблемные зоны экономики;
- наука и ее роль в преодолении пандемии;
- политика и политики;
- информация и коммуникация;
- гендерные аспекты пандемии;
- образование.

Риторика Президента РФ была преимущественно сосредоточена в рамках трех тематических блоков: социальные угрозы и кризис, экономика, общественное здоровье (рис. 2). Говоря о состоянии российской экономики, Президент часто подчеркивает, что кризис пе-

Рисунок 2 – Распределение актуальности тематических блоков

Figure 2 – Distribution of the relevance of thematic blocks

реживают все отрасли и им необходима государственная поддержка. Подчеркивается, что сохранение рабочих мест и доходов граждан является одной из важнейших задач в период эпидемии. Сегодня, в период набирающей развитие второй волны коронавируса, Президент принял решение продлить меры поддержки бизнеса, подчеркнув, что предпринятые меры будут действовать до конца 2020 г. в таком же объеме, как и весной 2020 [14]. Поддержка в первую очередь будет направлена на те отрасли, которые в большей степени пострадали от влияния COVID-19. Представители малого и среднего бизнеса получают отсрочки по всевозможным расчетам с государством.

В блоке «Общественное здоровье» сюжеты, освещаемые В. Путиным касаются мер по повышению эффективности защиты медперсонала, обеспечения масочного режима, наращивания объема тестирования, повышенного внимания к здоровью пожилых людей.

В рамках темы «Кризис и социальная угроза» Президент отмечает, что все страны находятся в кризисе, вызванном эпидемией коронавируса. Система здравоохранения других стран показала, что не готова к эпидемии и с трудом справляется со сложившейся ситуацией. В то же время Россия выглядит наиболее благополучно. «Мы с вами хорошо знаем, что по сравнению с другими странами, которые также столкнулись с коронавирусной инфекцией, Россия выглядит пока, во всяком случае пока, гораздо более предпочтительно», — подчеркнул В. Путин [15].

Анализ динамики выступлений В. Путина за анализируемый период (с января по июнь

2020 г.) показывает, что наибольшее количество обращений и высказываний Президента было в апреле, что связано с развитием эпидемии, большим увеличением числа заболевших в этом месяце и усиленным поиском социальных мер, позволяющих удержать ситуацию под контролем. В дальнейшем при некоторой стабилизации ситуации, под влиянием фактора сезонности (наступило лето, когда в целом уровень заболеваемости снижается) произошло сокращение выступлений В. Путина по вопросу борьбы с инфекцией. Данное обстоятельство подтверждается официальной статистикой и публикациями по вопросам о количестве заболевших. «После снижения заболеваемости коронавирусом летом, в России с сентября вновь начался прирост числа больных COVID-19» [16].

Наиболее продуктивным и содержательным в плане усилий власти были май и июнь, когда были приняты наиболее значимые меры в области социальной поддержки врачей, финансовой поддержки некоторых отраслей промышленности, социальной поддержки детей и родительства. Так, дополнительные меры материального характера для домохозяйств, где проживают дети дошкольного возраста – от 3 до 7 лет – должны были начать действовать с июля 2020 г., однако В. Путин распорядился ускорить процесс и начать выплаты семьям с июня 2020 г. [17].

Много говорилось о поиске решений и выхода из сложившейся ситуации. Лейтмотивом сообщений В. Путина является тезис об оперативности, согласованности действий. Президент подчеркивал неоднократно, что всем гражданам необходимо сплотиться, оказывать поддержку друг другу и проявлять понимание. «В тяжёлых условиях эпидемии проявились лучшие качества нашего народа. За это время мы многое переосмыслили, научились более бережному отношению друг к другу и вновь осознали, как важны, необходимы солидарность и доверие, которые помогают достойно проходить любые испытания» [17].

Нередко в своих выступлениях Президент, обращаясь к гражданам, призывает их неукоснительно следовать предписаниям и мерам, разработанным специально для выхода из сложившейся эпидемиологической обстановки:

Таблица 1 – Распределение метафор по тематическим блокам

Table 1 – Distribution of metaphors by thematic blocks

Смысловые блоки метафор	Частота встречаемости
Метафоры, которые отражают военное положение, чрезвычайное положение, необходимость мобилизации в обществе	54 %
Метафоры, которые характеризуют действия специальных служб и мед работников (самоотверженность, героизм, применительно к мед работникам)	19 %
Метафоры, отражающие образ кризиса, как мировой напасти, мировой проблемы	14 %
Метафоры, которые характеризуют действия людей в условиях кризиса	13 %

«Прошу граждан с предельным вниманием отнестись к рекомендациям врачей и органов власти» [18]. Действительно, крайне важно соблюдать все рекомендации, ведь по данным опросов, 80–85 % заболевших говорят, что причина заболевания – несоблюдение ими масочного режима и участие в массовых мероприятиях [19].

Отдельно обратимся к анализу блока метафор, которые были выделены в текстах выступлений В. Путина за анализируемый период с марта по июль 2020 г. Представляется логичным выделить 4 группы метафор (табл. 1).

Наибольшее количество метафор встречается в смысловом блоке, где реализован дискурс войны и преодоления, который отражает драматизм сложившейся ситуации. Это проявляется в таких метафорах, как «эпидемия словно резко разделила время на до и после неё»; «Мы вновь вырвали у эпидемии время. И опять добились главного – сохранили человеческие жизни» [17].

Следующий по частоте упоминания метафор – блок, который характеризует действия спецслужб и медицинских работников. Он представлен следующими высказываниями: «Именно они в больницах и инфекционных отделениях, на всех врачебных участках держат оборону от наступающей эпидемии» [20]; «Если потребуется, всё соберём в кулак: ресурсы наших ведущих медицинских центров, Вооружённых Сил, МЧС, волонтёров» [17]; «Повторю, всё должно быть отлажено, все звенья – работать как единый механизм, участковые терапевты и узкие специалисты, приёмные и ди-

агностические отделения, службы скорой помощи» [21].

Образ эпидемии как катастрофы, мировой напасти описан такими метафорами, как «Мы должны добиться, чтобы волна эпидемии схлынула, пошла наконец на спад» [21]; «Вы помните, что буквально после первых сообщений о новом вирусе он стал распространяться по всему миру, как пожар под порывами ветра» [17].

Метафоры, которые ориентируют людей в условиях кризиса, отражают дискурс деятельности ответственности и осторожности. «Но повторю: это должны быть детально просчитанные решения глав субъектов Федерации»; «терять бдительность ни в коем случае нельзя»; «Опасно безрассудно забегать вперёд. Но и сидеть сложа руки, уклоняясь от ответственности, также нельзя» [22].

В целом можно сделать вывод, что применяя в выступлениях метафоры, Президент стремится подчеркнуть необходимость всеобщей мобилизации, высокой вовлеченности каждого простого человека, волонтера, медработника и др., масштабность и стремительность распространения инфекции во всем мире, чрезвычайность сложившейся ситуации. Метафоры в выступлениях В. Путина направлены на придание большего драматизма ситуации, проводят параллель с образом военного положения в обществе и призывают к сплочению, объединению людей, проявлению солидарности, равнодушного отношения к происходящему и неукоснительному соблюдению предписываемых государством профилактических мер, таких как использование масок, соблюдение социальной дистанции, гигиена рук, а также сокращение социальных контактов и взаимодействие в режиме *face to face*.

Сегодня ситуация с коронавирусом несколько изменилась. Многие говорят о второй волне заболеваемости, об этом свидетельствуют и данные статистики, которые показывают нам большой скачок новых заболевших, а также новые антирекорды заболеваемости, которые мы наблюдаем изо дня в день. Так, по данным на 11 октября 2020 г. в России зафиксированы 1 298 718 случаев заражения коронавирусом COVID-19. По сравнению с предыдущим днем число зараженных выросло на 13 634 че-

ловека [23]. Заболеваемость растет как среди элиты, так и среди простых людей. Но жители в значительной степени привыкли к такому положению вещей. В. Путин отметил, что они устали от соблюдения антикоронавирусных правил. «Конечно, маски, социальная дистанция, тем более изоляция, определенные и известные ограничения по местам учебы, работы – это все людям надоело, и я их прекрасно понимаю» [24].

На таком фоне часто указания, поступающие от Президента, мэра Москвы и других управленческих структур теряют свою определенность. В результате, если раньше люди старались соблюдать меры предосторожности, то сейчас они устали и во многом халатно относятся к рекомендациям центра. «Очевидно, что очень многие пока не считают необходимым заняться обеспечением собственного здоровья. Это очевидный факт, и его приходится констатировать» [25].

Обратим внимание, что распространение коронавирусной инфекции лишь в малой степени отразилось на рейтинге В. Путина. В целом, в общественном мнении Президент выступает как эффективный управленец, который принимает решения и контролирует ситуацию. Обращения к россиянам (25 марта и 2 апреля 2020 г.) свидетельствовали о его высокой вовлеченности в проблему, в результате рейтинг В. Путина вырос [26]. На сегодняшний день на прямой вопрос о доверии Владимиру Путину, по данным ВЦИОМ, положительно отвечают 67,7 % респондентов [27].

Выводы

Можно утверждать, что эмоциональный тон публикаций в средствах массовой информации коррелирует с этапами распространения вируса: в начале февраля прогнозы чаще были оптимистичными; в пик эпидемии преобладали негативные и пессимистические прогнозы, чаще сообщалось о потенциальных угрозах; летом основным страхом, транслируемым в СМИ, стала вторая волна коронавируса, в то время как остальные сценарии и угрозы отошли на второй план. Что касается социальных прогнозов, то, начиная с весны, они носят скорее апокалиптический характер.

СМИ подробно освещали события по ходу развития ситуации и меры по предотвра-

щению развития негативного сценария и информировали население о предпринимаемых мерах защиты и поддержки. В целом, средства массовой информации следовали за фактическим положением в ходе эпидемии коронавируса в России и мире. Таким образом, полученные данные, соответствуют закономерным сценариям развития событий. Четко отслеживаются этапы прогнозирования и анализа ситуации, этап реализации социально-политических и экономических мер и этап ликвидации последствий ущерба, нанесенного пандемией коронавируса.

Анализ социального тематического контента позволил выявить очевидную дискурсивность освещения тем, связанных с распространением коронавирусной инфекции в мире и России. При этом с обострением ситуации обнаруживается смена скептических дискурсов на негативные, в частности дискурс социальных угроз, опасности, дискурс преодоления и мученичества. Затем доминирующим дискурсом стали позитивные дискурсы социального участия, партнерства, взаимопомощи и социальной полезности, а также дискурс новых перспектив.

Вместе с тем, СМИ продолжают играть существенную роль в формировании общественного мнения и часто являются источником непроверенных слухов, способствуя ухудшению социального самочувствия общества.

Большую роль в нормализации ситуации сыграла позиция федеральной власти, не только взявшей на себя ответственность за принимаемые меры, но и продемонстрировавшая информационную открытость обществу в кризисное время. В конце января 2020 года по поручению М. Мишустина был создан единый федеральный штаб для координации работы городских и федеральных служб в борьбе с коронавирусом. Основная его деятельность направлена на мониторинг текущей ситуации по коронавирусу в стране и мире, подготовке рекомендаций государственным органам и регионам, контролю и координации работы по предотвращению заболеваний, а также представлению в СМИ актуальной и точной информации о статистике заболеваемости.

При этом все тексты, ассоциированные с Президентом, связаны только с официальными

ми заявлениями, обращениями к народу и выступлениями на совещаниях Правительства, заседаниях Госсовета и специально сформированного штаба по борьбе с коронавирусной инфекцией.

Дискурсивная стратегия Президента носит рациональный и запланированный характер. Меры социальной поддержки, которые были озвучены Президентом в выступлениях, исключали популизм, действовал принцип адресности, учета конкретных жизненных ситуаций, с которыми столкнулись люди. Государственная помощь малому и среднему бизнесу также была реализована в соответствии с заявлениями В. Путина.

Как известно, в отличие от американского или французского президента, В. Путин не имеет собственных аккаунтов в социальных сетях, где можно было бы увидеть спонтанные выражения понимания и анализа ситуации. Отметим, что информация в социальных сетях часто может носить персонализированный, личный характер, сообщения могут быть менее официальными, создавая иллюзию обращения к аудитории напрямую. Такие сюжеты могут спровоцировать слухи и неоднозначное понимание или оценку ситуаций, а также вызвать дискуссию, побудить индивидов публично выражать несогласие или сомнение. Пока В. Путин придерживается строго офи-

циальных заявлений, четко выверенных данных и в своей политической риторике, связанной с коронавирусом, избегает неоднозначных, размытых нечетких заявлений. Доминирующий дискурс президента можно идентифицировать как дискурс защиты и поддержки, а дополнительный – как дискурс возможностей и перспектив.

Коронавирус, представляя угрозу не только физическому здоровью граждан страны, влечет за собой негативные последствия, которые затрагивают все сферы жизни общества и социальных взаимодействий: обостряются проблемы социального неравенства, появляются новые его формы, ограничиваются права и свободы граждан, повышается уровень социально-политической тревожности. В этой ситуации необходимо принятие ряда мер и законов, направленных на сглаживание сложившейся ситуации, с тем чтобы избежать возможного обострения социальных конфликтов, что может повлечь еще больший кризис для конкретного государства.

Сегодня необходимо переосмысление отношений власти и человека, структур управления, укрепление доверия власти в обществе для стабилизации сложившейся ситуации и реализации эффективных мер, предлагаемых правительством страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Подольская Е.А., Назаркина В.Н. (2016). Социальная безопасность: сущность, угрозы и пути обеспечения // Социологические исследования. № 11. С. 133–139.

2. В Роспотребнадзоре рассказали о пике заразности коронавируса // Официальный сайт информационного агентства «РИА-Новости». URL: <https://ria.ru/20201121/koronavirus-1585670879.html> (дата обращения: 21.11.2020).

3. Совещание о санитарно-эпидемиологической обстановке в России // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63194> (дата обращения: 13.04.2020).

4. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю. (2020). Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. № 7. С. 138–143.

5. Кучинов А.М. (2016). Подходы и методики для исследования текстов и дискурса в политологии: опыт классификации // Полис. Политические исследования. № 5. С. 80–96.

6. Лассан Э. (1995). Дискурс власти и инакомыслия в СССР: Когнитивно-риторический анализ. Вильнюс. 232 с.

7. Fairclough N. (2013). Critical Discourse Analysis and Critical Policy Studies, *Critical Policy Studies*, L. : Taylor & Francis. Vol. 7. Iss. 2. Pp. 177–197.

8. Бодрунов С.Д. (2020) Мировые кризисы XXI века обнажают противоречия современной социально-экономической модели // Социологические исследования. № 10. С. 146–157.

9. Путин призвал россиян не скупать продукты на фоне коронавируса: «Потом приходится выбрасывать» // Официальный сайт информационного портала «Бизнес online». URL: <https://www.businessonline.ru/news/2020/04/15/putin-prizval-rossiyan-ne-skupat-produkty-na-fone-koronavirusa-1585670879.html>

//www.business-gazeta.ru/news/461540 (дата обращения: 17.03.2020).

10. Путин: Россия пошла на беспрецедентные меры поддержки по коронавирусу // Официальный сайт «Газета.ру». URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/11/21/n_15258451.shtml (дата обращения: 21.11.2020).

11. Путин подтвердил готовность оказать помощь Италии в связи с коронавирусом // Официальный информационный ресурс «Тасс». URL: <https://tass.ru/obschestvo/8045281> (дата обращения: 21.03.2020).

12. Зачем Россия помогает всему миру в борьбе с коронавирусом? // Официальный сайт «Путин сегодня». URL: <https://www.putin-today.ru/archives/98088> (дата обращения: 14.04.2020).

13. Путин объяснил, почему Россия помогает другим странам, хотя не решила свои проблемы // Официальный информационный ресурс «Альта пресс.ру». URL: <https://altapress.ru/politika/story/putin-objyasnil-pochemu-rossiya-pomogaet-drugim-stranam-hotya-ne-reshila-svoiproblemi-256215> (дата обращения: 21.10.2019).

14. Правительство продлило меры поддержки бизнеса из-за COVID-19 // Официальный сайт сетевого издания «Интересная Россия». URL: <https://www.ptoday.ru/ekonomika/pravitelstvo-prodlilo-mery-podderzhki-biznesa-iz-za-covid-19> (дата обращения: 21.11.2020).

15. Сопещание о санитарно-эпидемиологической обстановке в России // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63194> (дата обращения: 13.04.2020).

16. «Цифры растут»: в Кремле не исключили новых мер по COVID-19 // Официальный сайт «Газета.ру». URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/09_a_13313281.shtml (дата обращения: 09.10.2020).

17. Обращение к гражданам России // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63548> (дата обращения: 23.06.2020).

18. Обращение к гражданам России // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63061> (дата обращения: 25.05.2020).

//kremlin.ru/events/president/news/63061 (дата обращения: 25.05.2020).

19. Владимир Путин призвал объяснять людям опасность коронавируса // Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2020/09/29/putin-prizval-obiasniat-liudiam-opasnost-koronavirusa.html> (дата обращения: 29.09.2020).

20. Обращение к гражданам России // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63133> (дата обращения: 02.04.2020).

21. Сопещание с руководителями субъектов Федерации по вопросам противодействия распространению коронавирусной инфекции // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63288> (дата обращения: 02.04.2020).

22. Сопещание о санитарно-эпидемиологической обстановке // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63340> (дата обращения: 11.05.2020).

23. Статистика развития пандемии коронавируса Covid-19 в России // Официальный сайт «Коронавирус-монитор». URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/russia/> (дата обращения: 11.10.2020).

24. Путин призвал регионы быть готовыми к любому развитию ситуации с коронавирусом // Официальный сайт НТВ-новости. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2429140/> (дата обращения: 29.09.2020).

25. «Цифры растут»: в Кремле не исключили новых мер по COVID-19 // Официальный сайт «Газета.ру». URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/09_a_13313281.shtml (дата обращения: 09.10.2020).

26. Глава ВЦИОМа: рост рейтинга Путина обоснован его решениями на фоне коронавируса // Официальный сайт Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4315839> (дата обращения: 06.04.2020).

27. Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10580> (дата обращения: 09.10.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Великая Наталия Михайлова – доктор политических наук, профессор; Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); Российский государственный гуманитарный университет (125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6); natalivelikaya@gmail.com.

Сакка Фламиния – доктор политических наук, профессор; Университет Тушии (01100, Италия, Витербо, ул. Виа Санта Мариа ин Гради, 4); sacca@unitus.it.

Ирсетская Елена Александровна – кандидат социологических наук, доцент; Всероссийский центр изучения общественного мнения (119034, Россия, Москва, ул. Пречистенка, 38); Российский государственный гуманитарный университет (125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6); e.irs@rggu.ru.

CORONAVIRUS PANDEMIC IN THE MODERN RUSSIAN PUBLIC DISCOURSE: THREATS, CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

N.M. Velikaya^{4a,b}, F. Saccà^{5c}, E.A. Irsetskaya^{6d,b}

^aFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Socio-Political Research

^bRussian State University for the Humanities

^cTuscia University

^dRussian Public Opinion Research Center

ABSTRACT:

The paper discusses specific features of public discourse connected with the COVID-19 pandemic and political rhetoric of the Russian President under the conditions of the spread of coronavirus disease. Based on the quantitative and qualitative content analysis of the media and the speeches of the President of the Russian Federation, the main thematic blocks that present the pandemic as a social threat with economic, political and social consequences significantly changing people's daily lives are identified.

The article provides an overview of the recent publications devoted to coronavirus infection, identifies the dominant thematic clusters, and shows that the thematic repertoire and their emotional component varied at different stages of the virus spread.

The features of representation of social fears related to coronavirus in the domestic media have been described and analyzed. The main topics related to information distortion have been identified. Due to the dominance of publications on epidemiological and medical risks, economic and socio-political risks, including those triggered by a number of measures and restrictions caused by the pandemic, have taken a back seat. The research revealed groups of metaphors that are most typical of various thematic clusters and it has become obvious that the metaphor of war and military operations dominate over the others.

On the basis of the analysis of measures undertaken by the Russian Federation at different stages of coronavirus infection spread, the study identifies the main thematic blocks and dominant metaphors in V. Putin's discourse strategies used in official speeches and addresses. The conclusion is made about the limited and closed nature of the President's discourse as exclusively official, which was aimed at minimizing the spread of negative and pessimistic forecasts.

KEYWORDS: coronavirus infection, pandemic, mass media, public discourse, political rhetoric, metaphor.

FOR CITATION: Velikaya N.M., Saccà F., Irsetskaya E.A. (2021). Coronavirus pandemic in the modern Russian public discourse: threats, challenges and opportunities, *Management Issues*, no. 1, pp. 8–22.

⁴RSCI AuthorID: 286986, ORCID: 0000-0001-5532-844X

⁵ORCID: 0000-0001-5960-9169

⁶RSCI AuthorID: 617235, ORCID: 0000-0003-0191-6486

REFERENCES

1. Podolskaya E.A., Nazarkina V.N. (2016). Social security: essence, threats and ways of ensuring, *Sociological research*, no. 11. pp. 133–139.
2. Rospotrebnadzor told about the peak of infectiousness of coronavirus. Official site of the information agency “RIA-Novosti”. URL: <https://ria.ru/20201121/koronavirus-1585670879.html> (accessed 21.11.2020).
3. Meeting on the sanitary and epidemiological situation in Russia. Official site of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63194> (accessed 13.04.2020).
4. Reshetnikov A.V., Prisyazhnaya N.V., Pavlov S.V., Vyatkina N.Yu. (2020). Perception of the COVID-19 pandemic by residents of Moscow, *Sociological Research*, no. 7, pp. 138–143.
5. Kuchinov A.M. (2016). Approaches and methods for the study of texts and discourse in political science: the experience of classification, *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 80–96.
6. Lassan E. (1995). Discourse of Power and Dissent in the USSR. Cognitive-Rhetorical Analysis. Vilnius. 232 p.
7. Fairclough N. (2013). Critical Discourse Analysis and Critical Policy Studies, *Critical Policy Studies*, L. : Taylor & Francis. Vol. 7. Iss. 2. Pp. 177–197.
8. Bodrunov S.D. (2020) World crises of the XXI century reveal the contradictions of the modern socio-economic model, *Sociological Research*, no. 10, pp. 146–157.
9. Putin urged Russians not to buy food amid the coronavirus: “You’ll have to throw it away”. Official website of the information portal “Business online”. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/461540> (accessed 17.03.2020).
10. Putin: Russia agreed to unprecedented support measures for the coronavirus. Gazeta.ru official website. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/11/21/n_15258451.shtml (accessed 21.11.2020).
11. Putin confirmed his readiness to provide assistance to Italy in connection with the coronavirus. Official information resource “Tass”. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8045281> (accessed 21.03.2020).
12. Why is Russia helping the whole world in the fight against coronavirus? Official site “Putin Today”. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/98088> (accessed 14.04.2020).
13. Putin explained why Russia helps other countries, although it has not solved its problems. Official information resource “Alta press.ru”. URL: <https://altapress.ru/politika/story/putin-objyasnil-pochemu-rossiya-pomogaet-drugim-stranam-hotya-ne-reshila-svoi-problemi-256215> (accessed 21.10.2019).
14. The government has extended business support measures due to COVID-19. Official website of the online edition “Interesting Russia”. URL: <https://www.ptoday.ru/ekonomika/pravitelstvo-prodlilomery-podderzhki-biznesa-iz-za-covid-19> (accessed 21.11.2020).
15. Meeting on the sanitary and epidemiological situation in Russia. Official site of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63194> (accessed 13.04.2020).
16. “The numbers are growing”: the Kremlin did not rule out new measures on COVID-19. Official site “Gazeta ru.” URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/09_a_13313281.shtml (accessed 09.10.2020).
17. Appeal to the citizens of Russia. Official site of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63548> (accessed 23.06.2020).
18. Appeal to the citizens of Russia. Official site of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63061> (accessed 25.05.2020).
19. Vladimir Putin urged to explain to people the danger of coronavirus. Official website of the Russian newspaper. URL: <https://rg.ru/2020/09/29/putin-prizval-obiasniat-liudiam-opasnost-koronavirusa.html> (accessed 29.09.2020).
20. Appeal to the citizens of Russia. Official site of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63133> (accessed 02.04.2020).
21. Meeting with the heads of the constituent entities of the Federation on countering the spread of coronavirus infection. Official website of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63288> (accessed 02.04.2020).
22. Meeting on the sanitary and epidemiological situation. Official site of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63340> (accessed 11.05.2020).
23. Statistics on the development of the Covid-19 coronavirus pandemic in Russia. Coronavirus Monitor official website. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/russia/> (accessed 11.10.2020).
24. Putin urged the regions to be ready for any de-

velopment of the situation with the coronavirus. Official site of NTV-news. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2429140/> (accessed 29.09.2020).

25. "The numbers are growing": the Kremlin did not rule out new measures on COVID-19. Official site "Gazeta ru." URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/09_a_13313281.shtml (accessed 09.10.2020).

26. The head of the Russian Public Opinion Research Center: the growth of Putin's rating is justi-

fied by his decisions against the background of the coronavirus. Official website of Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4315839> (accessed 06.04.2020).

27. Ratings of confidence in politicians, assessments of the work of the president and the government, support for political parties. Official site of the Russian Public Opinion Research Center. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10580> (accessed 10.09.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Nataliya M. Velikaya – Advanced Doctor in Political Sciences, Full Professor; Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); Russian State University for the Humanities (6, Miuskaya Sq., Moscow, 125993, Russia); natalivelikaya@gmail.com.

Flaminia Saccà – Advanced Doctor in Political Sociology, Full Professor; Tuscia University (Via Santa Maria in Gradi, n. 4, Viterbo, 01100, Italy); sacca@unitus.it.

Elena A. Irsetskaya – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Russian Public Opinion Research Center (38, Prechistenka St., Moscow, 119034, Russia); Russian State University for the Humanities (6, Miuskaya Sq., Moscow, 125993, Russia); e.irs@rggu.ru.

НОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В.К. Левашов^{1а}, В.Н. Иванов^{2а}, О.П. Новоженина^{3а}

^аФедеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
Институт социально-политических исследований

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются актуальные проблемы функционирования современного социального государства. В глобальном сообществе и российском гражданском обществе и государстве продолжается процесс социализации государства и этатизации общества – формирования социального правового государства и гражданского общества, формирования фундамента правовых знаний и практик, институтов управления устойчивым развитием мировой цивилизации. В ходе развития этого процесса столкнулись две логики действий: логика догматического спекулятивного либерализма, «господства над природой», войны с природой ради искоренения бедности для богатства и благополучия меньшинства и новая логика научного баланса сосуществования человека, общества и природы в целях устойчивого развития большинства граждан. Авторы считают, что к настоящему моменту в российском обществе и государстве стали проявляться социально-политические императивы, следование которым позволило бы обеспечить социальную интеграцию российского общества в процессе устойчивого развития. В период COVID-кризиса государство и гражданское общество столкнулись с вызовами новой реальности. Для того чтобы адекватно ответить на эти вызовы, выработать согласованную позицию для противостояния угрозе пандемии, граждане должны быть уверены в достоверности получаемой ими информации о коронавирусе из различных источников, а также объективно оценивать предлагаемые СМИ суждения о пандемии. Теоретические положения иллюстрируются и подтверждаются данными социологических исследований. В статье приводятся результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», проводимого под научным руководством д-ра соц. наук В. К. Левашова с 1992 года. Автор показывает методики и результаты эмпирического моделирования социально-политической устойчивости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное государство, социализация государства, этатизация общества, устойчивое развитие общества, социально-политическая устойчивость, моделирование социальных процессов, COVID-кризис, инфодемия, социологический мониторинг, социально-политическое управление.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Левашов В.К., Иванов В.Н., Новоженина О.П. (2021). Новые императивы социально-политического управления // Вопросы управления. № 1. С. 23–33.

Пандемия и обусловленный ею кризис на наших глазах стремительно меняет глобальные, региональные и национально-государственные формы политической и социальной жизни. Скорость, характер, масштабы и размеры событий настолько неординарны, что политики и аналитики говорят о нарастающем хаосе в мировой системе социальных и политических отношений и отказываются понимать и интерпретировать картину событий в

научно-принятой рациональной системе измерений. Общественное сознание тем более не справляется с лавиной накапливающихся перемен, отражая их причудливым калейдоскопом мнений и оценок.

На самом деле материальный мир един в многообразии форм своего проявления и движения: механической, физической, химической, биологической, социальной, и продолжает развиваться по объективным законам.

¹AuthorID РИНЦ: 1395, ScopusID: 35958452200, ResearcherID: R-5424-2016

²AuthorID РИНЦ: 71693, ScopusID: 57214448645

³AuthorID РИНЦ: 74348, ORCID: 0000-0003-3511-0384, ResearcherID: R-5132-2019

Взгляды и прогнозы политиков⁴ и некоторых ученых [1–6] о том, что глобализация, как процесс социокультурного и социально-политического взаимопроникновения и взаимодействия наций и государств, деградирует и закрывается, являются скорее эмоциональной, чем научно выверенной реакцией отражения реальности. Напротив, технологии и коммуникации – объективно развивающаяся глобальная техносфера – продолжают связывать мир в сложное социальное новое – глобальный социум, который чутко реагирует на события, успехи и дисфункции в отдельных своих частях и сферах жизнедеятельности: социальной и политической, культурной и образовательной, научной и информационной, а также в экологической и биосфере [7]. Человечество как единое целое уже давно стало планетарной социально-политической реальностью, и обратить процессы взаимозависимости вспять невозможно.

События последних лет не стали исключением: COVID-пандемия и сопутствовавший ей глобальный экономический обвал, голосование в нашей стране по поправкам в Конституцию РФ⁵ [8], информационный скандал⁶ вокруг 75-летнего юбилея победы Красной Армии и советского народа в Великой Отечественной войне над нацистской Германией в 1941–1945 гг. [9; 10], президентские выборы в Белоруссии, скандал вокруг так называемого «отравления» российского блогера, вновь разгоревшийся Карабахский конфликт на южном Кавказе, сорванные парламентские выборы в Киргизии – все эти события носят пла-

нетарный характер и происходят на постсоветском пространстве в зоне обеспечения безопасности РФ. Для того чтобы понять, измерить и минимизировать внешние и внутренние социальные и политические угрозы, политикам нельзя забывать фундаментальные законы диалектики глобального развития мировой и локальных цивилизаций.

Доказательством продолжения проявления глобальных тенденций жизнедеятельности стала вирусная пандемия COVID-19. Она обнажила проблемы глобализации, воистину став для нее, по словам Ф. Фукуямы [11], беспрецедентным стресс-тестом⁷. Новый вирус, взяв своё начало в Китае в декабре 2019 года, стремительно (в течение 2–3 месяцев) распространился по всему миру, доказав, что в эпоху интенсивно расширяющихся торговых и пассажирских трансконтинентальных коммуникаций проблема биологической безопасности становится решающей для здоровья и выживания цивилизации. Новый вирус показал повышенную резистентность. К февралю 2021 года в России умерло более 68 тыс., а на планете – около 2,1 млн человек⁸. COVID-кризис стал событием, моментом истины и высветил сразу несколько аспектов критического развития мировой и локальных цивилизаций. Его последствия, согласно докладу экспертов Всемирного экономического форума *Global Risks Report 2021*⁹, могут в следующие 3–5 лет поставить под угрозу развитие мировой экономики.

Ученые и политики продолжают вести дискуссию о причинах появления коронавируса и статистике смертности. Сформировались,

⁴Neil Shearing. Globalization Is Ending. Here's How to Prepare for What's Next. URL: <https://www.barrons.com/articles/globalization-is-ending-heres-how-to-prepare-51571652900>; Петр Акопов. Глобализация не переживет пандемии. URL: <https://www.discred.ru/2020/03/17/globalizatsiya-ne-perezhivet-pandemii/>; Николай Усков. Вирус деглобализации: как коронавирус возвращает мир в эпоху Средневековья. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/395283-virus-deglobalizacii-kak-koronavirus-vozvrashchaet-mir-v-epohu-srednevekovya>.

⁵Бурнов В. Зачем голосовать по поправкам в Конституцию РФ. URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20200612/305918610.html.

⁶Даниил Мизин. Ненависть к освободителям: как Россия и Запад воюют за историю // Газета.ру. 8 февраля 2020 г. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/02/08_a_12950773.shtml; США переписывают историю Второй мировой руками европейских хипстеров. URL: <https://riafan.ru/1275724-ssha-perepisyvayut-istoriyu-vtoroi-mirovoi-rukami-evropeiskikh-hipstеров>; Vladimir Putin: The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II. June 18, 2020. URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982>.

⁷Фаррел Г., Ньюман А. Остановит ли коронавирус глобализацию в привычном понимании? URL: <https://globallaffairs.ru/articles/ostanovit-li-koronavirus-globalizaciyu-v-privychnom-ponimanii/>.

⁸Карта коронавируса Covid-19 онлайн. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/russia/> (дата обращения: 22.01.2021).

⁹Global Risks Report 2021. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf.

в том числе среди врачей и специалистов, сообщества COVID-диссидентов¹⁰ и COVID-апологетов. Однако высокая актуальность темы привела к тому, что о ней говорят и пишут даже те, кто далек как от медицинской проблематики, так и от проблем глобализации. Споры и обсуждения приняли настолько интенсивный характер, что появились суждения об информационной пандемии. В условиях функционирования глобальных информационных сетей граждане получают информацию о статистике заболевших в мире, симптомах, возможностях профилактики и лечения из различных источников. Бессистемность суждений, многообразие трактовок, методик подсчета, народных примет и пр. привели к шквалу информационных сообщений самого разного уровня правдоподобности. Скорость и объемы распространения недостоверной информации вскоре были признаны представителем Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) самостоятельной пандемией – инфодемией¹¹. Последовал призыв научно критичнее относиться к информации, учитывая высокую вероятность фейковых вбросов. Очевидно, что пандемия стала событием глобального социального и политического характера и масштаба [12; 13].

В такой обстановке существенно выросла роль официальных СМИ в оценке жизненной ситуации, но даже они предлагали противоречивую информацию. В ходе проведенного научным коллективом ИСПИ ФНИСЦ РАН в августе-сентябре 2020 г. 50 этапа социологического мониторинга «Как живешь, Россия?»¹² исследовались оценки респондентами достоверности получаемой информации о COVID-19 из разных источников. Учитывая ограни-

Таблица 1 – Мнение респондентов о том, соответствуют ли действительности сообщения о коронавирусе по телевидению, радио и в интернете (РФ, август-сентябрь 2020 г., $N = 1\ 607$; % от числа опрошенных)

Table 1 – Opinion of respondents on whether the reports on coronavirus on television, radio and on the Internet are true (RF, August-September 2020, $N = 1\ 607$; % of the number of respondents)

Оценки	Радио, теле-видение	Сайты СМИ в интернете	Соц. сети, блоги в интернете
Соответствуют	31	17	11
Скорее соответствуют	25	27	17
Скорее не соответствуют	19	16	17
Не соответствуют	11	7	8
Затруднились ответить	14	33	47

чения, вызванные эпидемиологической обстановкой в стране, в мониторинге 2020 г. в качестве варианта отсутствует печатная пресса.

Результаты исследования, проведенного в сентябре 2020 г. [14], отразили мнение граждан по поводу соответствия действительности сообщений о коронавирусе из различных источников информации (табл. 1).

Уверенное большинство респондентов склонны доверять традиционным СМИ (56 %). С другой стороны, именно в их отношении отмечается максимальная поляризация мнений. Склонны не доверять сообщениям о коронавирусе из радио и телевидения 30 % респондентов. Доля респондентов, затруднившихся ответить на этот вопрос, невысока, так как эти источники информации для населения традиционны, их хорошо знают, и гражданам считают себя достаточно компетентными для их оценки. Однако, несмотря на сохранение лидирующей позиции, традиционные

¹⁰ «Не верю!»: социологический портрет ковид-диссидента. URL: <https://covid19.fom.ru/post/neveryu-sociologicheskij-portret-kovid-dissidenta>; Откуда есть пошло ковид-диссидентство. URL: <https://news.rambler.ru/science/45272178-otkuda-est-poshlo-kovid-dissidentstvo/?updated>.

¹¹ Борьба с инфодемией вместе // Сайт Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/Health-systems/digital-health/news/news/2020/6/working-together-to-tackle-the-infodemic>.

¹² Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 г. проводит социологический мониторинг «Как живешь, Россия?» под научным руководством доктора социологических наук В.К. Левашова. В основе исследования – всероссийская квотная пропорциональная выборка на основе следующих компонентов генеральной совокупности: пол, возраст, место жительства, образование. При территориальном размещении выборки используется районирование страны на основе экономико-географического компонента (соблюдаются пропорции численности населения и пропорции между городским и сельским населением). В разное время объем выборочной совокупности составлял от 1 312 до 1 866 респондентов; в августе-сентябре 2020 г. – 1 607 респондентов. В исследовании принимает участие взрослое население России.

СМИ постепенно теряли доверие аудитории. По данным аналитиков «Левада Центра», за восемь месяцев 2020 г. доверие к информации, получаемой из телевизора, упало на 4 п.п. (с 52 % в январе до 48 % в августе 2020 г.)¹³. Согласно отчету *Deloitte*, доверие россиян к телевидению снизилось с прошлого года на 5 п.п. и составило в 2020 г. 23 %. В 2017–2018 гг. значение данного показателя держалось на уровне 30 %¹⁴.

Структура мнений респондентов относительно информации тех же официальных СМИ, но уже представленных в интернете, выглядит несколько иначе. И положительных, и отрицательных оценок меньше за счет того, что треть респондентов затруднились оценить качество получаемой информации. Что касается информации о коронавирусной инфекции, получаемой из социальных сетей и блогов, оценить ее затруднились почти половина опрошенных. Таким образом, сообщения о коронавирусе, которые граждане получали по радио и телевидению, по мнению наибольшего их числа, соответствуют действительности. В отношении информации о коронавирусе, которая сообщалась на сайтах СМИ, в социальных сетях и блогах в интернете, устойчивая точка зрения гражданского общества не сформировалась.

Актуальным становится вопрос о международном научном исследовании причин появления вируса, динамики и механизмов распространения коронавируса, а также эффективности противодействия вирусу на международном и национальном уровнях [15–17]. Международное сообщество столкнулось с проблемой биологической безопасности в глобальном масштабе. Кризис распознавания и противодействия вирусной угрозе стал следствием беспредельного вмешательства человека в природную среду. Научный прогресс создал не только колоссальные креативные, но и деструктивные возможности. Коммерциализация фундаментальной науки привела к деформации этики научной деятельно-

сти, трансформации её в сегмент дикого конкурентного рынка с мотивацией максимизации доходов. В сфере охраны здоровья человека и мировой цивилизации уже на протяжении нескольких десятилетий периодически возникают скандалы, связанные с деятельностью транснациональных фармацевтических, химических, продовольственных, сельскохозяйственных компаний. Погоня за прибылью заставляет их нарушать регламенты безопасного производства и НИОКР и в конечном итоге приводит к катастрофам различных масштабов. На этот раз катастрофа – отказ систем биологической безопасности – приняла глобальный характер. Международные и национальные институты, призванные контролировать пределы вмешательства человека в биосферу, не сработали. Сегодня ареной конкурентной борьбы и новым геополитическим фактором становится создание и производство вакцины. Стремление к монополизации рынка с целью усиления влияния на мировой арене и максимизации прибыли выливается в агрессивные и нечистоплотные методы конкуренции, попытки очернения и дискредитации соперников, в частности, противокоронавирусных вакцин российских производителей. Возникает закономерный вопрос о создании эффективных международных и национальных инструментов и институтов для осуществления контрольных функций. COVID-кризис показал, что по мере развития макро- и микронаучных исследований природы и человека возникает острая потребность в контроле за научно-исследовательской деятельностью человека. Наступило время согласования критериев, технологий и механизмов управления безопасностью научно-исследовательской деятельности.

В ходе проводимого нами социологического мониторинга респондентам было предложено оценить по 10-балльной шкале достоверность, по их мнению, ряда наиболее часто встречающихся в информационном поле суждений о возникновении, распространении и

¹³Опрос проведен «Левада Центром» методом личного интервью на дому у респондента. Репрезентативная все-российская выборка городского и сельского населения в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ ($N = 1601$). Период сбора данных: 20–26 августа 2020 г. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/28/ggh/>.

¹⁴Медиапотребление в России – 2020. Комплексное исследование Deloitte. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html>.

Таблица 2 – Оценка респондентами достоверности суждений о возникновении, распространении и последствиях коронавирусной пандемии¹⁵ (РФ, август-сентябрь 2020, $N = 1\ 607$, по десятибалльной шкале)

Table 2 – Assessment by respondents of the reliability of judgments about the occurrence, spread and consequences of the coronavirus pandemic (RF, August-September 2020, $N = 1\ 607$, on a ten-point scale)

Суждение	Средн. балл
Пандемия возникла как результат вмешательства человека в природу	5,8
Пандемия ведёт к мировому кризису, которым воспользуется крупный бизнес для скупки разорившихся компаний	5,5
Коронавирус по неосторожности был упущен из секретных лабораторий	5,4
Фармацевтические компании проводят исследования с непредсказуемыми генетическими и социальными последствиями	5,4
Военные ведут исследования по созданию биологического оружия	5,3
Пандемией воспользуются политики с целью установления большего контроля над гражданским обществом	5,2
Пандемия возникла и распространилась как результат неконтролируемой миграции и массового туризма	5,1
Пандемия возникла как следствие запоздалых действий мирового сообщества против коронавируса	4,6
Пандемия – миф, который навязывают обществу политики и крупный бизнес в своих интересах	4,4
Пандемию породила экономика массового потребления товаров и услуг, максимизации прибыли	4,1

последствиях коронавирусной пандемии. Как видно из данных таблицы 2, российские граждане разделяют приведенные ранее выводы о том, что COVID-кризис стал следствием беспредельного вмешательства человека в природную среду, о недопустимости бесконтрольного развития макро- и микронаучных исследований природы и человека, вмешательства человека в биосферу, в том числе в интересах крупных корпораций и фармацевтических компаний [14, с. 42].

Внимательного изучения со стороны специалистов в области гуманитарных, социальных и медицинских наук требует проблема организации и соблюдения карантинных меро-

приятий в период эпидемий и пандемий. Современное государство и общество, международное сообщество, политики, ответственные за принятие решений, уже не могут поступать в чрезвычайных ситуациях «на глазок», «с запасом» или по модели «я так считаю». Разные масштабы стран и природы, рас и наций, разная природная среда требуют разных научных, медицинских и социально-политических организационных подходов в организации карантинных мероприятий, регламентов и режимов. Излишний либерализм, как и излишние карантинные ограничения, предписания и запреты, ведут к невозможным материальным и людским потерям. Спасая общество от коронавируса, нельзя терять людей, умирающих от других заболеваний и причин. В организации этой работы требуется научный объективный подход и в первую очередь признание ошибок и анализ достижений и опыта предшественников. Жизнь показала, что принятая в нашей стране в недавнем прошлом частно-государственная модель страховой медицины оказалась концептуально провальной в критериях, целях и результатах своего функционирования. Сокращение коечного фонда и минимизация функций стратегического планирования и контроля региональной организации систем здравоохранения привели к необходимости принятия авральных мер по строительству медицинских центров с помощью сил и средств Министерства обороны РФ. В этой связи возникает необходимость пересмотра концепции реформирования системы здравоохранения РФ с учётом уроков прохождения пандемии коронавируса, возможных новых вирусных угроз и опыта работы советской системы здравоохранения [18].

Выборы президентов Белоруссии и США, гражданский протест в Хабаровске показали, что устойчиво развивающееся современное правовое государство и гражданское общество не могут не учитывать изменения процессов политической коммуникации. Процессы трансформации элитарной демократии в социальную демократию продолжают ускоряться [19–22]. Практически всё взрослое население начинает активным образом участвовать в

¹⁵Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН. 1 – самая низкая, 10 – самая высокая достоверность.

гражданских и политических процессах. Цифровые технологии связывают и одновременно поляризуют по группам интересов власть, бизнес и общество всё новыми каналами коммуникации и контроля. Экономика, политика и социосфера всё в большей степени становятся прозрачными для всех граждан. И в этой связи возникает вопрос о диалектике конкуренции и солидарности в отношениях государства и общества. Действительно ли только конкуренция везде и всегда, и сегодня в условиях беспрецедентного расслоения верхов и низов, лево-правой дифференциации ведет к поиску оптимальных режимов устойчивого развития? Очевидно, что это не совсем так. Вся история человечества свидетельствует об обратном.

Продолжающаяся в социально-политической сфере тенденция глобализации обусловлена объективными процессами обобществления производства и сменой технологических укладов. Следствием воздействия этой тенденции является коэволюционный процесс социализации государства и этатизации

общества [23], который результируется в эффектах проявления социального государства – солидаризации и практической реализации жизненных интересов членов общества через совершенствование правовых институтов собственности и механизмов демократического управления [24].

Важно не просто изучить интересы субъектов социально-политических отношений и общества в целом, но и перевести вербальные мнения в показатели, а затем – в систему социальных индикаторов, измеряемых эмпирическими методами. Система социологического мониторинга, разработанная в ИСПИ ФНИСЦ РАН, состоит из шести индикаторов, каждому из которых соответствует собственная шкала значений, – все они используются для построения интегрального индекса социально-политической устойчивости общества (ИСПУ). За весь изучаемый период динамика индикаторов социально-политической сферы отражена в сконструированном континууме (рис. 1).

Рисунок 1 – Динамика интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости¹⁶

Figure 1 – Dynamics of the integral index and indicators of socio-political stability

¹⁶Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рисунок 2 – Динамика экономического и социально-политического развития российского общества в 1996-2019 годах¹⁷

Figure 2 – Dynamics of the economic and socio-political development of Russian society in 1996–2019

Каждый показатель отражает особенности проявления одного из аспектов социально-политической жизни российского общества. Так, наименее динамичным и не выходящим из нижней трети зоны кризисного развития остается индикатор социально-политической отчужденности, отражающий риски и угрозы легитимности власти. Большая часть российского общества на протяжении двух десятилетий разделяет мнение, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь», «власти нет дела до простых людей», «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране». Более позитивную динамику демонстрируют индикаторы обеспечения государством норм жизни демократического общества и уровня доверия социальным и политическим институтам. Однако и они не выходят за пределы кризисной зоны. Подавляющая часть населения фактически отстранена от управления собственностью, и в демократических процедурах участвует только на выборах. Вследствие этого низок уровень доверия чиновникам госаппарата, коррумпированной верхушке бюрократии, банкирам, олигархам. Вместе с тем индикатор необходимости трансформации политической системы общества отражает преобладающее мнение граждан о необходимости реформ в политической сфере.

В целом динамика интегрального социально-политического индекса отражает фундаментальное противоречие: государство про-

водимой политикой радикальных либеральных реформ противопоставляет себя обществу, а то, в свою очередь, не поддерживает асоциальную направленность проводимых преобразований, поскольку исчерпало внутренние резервы выживания.

Сопоставив динамику субъективного показателя – интегрального индекса социально-политической устойчивости – с основными объективными показателями, характеризующими изменение состояния экономики, мы получили картину, свидетельствующую о том, что в стране происходило противоборство двух социально-политических тенденций (рис. 2).

Первая тенденция определяется стремлением социально-политических сил (крупной буржуазии и новой бюрократии, обслуживающей квазилиберальные реформы, «обменявшей» старые властные привилегии на собственность и доходы с собственности) во что бы то ни стало продолжить курс радикального либерального реформирования.

Вторая тенденция основана на процессе формирования современной политической культуры устойчивого развития и воплощается в стратегии устойчивого развития гражданского общества и правового государства [25; 26]. Генеральная ассамблея ООН в 2015 году приняла 17 целей устойчивого развития, которые входят в повестку ООН до 2030 года. Среди них: всеобщее экономическое благосостояние, ликвидация нищеты, повышение качества образования и здравоохранения, развитие возобновляемой энергетики, рационального производства и потребления, борьба с изменением климата, сохранение экосистем, правосудие, качество институтов и соблюдение прав человека. Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденные Указом Президента России от 21.07.2020 г. № 474, напрямую переключаются с целями устойчивого развития – это и сохранение населения, здоровья и благополучия людей, и создание комфортной и безопасной среды для жизни, и обеспечение достойного, эффективного труда и успешного предпринимательства.

¹⁷Источник: Валовой внутренний продукт: годовые данные // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm ; Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

К настоящему моменту в российском обществе и государстве стали проявляться социально-политические императивы, способные обеспечить социальную интеграцию российского общества в процессе устойчивого развития. Среди них в первую очередь отказ от неолиберальной идеологии реформирования и переход к научно-обоснованной стратегии и политике социально интегрированного устойчивого развития, принятие первыми лицами государства плана развития народного хозяйства России, создание в обществе системы стимулирования для большинства граждан России путем превращения их в реальных собственников и их активное вовлечение в процессы рыночной экономики.

Результаты исследований демонстрируют: в глобальном сообществе и российском граж-

данском обществе и государстве происходит процесс интериоризации приоритетов и целей устойчивого развития мировой цивилизации, продолжается процесс формирования социального правового государства и гражданского общества, упрочения фундамента правовых знаний и практик, институтов управления устойчивым развитием мировой цивилизации. Противостояние нового и старого образов жизнедеятельности проявляется как на национальном, так и на глобальном уровнях. Потребительско-манипулятивный способ жизнедеятельности общества приводит к материальной, духовно-нравственной, культурной деградации для большинства граждан. В то время как научно обоснованный, рациональный открывает возможности для ныне живущих и последующих поколений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bauman Z. (2005). 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge: Polity.

2. Krastev I. (2013). In *Mistrust We Trust: Can Democracy Survive When We Don't Trust Our Leaders?* New York: TED Books. 71 p.

3. Дуткевич П., Казаринова Д.Б. (2017). Конец эпохи глобализации: причины и последствия // Вестник РУДН. Серия: Политология. № 1. С. 7–14.

4. Иванов Д.В. (2020). Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. № 5. С. 44–55.

5. Lieven A. (2020). The Coronavirus Holds Up a Mirror to Existing Societies: What Will They See? *Russia In Global Affairs*, vol. 18, no. 2, pp. 15–18. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-2-15-18.

6. Bratersky M. (2020). International Life after the Pandemic, *Russia In Global Affairs*, vol. 18, no. 2, pp. 19–25. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-2-19-25.

7. Чумаков А.Н., Юрченко П.С. (2020). Коронавирус и глобализация: знание vs. домыслы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. № 3. С. 112–122.

8. Старостина И.А. (2020). Общероссийское голосование в контексте конституционных поправок 2020 года // Конституционное и муниципальное право. № 8. С. 18–23.

9. Рязанцев С.В., Иванов В.Н. (2020). Ве-

ликая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты : Монография / Отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов ; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М. : Изд-во «Экон-Информ». 450 с.

10. Голубицкий Ю.А. (2020). «Пятая колонна» и её вдохновители в попытках обогатить великую Победу // Человеческий капитал. № 5 (137). С. 11–26.

11. Francis Fukuyama. (2020). The Pandemic and Political Order, *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order> (accessed 01.01.2021).

12. Катасонов В.Ю. (2020). От вируса к диктатуре. М. : Изд-во «Книжный мир». 480 с.

13. Недель А. (2020) Пандемия. COVID-19, люди и политика. СПб. : Издательство «Алетейя». ISBN 978-5-00165-126-0. 220 с.

14. Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Гребняк О.В., Новоженина О.П. (2020). Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года / Под общей редакцией В.К. Левашова. М. : Перспектива. 62 с.

15. Johnson Christine K., Hitchens Peta L., Pandit Pranav S., Rushmore Julie, Evans Tierra Smiley, Young Cristin C. W. and Doyle Megan M. (2020). Global shifts in mammalian population trends reveal key predictors of virus spillover risk. *Royal Society Publishing. Proc. R. Soc. B.*28720192736.

16. Alessandro Blasimme, Effy Vayena. (2020). What's next for COVID-19 apps? *Governance and oversight. Science*, vol. 370, Iss. 6518, pp. 760–762.

17. Дайджест: Наука и борьба с COVID-19. Счетная палата Российской Федерации. Дайджест подготовлен Департаментом международного и регионального сотрудничества. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-science.pdf> (дата обращения: 01.01.2021).

18. Стародубов В.И., Кадыров Ф.Н., Обухова О.В., Базарова И.Н., Ендовицкая Ю.В., Несветайло Н.Я. (2020). Российское здравоохранение на фоне коронавируса COVID-19: возможности и угрозы // Менеджер здравоохранения. № 5. С. 68–78.

19. Вильфредо Парето. (2017). Трансформация демократии / пер. с ит. М. А. Юсима. М.: РИОР : ИНФРА-М. 154 с.

20. Барбашин М.Ю. (2011). Институциональная демократия и социальные дилеммы: опыт постсоветских трансформаций // Saarbrucken, Germany: LAP Lambert Academic Publishing. 168 с.

21. Фишман Л.Г. (2015). Создают ли демократию элиты? // Антиномии: Научный ежегодник

Института философии и права УрО РАН. Т. 15. Вып. 2. С. 61–70.

22. Камышин А.С. (2016). Историческая трансформация элитарной власти в проблемном поле социальной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. № 2.

23. Левашов В.К. (2014). Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. № 7. С. 32–46.

24. Левашов В.К. (2020). Диалектика и динамика взаимодействия гражданского общества и социального государства // Россия в XXI веке / под ред. Л. Е. Ильичевой, В. С. Комаровского. М.: Издательство «Аспект-пресс». С. 422–438.

25. Китаев С.В. (2017). Проблема политической стабильности и устойчивого развития российского государства // Научный вестник волгоградского филиала РАНХИГС. Серия «Политология и социология». № 2. С. 37–40.

26. Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия: Коллективная монография. Изд-во Московского университета, 2018. 320 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Левашов Виктор Константинович – доктор социологических наук; Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); levachov@mail.ru.

Иванов Вилен Николаевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор; Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); vilen_ivanov@bk.ru.

Новоженина Ольга Петровна – Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); olganov@yandex.ru.

NEW IMPERATIVES OF THE SOCIAL AND POLITICAL MANAGEMENT

V.K. Levashov^{18a}, V.N. Ivanov^{19a}, O.P. Novozhenina^{20a}

^aFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Socio-Political Research

ABSTRACT:

The article examines the current problems of the life of a modern social state. The global society and the Russian civil society and state are affected by the ongoing process of socialization of the state and etatisation

¹⁸RSCI AuthorID: 1395, ScopusID: 35958452200, ResearcherID: R-5424-2016

¹⁹RSCI AuthorID: 71693, ScopusID: 57214448645

²⁰RSCI AuthorID: 74348, ORCID: 0000-0003-3511-0384, ResearcherID: R-5132-2019

of society, which means establishment of a social state governed by the rule of law and a civil society, development of the basis of legal knowledge and jurisprudence and foundation of institutions managing sustainable development of the global civilization. In the course of this process, two logics of actions collide: the logic of dogmatic speculative liberalism, “domination over nature”, war against the nature for the sake of elimination of poverty and support of well-being of the minority and a new logic of scientific balance of co-existence of person, society and nature for the sustainable development of the majority of people. It is argued that Russian society and the state have begun to manifest socio-political imperatives, following which it might become possible to facilitate social integration of the Russian society into the processes of sustainable development. During the COVID-19 crisis, the state and the civil society have faced challenges of the new reality. In order to adequately respond to these challenges and develop a coordinated attitude to resist the threat of the pandemic, citizens must be confident in the reliability of the information they receive about the coronavirus from various sources and be able to evaluate the media’s judgments about the pandemic. Theoretical propositions are illustrated and confirmed by the data of sociological research. The article presents the results of the sociological monitoring “How are you, Russia?”, conducted under the scientific supervision of Doctor of Social Sciences V. K. Levashov since 1992. The author shows the methods and results of empirical modeling of socio-political stability.

KEYWORDS: social state, socialization of state, etatisation of society, sustainable development of society, social and political sustainability, modeling of social processes, COVID-crisis, infodemic, sociological monitoring, social and political management.

FOR CITATION: Levashov V.K., Ivanov V.N., Novozhenina O.P. (2021). New imperatives of the social and political management, *Management Issues*, no. 1, pp. 23–33.

REFERENCES

1. Bauman Z. (2005). 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge: Polity.
2. Krastev I. (2013). In Mistrust We Trust: Can Democracy Survive When We Don’t Trust Our Leaders? New York: TED Books. 71 p.
3. Dutkevich P., Kazarinova D.B. (2017). The end of the era of globalization: causes and consequences, *Bulletin of RUDN. Series: Political Science*, no. 1, pp. 7–14.
4. Ivanov D.V. (2020). Augmented modernity: the effects of post-globalization and post-virtualization, *Sociological Research*, no. 5, pp. 44–55.
5. Lieven A. (2020). The Coronavirus Holds Up a Mirror to Existing Societies: What Will They See? *Russia In Global Affairs*, vol. 18, no. 2, pp. 15–18. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-2-15-18.
6. Bratersky M. (2020). International Life after the Pandemic, *Russia In Global Affairs*, vol. 18, no. 2, pp. 19–25. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-2-19-25.
7. Chumakov A.N., Yurchenko P.S. (2020). Coronavirus and globalization: knowledge vs. speculation, *Eurasian integration: economics, law, politics*, no. 3, pp. 112–122.
8. Starostina I.A. (2020). Russian voting in the context of the 2020 constitutional amendments, *Constitutional and municipal law*, no. 8, pp. 18–23.
9. Ryazantsev S.V., Ivanov V.N. (2020). The Great Victory of the Soviet People: Socio-Political and Demographic Aspects. Moscow, Publishing house “Econ-Inform”. 450 p.
10. Golubitsky Yu.A. (2020). “The fifth column” and its inspirers in attempts to slander the great Victory, *Human capital*, no. 5 (137), pp. 11–26.
11. Francis Fukuyama. (2020). The Pandemic and Political Order, *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order> (accessed 01.01.2021).
12. Katasonov V.Yu. (2020). From virus to dictatorship. Moscow, Publishing house “Book World”. 480 p.
13. Nedel A. (2020) Panmedia. COVID-19, people and politics. Saint-Petersburg, Publishing house “Aletheia”. ISBN 978-5-00165-126-0. 220 p.
14. Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S., Afanasyev V.A., Grebnyak O.V., Novozhenina O.P. (2020). Express information. How are you, Russia? In: Levashov V.K. (ed.). Stage 50 of sociological monitoring, August–September 2020. Moscow, Perspective. 62 p.
15. Johnson Christine K., Hitchens Peta L., Pandit Pranav S., Rushmore Julie, Evans Tierra Smiley, Young Cristin C. W. and Doyle Megan M. (2020). Global shifts in mammalian population trends reveal

key predictors of virus spillover risk. Royal Society Publishing. Proc. R. Soc. B.28720192736.

16. Alessandro Blasimme, Effy Vayena. (2020). What's next for COVID-19 apps? *Governance and oversight*. *Science*, vol. 370, Iss. 6518, pp. 760–762.

17. Digest: Science and the fight against COVID-19. Accounts Chamber of the Russian Federation (prepared by the Department of International and Regional Cooperation). URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-science.pdf> (accessed 01.01.2021).

18. Starodubov V.I., Kadyrov F.N., Obukhova O.V., Bazarova I.N., Endovitskaya Yu.V., Nesvetailo N.Ya. (2020). Russian healthcare against the backdrop of the COVID-19 coronavirus: opportunities and threats, *Health Manager*, no. 5, pp. 68–78.

19. Wilfredo Pareto. (2017). Transformation of Democracy. Moscow, RIOR, INFRA-M, 154 p.

20. Barbashin M.Yu. (2011). Institutional Democracy and Social Dilemmas: Experience of Post-Soviet Transformations, Saarbrücken, Germany, LAP Lambert Academic Publishing, 168 p.

21. Fishman L.G. (2015). Are elites creating

democracy? *Antinomies: Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, vol. 15, Iss. 2, pp. 61–70.

22. Kamyshin A.S. (2016). Historical transformation of elite power in the problem field of social philosophy, *Izvestiya of the Saratov University. New series. Philosophy Series. Psychology. Pedagogy*, no. 2.

23. Levashov V.K. (2014). Welfare state: historical genesis and dynamics of formation in Russia, *Sociological research*, no. 7, pp. 32–46.

24. Levashov V.K. (2020). Dialectics and dynamics of interaction between civil society and the social state. In: Ilyicheva L.E., Komarovskiy V.S. (eds.). *Russia in the XXI century*. Moscow, Publishing house "Aspect-press", pp. 422–438.

25. Kitaev S.V. (2017). The problem of political stability and sustainable development of the Russian state, *Scientific bulletin of the Volgograd branch of RANEP. Series "Political Science and Sociology"*, no. 2, pp. 37–40.

26. Sustainable Development Strategy in the Context of Political Processes of the XXI Century. Publishing house of Moscow University, 2018, 320 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Viktor K. Levashov – Advanced Doctor in Sociological Sciences; Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); levachov@mail.ru.

Vilen N. Ivanov – Corresponding Member of RAS, Advanced Doctor in Philosophical Sciences, Full Professor; Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); vilen_ivanov@bk.ru.

Olga P. Novozhenina – Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); olganov@yandex.ru.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ США НА КАСПИИ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

М.Х. Абдуллаев^{1a,b}

^aАгентство стратегических коммуникаций

^bАмериканская ассоциация политической науки

АННОТАЦИЯ:

Проблема исследования. Статья посвящена проблематике американского присутствия в Прикаспийском регионе как одного из направлений глобального доминирования Соединенных Штатов Америки в различных частях света. В качестве частных проблем автором поднимаются вопросы продвижения американских геополитических интересов на Каспии, влияния на отдельные страны региона в части экспорта энергоресурсов, использования «транспортных коридоров», противодействия российскому и иранскому лидерству в Каспийском море и усиления военного представительства Запада (НАТО) в бывших странах СССР, пытающихся либо переориентироваться на Европу (Грузия), либо взять на себя роль потенциальной региональной энергетической державы (Азербайджан).

Цель исследования. Ключевой целью предлагаемого исследования является изучение, анализ и выявление основных принципов и направлений внешней политики Соединенных Штатов Америки в Прикаспийском регионе в период президентства 45-го главы Белого дома Дональда Трампа. В качестве факультативных целей, способствующих достижению ключевой, следует обозначить изучение и анализ экспертных мнений и оценок авторитетных американских исследователей, фокусирующих свое внимание на вопросах присутствия США на Каспии в условиях принятия Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 года, поставившей перед США новые вызовы и задачи.

Методология и методы. Методологическую базу исследования составили концепции внешней политики государства, парадигмы теории международных отношений и политического поведения стран; достичь целей исследования помогла также парадигма бихевиореализма, играющего важнейшую роль в американской школе геополитических стратегий. Последняя способствовала лучшему пониманию результатов анализа современных механизмов реализации геополитических интересов США в Прикаспийском регионе, отраженных в исследованиях американских ученых и экспертов.

Основным методом в данной работе выступил качественный анализ научных и научно-публицистических работ американских исследователей за последние пять лет (2016–2020 гг.); анализ как метод способствовал раскрытию ключевых проблем современного развития Каспийского моря, его ресурсов, а также медленно, но уверенно растущего политического напряжения вокруг изучаемого региона.

Результаты исследования. Результаты проведенного анализа экспертных взглядов, оценок и позиций в области каспийской геополитической стратегии США помогли установить, что за последнее пятилетие интерес или как таковая стратегическая активность Соединенных Штатов в регионе Каспийского моря снизились по ряду причин, основные из которых: 1) низкая политическая мотивация администрации Президента Дональда Трампа в прикаспийских маневрах; 2) ее отвлеченность на более значимые регионы, в которых интересы США и их присутствие играют важнейшую роль для формирования векторов внешней политики и стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов Америки.

Третья причина – это появившаяся недавно правовая база регулирования статуса Каспийского моря, добычи и экспорта его ресурсов, строгое определение границ территориальных вод Каспия,

¹AuthorID РИНЦ: 684385, ORCID: 0000-0002-3220-5161, ResearcherID: D-2725-2017

а также сформулированные и ратифицированные пятеркой прикаспийских стран правила прокладки нефте- и газопроводов и т.д. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря «охладила» внешнеполитический пыл США и поставила перед ними задачу выработки принципиально новой «прикаспийской стратегии», дело до которой в администрации Трампа так и не дошло. Тем не менее, это не означает, что американская сторона сдает позиции или уходит из региона: США в любом случае продолжат векторы давления на региональные страны-партнеры (Грузия и в некоторой степени Азербайджан), а также безусловно разработают новую «стратегию партнерства» со среднеазиатскими странами, первоочередное внимание среди которых уделяется богатому нефтью и газом Туркменистану.

Научная новизна. Не претендуя на принципиально новые выводы или заключения (ввиду достаточной разработанности темы в отечественной и зарубежной науке), автор по результатам анализа выявляет ключевые направления современной американской внешнеполитической стратегии на Каспии, пока еще не получившие в российской науке научного осмысления или должного экспертного внимания; формулирует актуальные цели и задачи, стоящие сегодня перед США как перед заинтересованной стороной прикаспийской «борьбы за ресурсы», как игрока политического, который через «обкатанную» методiku «распространения демократии и поддержки национальных суверенитетов» пытается повысить свою роль в регионе и установить пусть пока еще и опосредованный, но в то же время уверенный контроль за распределением энергоресурсов, развитием «транспортных коридоров» и расстановкой военных сил.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: геополитические интересы, США, Каспий, энергетические ресурсы, Прикаспийский регион, внешняя политика США.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Абдуллаев М.Х. (2021). Геополитические интересы США на Каспии глазами американских исследователей // Вопросы управления. № 1. С. 34–46.

Введение

Каспийское море и регион вокруг него были и остаются территорией повышенных геополитических интересов Соединенных Штатов Америки, хотя, как справедливо отмечает директор Центра внешней политики им. Эллисон Люк Коффи, порой американцы недалеко забывают о нем и упускают из виду возможности для стратегических маневров [1]. Прежде всего, привлекательны для американцев транспортное, узловое положение региона и его огромные энергетические ресурсы, которые, и в США не стесняются об этом публично заявлять, могли бы сыграть значительную роль в помощи Европе уйти от высокой степени энергетической зависимости от России, возрождающейся и укрепляющей свои позиции на евразийском континенте.

Прикаспийский регион к тому же является и культурно-географическим перекрестком, родиной для сотен народностей, самобытных, разных по обычаям, культуре, религиозным представлениям; именно такая поликультурность, высокая концентрация различных мировоззрений и даже, не побоимся этого сло-

ва, цивилизаций определяет настроения, социально-политическую ситуацию, в том числе специфику ключевых проблематик региона, десятки нерешенных и берущих свое начало не один или два десятка лет. Прежде всего, это проблемы территориального (в частности, земельного) и религиозного характера (распространение нетрадиционных для региона мусульманских течений, религиозно-политический экстремизм, террористические угрозы, финансовый экстремизм и ряд других).

Тем не менее, даже несмотря на наличие глубоких социально-политических, культурно-исторических и религиозных проблем, имеющих в некоторых случаях кризисную растянутость во времени, Прикаспийский регион (в частности Кавказ) все еще входит в число территорий, представляющих собой повышенный интерес Запада в лице, прежде всего, США.

В предлагаемой статье автором проводится обзор научных и экспертных исследований признанных американских ученых, политологов, экспертов в сфере внешней политики США, а также бывших и нынешних политических деятелей и политтехнологов в

сфере «прикаспийской» и, в частности, «кавказской» политики и стратегических интересов Соединенных Штатов в годы руководства страной 45-ым Президентом США Дональдом Трампом.

Автор отстраняется от формулировки собственных субъективных умозаключений и выводов по указанной тематике, предлагая вниманию читателей обзор публикаций американских исследователей и основных положений, содержащихся в них; в статье фокусируется внимание на актуальных тенденциях в прикаспийской политике США за последние пять лет, которые в Штатах неоднократно называли временем минимальной демонстрации американских интересов в этом стратегически важном регионе, являющимся ключевым подступом к России с юга.

***Геополитика Каспия
и интересы западного сообщества:
краткая предыстория***

Прикаспийский регион² стал своеобразным центром геополитического противостояния практически сразу после распада Советского Союза. Глобальные интересы региональных держав – России, Ирана и Турции, а также усилия по продвижению ключевых стратегий стран Запада (США с интересами военными и ресурсными, ЕС – энергетика и транспортные коридоры) оказывали не только эффект напряженности, но и превращали территорию вокруг Каспийского моря в выравнивание внешнеполитических усилий сверхдержав.

Под прикрытием вопросов безопасности, недопустимости «экспорта» в Европу экстремистских и террористических настроений, сдерживания миграционных потоков и наркотрафика (Афганистан – Туркмения – Каспийское море – Турция – Европа) западные страны активно проталкивали собственные стратегические чаяния, создавая некоторое подобие политической конкуренции в регионе, находящемся за тысячи километров от них. На протяжении всей этой «каспийской истории» главной целью геополитических интере-

сов Запада в лице, прежде всего, Соединенных Штатов Америки оставались энергетические ресурсы региона, а именно влияние на формирование экспортных маршрутов и подавление зависимости местных производителей сырья от влияния России.

Со временем, в некоторой степени отказавшись от стратегии непосредственного влияния на регион, США сменили свою тактику на политику «поддержки регионального развития и ненавязчивого, но уверенного присутствия» на Каспии. К тому же американским интересам мешали конкурентные усилия Ирана [2, с. 219] (контроль Южного Кавказа и южной части Каспийского моря) и Турции (влияние на набирающий обороты в производстве ресурсов Азербайджан), тем более что на рубеже XX – XXI вв. последняя оставалась важным партнером Соединенных Штатов, в частности, в вопросах наведения партнерских «мостов» в Грузию и Азербайджан.

Относительное восстановление российской экономики после прихода к власти в стране Владимира Путина, в разы увеличившиеся объемы добычи и экспорта нефти и газа, а также важные территориально-политические и военные события на Кавказе (в частности, российско-грузинский конфликт 2008 года) стали плеядой своеобразных «сигналов» Вашингтону, что тон недипломатического продвижения интересов на Каспии следует сменить на тактику поиска союзников на постсоветском пространстве и применения стратегии защиты суверенитета малых, «слабых» стран региона, находящихся под влиянием политических настроений в Москве и Тегеране. Более того, американцы осознали, что напрямую противостоять России в пространстве Кавказа у них не получится.

После событий 11 сентября 2001 года администрация президента Дж. Буша мл. придавала региону особую важность в разрезе вопросов общего противодействия террористическим угрозам, установления тесных связей со странами, в которых умеренные мусульмане

²Важным для целей данного исследования является определение географического Прикаспия: по критерию географической близости к региону Каспийского моря логически следует относить прибрежные территории, сопоставимые, как максимум, с масштабами самого моря. Отсюда следует вывод, что в состав изучаемого региона входят большая часть Азербайджана, прикаспийские территории России (Дагестан, Калмыкия, Астраханская область), Западный Казахстан, фактически весь Туркменистан и Северный Иран.

представляли собой большинство либо являлись влиятельной частью национальных сообществ; разумеется путем продвижения партнерских антитеррористических стратегий Соединенные Штаты «прощупывали» почву под формирование транспортных коридоров для экспорта углеводородов.

Годы президентства Барака Обамы американская геополитическая динамика в Прикаспийском регионе замедлилась. Администрация Обамы не проявляла особого интереса к Каспийскому морю, за исключением сохранения прав на транзитные перелеты к военным базам США в Афганистане (транспортные коридоры).

Новый виток усиления геополитического присутствия США в Прикаспии приходится на период межгосударственного обсуждения вопросов правового регулирования статуса Каспийского моря и прилегающих к нему территорий ресурсной добычи, заключение соглашения между прикаспийскими странами о правовых принципах, границах и режимах управления Каспием.

12 августа 2018 года прикаспийские государства подписали Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря [3]. Основные положения этого соглашения включают запрет любого иностранного военного присутствия в Каспийском море и создание механизма для прокладки через него новых трубопроводов. Вдобавок к этому российской стороне удалось ограничить размещение иностранных вооруженных сил в регионе, в частности, развертывание сил НАТО в Грузии и Азербайджане. Проигрываем же России американские исследователи считают тот факт, что подписанная Конвенция может облегчить строительство Транскаспийского газопровода (проект поставки туркменских и азербайджанских энергоресурсов по дну Каспийского моря через Турцию на европейский рынок в обход России), против чего резко выступает официальная Москва.

Памятуя об этих и ряде других сопутствующих факторах формирования новой глобальной «каспийской стратегии», американские исследователи из Caspian Politic Center считают, что для Соединенных Штатов – в условиях возобновления конфликта в Карабахе и эс-

калации политических кризисов в ряде стран Средней Азии, а также с учетом положений Конвенции о правовом статусе Каспийского моря – настало время сформулировать политику более активного взаимодействия со странами Каспийского бассейна, непосредственного влияния на политическую и экономико-энергетическую повестку указанных государств [4].

Авторы статьи «Внешняя политика США в Каспийском море» задаются в данном случае логичным вопросом: что должны делать Соединенные Штаты в обозначенных условиях?

Во-первых, указывается на необходимость проведения т. н. *real politic*, а именно усиление дипломатического и торгового присутствия в странах Каспийского бассейна (в меньшей степени это касается, разумеется, России и Ирана).

Во-вторых, расширение участия частного сектора США в регионе, открытие и поддержка совместных предприятий со значительным американским присутствием (в том числе, технологическим), что поможет проталкиванию американской политики. Немаловажный пункт в данном случае – увеличение американских инвестиций, развитие торговли, что окупится пусть и не в экономическом, но точно в стратегическом плане.

В-третьих, силовое присутствие США в Прикаспийском бассейне как гарантия независимости и суверенитета региональных государств-партнеров.

В-четвертых, создание Каспийско-Азиатской ассоциации пятерки стран – лидеров, что помогло бы сформировать единый фундамент политического и социально-экономического развития [4].

Упомянутые выше исследователи уверены, что Соединенным Штатам следует решительно и открыто побуждать пять ключевых стран Центральной Азии к формированию их собственной политической и экономической ассоциации без какого-либо вмешательства иных государств. Это позволит им укрепить свой суверенитет и действовать на международном рынке как независимый субъект политико-правовых отношений.

*Геополитика трубопроводов,
или энергетические интересы США
на Каспии*

Ключевым исследованием в данном вопросе является аналитический отчет – статья Брендды Шаффер, адъюнкт-профессора, специалиста по внешней политике, международной энергетике и влиянию энергетических процессов на этническую политику при Центре глобальной энергетики Джорджтаунского университета (Вашингтон, округ Колумбия) [5].

На протяжении большей части последних пятидесяти лет международная энергетическая политика была основным направлением политики внешней и национальной безопасности США. Вашингтон рассматривает обеспечение энергетической безопасности своих союзников, особенно в Европе, Японии и Южной Корее, как часть своей национальной безопасности. В этом подходе к энергетической политике Соединенные Штаты были уникальными и контрастировали с большинством западных стран, которые обычно рассматривали ее как часть своей экономической и (или) экологической политики [5, с. 25].

Вашингтон участвует в международной энергетической политике на высшем уровне, создавая в том числе «влиятельные подразделения в министерствах и агентствах для продвижения международной энергетической политики и интеграции ее с национальной безопасностью и внешней политикой США» [5, с. 25]. В структуре Государственного департамента были созданы специальные должности послов по делам международной и региональной энергетики, а в 2011 году было создано полноценное Бюро энергетических ресурсов [14].

Какой должна быть политика США на Каспии сегодня? Касаемо современного периода (2015–2020 гг.), то здесь Б. Шаффер уверена, что всё более агрессивная политика России на геополитическом фронте и потенциальные последствия ожидаемой нестабильности в Иране требуют активного участия США в защите американских интересов на Каспии. Прежде всего, убеждена исследователь, США должны содействовать увеличению объемов поставки сжиженного природного газа

из Прикаспийских стран-партнеров на европейский рынок.

Важной составляющей американского успеха в рассматриваемом регионе западные аналитики считают давление на страны, ограничивающие поставки сырья из государств, не имеющих выхода к морю, блокирующие морские пути и запрещающие заход судов в свои территориальные воды. Для решения данного вопроса важно в том числе довести до логического завершения и реального воплощения проекты новых трубопроводов, прокладка которых была бы независима от желаний Москвы, Тегерана и Анкары.

*Внешняя политика США и еврокаспийская
энергетическая безопасность:
новый виток американского интереса*

Ключевые исследователи этого направления являются: Мэтью Брайза, старший научный сотрудник Центра глобальной энергетики НАТО, бывший посол США в Азербайджанской Республике), и Роберт М. Катлер, старший научный сотрудник Канадской ассоциации НАТО и директор спецпрограммы НАТО по энергетической безопасности; специалист по вопросам дипломатического урегулирования в сфере энергетики (регионы: Восточная Европа, бассейн Каспийского моря).

Основные позиции [6]: Азербайджан должен стать ключевым партнером США (а следовательно и ключевым проводником интересов Соединенных Штатов) в Прикаспийском регионе. Следующий (после экономической интеграции Азербайджана в американско-европейские транспортно-энергетические проекты) пункт внешнеполитических стратегий США на Каспии – это Туркменистан.

В 1990-е годы дипломатическая стратегия обретшего независимость Азербайджана во многом определялась сотрудничеством с Западом. Руководствуясь энергетическими проектами, сначала экспортом нефти, а затем и экспортом природного газа, Азербайджан не только самоутверждался на Каспии, развивая свою энергетическую инфраструктуру, но и становился примером независимого государства новой формации и стратегических интересов. Пример Южно-Кавказского экспортного трубопровода Баку-Тбилиси-

Джейхан (SCP) определяется как исторический успех сотрудничества Азербайджана и ЕС, однако, по мнению американских ученых, к этой работе нужно и важно привлечь Туркменистан с его «гигантскими газовыми месторождениями на суше». Более того, продвижение «новых интересов» США уже получило свою негласную поддержку, в том числе его результатом стала договоренность о строительстве новых транзитных газопроводных путей – из Туркменистана в Европу через Азербайджан и Грузию³ (так, Белому дому удалось заручиться поддержкой советника президента Азербайджанской Республики по национальной безопасности Хикмета Гаджиева и министра экономики Грузии Нателы Турнавы). Важными здесь следует отметить также и предварительные договоренности о строительстве трубопровода «Белый поток».

Таким образом, американцы пытаются сформировать в Прикаспийском бассейне новый инвестиционный «коридор» для экспорта американских товаров и услуг, связанных с транспортировкой газа, инженерных проектов в области нефтехимии и т. д.

Президентство нынешнего главы Белого дома Дональда Трампа не кардинально, но всё же отметилась неким поступательным движением в деле утверждения американских интересов на Каспии. Так, в марте 2019 года Трамп лично обратился к президенту Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедову о необходимости возобновления практической реализации вопроса с транспортировкой туркменского газа в Европу. Два месяца спустя президент США в послании главе Азербайджанской Республики Ильхаму Алиеву высоко оценил партнерство двух стран в «диверсификации европейских маршрутов и открытии новых источников энергии».

Администрация Трампа придает большое значение Азербайджану в региональной политике США на Кавказе и в Прикаспий-

ском регионе. Ключевой фактор заключается в том, что нынешний президентский истеблишмент, в целом продолжая линию своих предшественников, «поддерживает те государства, которые способствуют интересам безопасности США, например, поддерживая миротворческие миссии в Афганистане и Ираке. Точно так же Вашингтон ценит вклад Азербайджана в энергетическую безопасность союзников США в Европе» [7].

Планы США тем временем расширяются. Предполагается присоединить Казахстан и Узбекистан (в кооперации с Туркменией) к разрабатываемым транскаспийским энергетическим проектам, стратегически связывающим этот регион с Западом. Логика американцев проста: газ из Туркменистана стоит намного дешевле, чем газ из Сибири. По мере роста спроса на газ в Европе углерод, добытый из туркменского природного газа, планируется хранить на территории азербайджанских, грузинских и румынских месторождений, что облегчит транспортировку газа через Азербайджан в Европу.

Для реализации столь грандиозных американских планов Азербайджану важно обзавестись уверенным американским же прикрытием, так как опасения на скорое возмездие из Москвы (особенно в ситуации военного обострения конфликта в Нагорном Карабахе) для Баку сильнее нежели экономические аппетиты. В дополнение к этому над страной довлечет подписанная ею же Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Запад же не считает, что данный нормативный документ может быть причиной срыва планов по экспорту туркменского газа в Европу.

Что думают по этому поводу американские эксперты? В упомянутой Конвенции закреплено право каждой из подписавшей стороны строить подводные трубопроводы. В одном из пунктов уточняется, что если две подписавшие стороны, такие как Туркменистан и Азер-

³ Тем не менее, Конгресс США подверг критике политику Грузии в области энергетической безопасности и невыполнение ею обещаний по поддержанию равных политических условий и независимой судебной системы. Грузия мало использует возможности, которые предоставляют ее географическое положение и соглашение о свободной торговле с ЕС. Даже спустя три десятилетия после распада Советского Союза Грузия по-прежнему зависит от импорта электроэнергии из РФ, а ее экономика по-прежнему сильно зависит от России. Не секрет, что эти торговые потоки, связанные с энергоносителями, открывают перед Россией двери и для экспорта политического инакомыслия, и для эскалации территориально-политических конфликтов в районах особого напряжения, в том числе в связи с пророссийскими настроениями.

байджан, желают построить между собой трубопровод, который не пересекает территорию или воды третьей страны, ни одна другая подписавшая Конвенцию сторона не может наложить вето на подобного рода проект.

Американцы же опасаются, что, учитывая способность России оказывать негласное давление на бывшие страны СССР, Москва не позволит сооружать трубопроводы в обход собственных интересов, даже если для этого понадобятся еще несколько различных конвенций. Здесь же США намерены надавить на ЕС как на крупнейший рынок экспорта российского газа, который обладает значительными геэкономическими рычагами воздействия на Москву. Таким образом, по крайней мере теоретически, США могли бы использовать данные рычаги (те же санкции, например) для защиты Азербайджана и Туркменистана в рамках новых энергетических проектов. При этом американцы не уверены, готов ли ЕС противостоять таким образом Москве в ущерб собственным экономическим интересам.

В условиях пандемии коронавируса этот вопрос хоть и переходит в разряд второстепенных, тем не менее не исчезает из повестки внешней политики США. В Вашингтоне уверены, что Европе нужен каспийский газ: во-первых, чтобы нанести ущерб России; во-вторых, чтобы снизить затраты на голубое топливо, его транспортировку и переработку. Вопрос остается чувствительным для тех европейских стран, в которых стоимость теплоэнергии остается политически чувствительной. Текущие чрезвычайно низкие цены на природный газ, по мнению американских исследователей, делают строительство нового трубопровода еще более доступным, тем более что многие проекты в области энергетики с менее благоприятными экономическими перспективами скорее всего будут отложены или даже отменены по крайней мере до тех пор, пока мировая экономика не начнет оправляться от удара пандемии коронавируса (а это, как минимум, пять – семь лет).

Как пишут М. Брайза и Р. Катлер, сейчас наступил идеальный момент для того, чтобы обеспечить вклад туркменского газа в дивер-

сификацию энергопоставок в Европу (включая Турцию и Украину), в укрепление связей с ЕС и Соединенными Штатами и в повышение устойчивости стран Средней Азии и Южного Кавказа, их независимости от экономических игр и перепадов политических настроений в Кремле. Именно на политико-правовую и финансовую поддержку такого сотрудничества (США – ЕС – Южный Кавказ – Прикаспийский регион) и было направлено подписание Президентом Соединенных Штатов Дональдом Трампом «Акта европейской энергетической безопасности и диверсификации 2019 года»⁴.

Позиции США на Каспии на рубеже десятилетий: перспективные направления американского присутствия в регионе

Ключевым исследователем этого вопроса является Люк Коффи, директор американского Центра внешней политики им. Эллисон, куратор исследований стран Южной Америки и Ближнего Востока.

Основные позиции [8]: Соединенные Штаты должны применять многосторонний подход к продвижению своих интересов, построению отношений и противодействию враждебным усилиям в Каспийском регионе, прежде всего, России и Ирана. Усилия указанных стран в регионе, а также расширяющиеся интересы и давление Китая на среднеазиатские страны, в том числе примыкающие к Каспию, ставят перед американской стороной задачу определения долгосрочной, но строго последовательной стратегии в рассматриваемом регионе.

Каковы ключевые идеи данной стратегии по Коффи? Соединенные Штаты должны выстроить стратегию взаимодействия в регионе исходя из продвижения ряда перспективных (прежде всего для самих США) идей [1]:

- экономическая свобода в части добычи и транзита энергоресурсов;
- поддержка демократии и прав человека в странах, выбивающихся в региональные лидеры (прежде всего, Азербайджан и Казахстан);
- препятствие усилению китайского, иранского и российского влияния в регионе, которые угрожают интересам Запада.

⁴Текст указанного нормативного правового акта на сайте Конгресса США: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1453/text>.

Таким образом, Коффи совместно с коллегами из Центра внешней политики резюмирует пять слагаемых успеха США в прикаспийском регионе:

1. Суверенный, независимый Каспий: прежде всего, недопущение оккупации отдельных частей региона и препятствования транзита ресурсов в Европу.

2. Безопасный Каспий: США должны продвигать в Каспийском регионе политику, поддерживающую региональную безопасность; обеспечение стабильной и безопасной транспортировки энергоресурсов, а значит развитие экономических отношений и стимулирование, привлечение иностранных инвестиций в регион.

3. Самоуправляющийся Каспий: обеспечение минимального влияния на прикаспийские страны извне, при этом авторы, разумеется, допускают широкое присутствие американской стороны в регионе, что не дает никаких гарантий невмешательства США во внутривнутриполитические дела государств каспийского бассейна, однако об этом авторы отчета скромно умалчивают. Главные враги Соединенных Штатов в данном разрезе вопроса – это Россия с ее «клеветнической политикой дискредитации нежелательных правительств» и Иран, приемлющий тактику гибридного давления на т. н. малые страны Каспия.

4. Светский Каспий: обеспечение продвижения идей демократии и светскости прикаспийских государств, минимализация влияния религии на национальные сообщества, препятствование продвижению радикальных исламистских идей и движений в рассматриваемых странах, при этом не исключается, но, разумеется, буквально не прописывается возможность политического заигрывания с радикальными сообществами в процессе достижения конкретных региональных целей США, что является исторически опробованной тактикой Соединенных Штатов.

5. Стабильный Каспий: разрешение существующих межгосударственных разногласий в регионе, в том числе через содержание подписанной в 2018 году Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, при этом США должны противодействовать злоупотреблениям положениями упомянутого документа со

стороны официальной Москвы, препятствующей прокладке Транскаспийского газопровода, который потенциально должен связать энергетические рынки Центральной Азии с Европой в обход Ирана и России.

Таким образом, на этом фоне перед Западом стоят следующие стратегические интересы (цели) в регионе:

1) поддерживая независимость и суверенитет Прикаспийских государств (разумеется, речь косвенно идет о недопущении влияния или широком давлении на малые страны со стороны гигантов – России и Ирана), помешать какой-либо отдельной стране распространить гегемонию над регионом.

2) получить и сохранить доступ к энергетическим ресурсам региона;

3) снизить вероятность гражданской войны или внутригосударственного конфликта в ключевых государствах региона;

4) препятствовать распространению оружия массового уничтожения;

5) препятствовать распространению воинственных, антизападных исламских движений;

6) предотвращать эскалацию этнических, межгосударственных, территориальных конфликтов либо оказывать существенное влияние на очаги их возникновения, а также на характер и темпы их развития [9] (по факту, предлагается руководствоваться политикой управляемых конфликтов).

Однако в США уверены, что недостаточно просто сформулировать цели Запада (в лице того же НАТО) в изучаемом регионе. Каспий нельзя рассматривать изолированно; все планы и проекты должны исходить из контекста текущих и потенциальных обязательств США и Североатлантического союза [10; 11]. Отсюда американцами делается вывод, что политические решения США и НАТО в каспийском бассейне будут приниматься не только исходя из ситуации в регионе, но и в условиях ограниченности ресурсов и противостояния американскому присутствию на Каспии со стороны России и Ирана [12], в том числе методами «мягкой дипломатии». При этом в Соединенных Штатах осознают, что в регионе есть потенциал для размещения новых «силовых» объектов Запада, а значит и новые перспективы военного и экономического влияния.

*Американское присутствие
на Южном Кавказе как ключевой вектор
новой прикаспийской стратегии
администрации Джо Байдена*

20 января текущего года прошла инаугурация новоизбранного президента США Джо Байдена, демократа, опытного политика, бывшего вице-президента Соединенных Штатов (2009–2017). Политический опыт Байдена-международника, тонкого знатока внешней политики США (в течении 2001–2003, 2007–2009 председатель Комитета по международным отношениям Сената США) отразился в концепции внешней политики нового главы Белого дома, обнародованной через две недели после официального вступления в должность. Опустим здесь явно агрессивные, безапелляционные акценты Джо Байдена по отношению к России и сосредоточимся на возможном отражении антироссийских настроений во внешнеполитической стратегии США в регионе Каспийского бассейна [13].

Во-первых, ожидается усиление американского присутствия на Каспии путем возвращения данного региона в число стратегических, в состав многовекторной внешней политики. Соединенные Штаты прежде всего ставят перед собой задачу стать ключевым арбитром, балансирующим отношения т. н. малых прикаспийских (Азербайджан, Казахстан, Туркмения) и закавказских (Грузия, Армения) с Россией, Китаем и Европейским Союзом. Фокусировка работы в данном направлении планируется через усиление кадрового потенциала американских посольств и увеличение финансирования стратегических программ по защите демократии и суверенитета. Важным пунктом противодействия России, Китаю и Ирану в рассматриваемом регионе специалисты из Caspian Policy Center считают также усиление роли публичной дипломатии, например, через мирные программы культурного развития и проекты развития демократических институтов.

Во-вторых, ключевой задачей США на Каспии является сдержка «великих держав» и уравнивание сил в регионе. Требуется это не только для контроля за торговыми путями и ключевыми транспортными «коридорами», но и в целях более глубокого проник-

новения американских корпораций в энергетическую, ресурсную сферу. В Вашингтоне уже открыто заявляют, что США должны противостоять российско-китайскому «вызову» в Прикаспийском регионе через «продолжение политики поддержания демократии, суверенитета и территориальной целостности локальных государств». Для этого администрация Байдена планирует продолжить вовлечение прикаспийских стран в партнерство в области безопасности, стимулировать прямые американские и европейские инвестиции в регион. США, как планируется, станут еще более действенным балансиром в рассредоточении интересов и определении политического климата на Каспии. Ключевая цель – сдерживание России и Китая и проталкивание политики изоляции Ирана в регионе Ближнего Востока и Средней Азии.

В-третьих, больше, чем Россию, в Прикаспийском регионе американцы опасаются Китая и его растущих инвестиционных вложений в энергетические проекты. Администрация президента США убеждена, что в ближайшие 20 лет Китай будет выстраивать четкие и жесткие экономические взаимоотношения с Азербайджаном и Казахстаном, финансировать местные проекты и кредитовать инвесторов, что, по образцу проекта «Один пояс и один путь», заведет указанные страны в долговые ловушки, а значит в прямую политическую зависимость от Китая, прежде всего, лишит эти государства независимости в определении национальной экономической и ресурсной политики. В качестве примера берет ситуацию в Киргизской республике и Таджикистане, внешний долг которых составляет 63,3 % и 44,7 % ВВП соответственно, причем большая часть этого долга приходится на китайский инвестиционный банк *China Export-Import Bank*.

Что в этой связи предлагают американские эксперты? Чтобы противостоять «китайской угрозе», администрации Джо Байдена предлагается продвигать проект создания сети *Blue Dot Network*, о которой было объявлено в 2019 году. Данный проект, прозванный «американской ловушкой» для китайской стратегии «Пояса и пути» и патронируемый США, Австралией и Японией, яв-

ляется многосторонней инициативой Запада, направленной на «объединение усилий правительств, частного сектора и гражданского общества в целях продвижения высококачественных и надёжных стандартов для развития глобальной инфраструктуры». Под этим размытым определением скрывается проект по блокированию китайских логистических инициатив, разделенный на «правильную» и «неправильную» инфраструктуру и логистику для доступа в т. ч. на премиальный американский рынок.

Советник экс-президента США Дональда Тампа по национальной безопасности Роберт Брайан сравнил проект с «гидом Мишлен» – ресторанным рейтингом превосходства, добавив, что *Blue Dot* – это ответ на «дипломатию долговых ловушек» Китая. Предполагается, что проект в результате станет всемирно признанной системой оценки и сертификации дорог, портов и мостов с акцентом именно на Индо-Тихоокеанский регион (включая регионы Ближнего Востока и Закавказья) и с «печатью одобрения» от государственного департамента США⁵.

Blue Dot Network в Прикаспийском регионе призвана, прежде всего, блокировать китайские энергетические проекты, диверсифицировать финансирование инфраструктуры Каспия и снизить зависимость прикаспийских стран от Китая.

Ожидается, что администрация нового главы Белого дома сможет также использовать сеть *Blue Dot Network* для продвижения устойчивых, социально-значимых экологических проектов по противодействию вредоносному производству, на которое, как считают в Вашингтоне, направлена вся китайская промышленность и энергетика. Важно отметить, что в этой связи США, поддерживая создание и развитие в прикаспийских странах возобновляемых источников энергии, пытаются позиционировать себя как «экологического лидера» в противовес китайской стратегии развития, направленной на загрязнение окружающей среды.

Вдобавок следует отметить, что администрация Байдена при непосредственных консультациях специалистов из *Caspian Policy*

Center, намерена поощрять экономические связи между Центральной Азией и Южным Кавказом, а именно финансирование и продвижение проектов, обеспечивающих энергетические, телекоммуникационные и транспортные связи через Каспийское море, что может также стать эффективным рычагом ограничения экономического влияния Китая и России в регионе.

В-четвертых, предлагается усилить дипломатическое взаимодействие американских посольств в странах прикаспийского региона, которые совместно должны оказывать воздействие на принятие межгосударственных решений, в том числе в сфере выработки и распределения ресурсов. Энергетическая политика и непосредственное вмешательство в ее тенденции является в данном случае ключевой целью, приоритетом.

Вторая по важности цель – это взаимointegrация Центральной Азии и Южного Кавказа, поддержка межгосударственных встреч по формату С5–1 и включение в него Афганистана. Предлагается усилить влияние американских дипломатов на внутринациональные и межгосударственные затяжные конфликты, прежде всего, прекращение противодействия в Нагорном Карабахе, причем делается акцент на факте, что роль России в принятии ключевых решений по указанному конфликту должна быть «максимально минимизирована».

Пятое – противодействие сохраняющимся социально-политическим и религиозным угрозам в странах Прикаспийского бассейна, прежде всего, рискам всплеска экстремистских процессов и террористических атак. Эти проблемы ставятся в топ ключевых преград интересам США на Каспии, причем опять же их предлагается решать в связке с аналогичными рисками в Центральной Азии, а именно сохраняющийся потенциал в рядах движения «Талибан». В частности, в рекомендательном письме *Caspian Policy Center*, адресованном администрации Джо Байдена, указывается, что судьба иностранных боевиков, возвращающихся на родину в Прикаспийский регион из зоны конфликтов в Сирии и Афганистане, представляет серьезную угрозу. Задача их реинтеграции в общество и борьба с угро-

⁵Источник: <https://www.sonar2050.org/publications/amerikanskaya-lovushka-dlya-poyasa-i-puti>.

зами безопасности, которые они собой представляют, должна решаться непосредственно при содействии представителей официального Вашингтона.

Заключение

Обеспечение безопасности в регионе Каспийского моря – задача важная и невероятно сложная, считают в Caspian Policy Center.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Coffey L. A Secure and Stable Caspian Sea Is in America's Interest. Report // The Heritage Foundation, 2015. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/secure-and-stable-caspian-sea-americas-interest>.

2. Shaffer B. (2006). The Islamic Republic of Iran: Is It Really? In: Shaffer B. (ed.) *The Limits of Culture: Islam and Foreign Policy*. Cambridge: MIT Press.

3. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (по состоянию на 12.08.2018). URL: <http://kremlin.ru/supplement/5328>.

4. U.S. Foreign Policy in the Caspian Region. Caspian Policy Center, 2018, Jun. 19th URL: <https://www.caspianpolicy.org/u-s-foreign-policy-in-the-caspian-region>.

5. Shaffer B. (2020). In the Era of U.S. Energy Abundance: The Role of the Caspian Region in U.S. Policy, *Brown Journal of World Affairs*, vol. XXVI, Iss. II, p. 25. URL: <https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2020/08/Shaffer-In-the-Era-of-U.S.-Energy-Abundance-1.pdf>.

6. Bryza M., Cutler M. (2020). US foreign policy and Euro-Caspian energy security: The time is now to build the Trans-Caspian Pipeline. Atlantic Council Press. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/energysource/us-foreign-policy-and-euro-caspian-energy-security-the-time-is-now-to-build-the-trans-caspian-pipeline>.

7. Veliyev C. US and Azerbaijan Focus on Common Interests Rather Than Disagreements, *Eurasia Daily Monitor*, vol. 16, no. 86. URL: <https://jamestown.org/program/us-and-azerbaijan-focus-on-common-interests-rather-than-disagreements>.

8. Coffey L. (2019). Time for a U.S. Strategy in the Caspian. The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/time-us-strategy-the-caspian>.

Для того, чтобы решить указанный комплекс проблем Белый дом планирует поддерживать американское военное присутствие в странах Средней и Центральной Азии (прежде всего в Афганистане), в частности, речь идет об усилении авиабазы Баграм в противовес российским военным базам и усиливающемуся военному присутствию Китая в регионе.

9. Weitz R. (2020). Continuity and Change in US Policies towards the Caspian Region. Middle East Institute. URL: <https://www.mei.edu/publications/continuity-and-change-us-policies-towards-caspian-region>.

10. Menon N. (1998). Treacherous Terrain: The Political and Security Dimensions of Energy Development in the Caspian Sea Zone, *National Bureau of Asian Research*, vol. 9, no. 1.

11. Ebel R. (1997). Energy Choices in the Near Abroad. Center for Strategic and International Studies. Washington, DC.

12. McFaul M. (2010). *Advancing Democracy Abroad: Why We Should and How We Could*. Lanham.

13. Six recommendations for the Biden administration's Caspian policy. Policy brief by the Caspian Policy Center, 2021. URL: <https://www.caspianpolicy.org/wp-content/uploads/2020/11/6-recommendations-for-Biden-administartions-caspian-policy.pdf?fbclid=IwAR3VMOEhYY3UbK6sERkLrZylHw3TzTgSZBPFN3DsrJnhtO1Wwt2DB85UnJM>.

14. Bureau of Energy Resources. U.S. Department of State, 2020.

15. U.S. Congress official website. URL: <https://www.congress.gov/>.

16. Айвазян Д.С. (2013). Каспийский регион в системе геополитических интересов США, ЕС и КНР : диссертация на соискание учёной степени кандидата политических. Москва. URL: <https://www.dissercat.com/content/kaspiiskii-region-v-sisteme-geopoliticheskikh-interesov-ssha-es-i-knr>.

17. Гаджиев К. (2019). Геополитические ориентиры США на Южном Кавказе // *Россия и новые государства Евразии*. № III (XLIV). С. 91–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Абдуллаев Мурад Халилович – кандидат филологических наук; Агентство стратегических коммуникаций (115162, Россия, Москва, Городская ул., 2/25); Американская ассоциация политической науки (20036-1203, Соединённые Штаты Америки, Вашингтон, Нью-Гэмпшир Авеню, 1527); m.abdullaew2010@yandex.ru.

U.S. GEOPOLITICAL INTERESTS IN THE CASPIAN SEA AREA AS VIEWED BY AMERICAN RESEARCHERS

M.Kh. Abdullaev^{6a,b}

^aAgency for Strategic Communications

^bAmerican Political Science Association

ABSTRACT:

The problem of the study. The article is devoted to the issues of the American presence in the Caspian Sea region as one of the directions of the global U.S. dominance. Besides, attention is paid to such specific problems as promotion of American geopolitical interests in the Caspian Sea region, influence on some countries of the region in terms of energy export, use of “transport corridors”, countering Russian and Iranian leadership in the Caspian Sea region and strengthening the military representation of the West (NATO) in the former USSR countries that are either reorienting with the focus on Europe (Georgia), or trying to undertake the role of the potential regional energy producer (Azerbaijan).

The purpose of research. The main goal of the study is to examine, analyze and identify the main principles and directions of the U.S. foreign policy in the Caspian region during the presidency of Donald Trump. The optional goals, that are relevant to this research, are review and analysis of expert opinions and estimates provided by authoritative American researchers who focus their attention on the issues of the U.S. presence in the Caspian region in the context of the Convention of the Legal Status of the Caspian Sea adoption in 2018, which posed new tasks and challenges for the United States.

Methodology and methods. The research methodology is based on the concepts of the state’s foreign policy and the paradigm of the international relations theory and countries’ political behavior. The paradigm of behaviorealism, which plays a major role in the American tradition of geopolitical strategies’ research, also helped to achieve the objectives of the study. The latter contributed to proper comprehension of the results obtained during the analyses of modern mechanisms of geopolitical perspectives of the USA in the Caspian region described in the papers of American scholars and experts.

The main method of the paper is a qualitative analysis of the current American research works published over the past five years (2016–2020). Analysis as a method, among other advantages, contributed to the disclosure of the modern problems associated with Caspian Sea region development, its resources, and political tension around the region growing slowly but surely.

Research results. The results of analysis of experts’ views, judgments and opinions helped to reveal that over the past five years, the interest or the strategic activity of the United States in the Caspian Sea region has decreased for a number of reasons, the main of which are: 1) low political motivation of Donald Trump’s administration in the Caspian maneuvers; 2) attention to the other more significant regions, in which U.S. interests and their presence play a critical role in shaping the vectors of the foreign policy and national security strategy; 3) development of a legal framework regulating the status of the Caspian Sea, extraction and export of its resources, delimitation of the Caspian territorial waters’ boundaries, and the rules for oil and gas pipelines installation. This framework was ratified by the Caspian Five. The Convention of the Legal Status of the Caspian Sea “cooled down” the U.S. foreign policy ardor and set the task of developing a fundamentally new “Caspian strategy”, which the Trump’s administration never came up with. Nevertheless, this does not mean that the USA is losing ground or leaving the region: in any case the United States will continue pressure vectors on its regional partners (Georgia and, to some extent, Azerbaijan), and will certainly develop a new “partnership strategy” with Central Asian countries, among which priority is given to Turkmenistan, as it is rich in oil and gas.

Scientific novelty. Based on the results of the analysis, the author identifies the key areas of the modern American foreign strategy in the Caspian Sea region, which have not yet been scientifically interpreted or

⁶RSCI AuthorID: 684385, ORCID: 0000-0002-3220-5161, ResearcherID: D-2725-2017

properly examined by the Russian experts in the area. The article singles out the current goals and tasks the USA is facing nowadays as the party interested in the “struggle for Caspian resources”. The United States, using the possibilities of putting pressure on European partner countries, is trying to increase its role in the region and establish confident control over the distribution of energy resources, the development of “transport corridors” and the deployment of military forces.

KEYWORDS: geopolitical interests, the USA, the Caspian Sea, energy resources, the Caspian Sea region, the US foreign policy.

FOR CITATION: Abdullaev M.Kh. (2021). U.S. geopolitical interests in the Caspian Sea area as viewed by American researchers, *Management Issues*, no. 1, pp. 34–46.

REFERENCES

1. Coffey L. A Secure and Stable Caspian Sea Is in America's Interest. Report // The Heritage Foundation, 2015. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/secure-and-stable-caspian-sea-americas-interest>.
2. Shaffer B. (2006). The Islamic Republic of Iran: Is It Really? In: Shaffer B. (ed.) *The Limits of Culture: Islam and Foreign Policy*. Cambridge: MIT Press.
3. Convention on the Legal Status of the Caspian Sea (as of 12.08.2018). URL: <http://kremlin.ru/supplement/5328>.
4. U.S. Foreign Policy in the Caspian Region. Caspian Policy Center, 2018, Jun. 19th URL: <https://www.caspianpolicy.org/u-s-foreign-policy-in-the-caspian-region>.
5. Shaffer B. (2020). In the Era of U.S. Energy Abundance: The Role of the Caspian Region in U.S. Policy, *Brown Journal of World Affairs*, vol. XXVI, Iss. II, p. 25. URL: <https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2020/08/Shaffer-In-the-Era-of-U.S.-Energy-Abundance-1.pdf>.
6. Bryza M., Cutler M. (2020). US foreign policy and Euro-Caspian energy security: The time is now to build the Trans-Caspian Pipeline. Atlantic Council Press. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/energysource/us-foreign-policy-and-euro-caspian-energy-security-the-time-is-now-to-build-the-trans-caspian-pipeline>.
7. Veliyev C. US and Azerbaijan Focus on Common Interests Rather Than Disagreements, *Eurasia Daily Monitor*, vol. 16, no. 86. URL: <https://jamestown.org/program/us-and-azerbaijan-focus-on-common-interests-rather-than-disagreements>.
8. Coffey L. (2019). Time for a U.S. Strategy in the Caspian. The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/time-us-strategy-the-caspian>.
9. Weitz R. (2020). Continuity and Change in US Policies towards the Caspian Region. Middle East Institute. URL: <https://www.mei.edu/publications/continuity-and-change-us-policies-towards-caspian-region>.
10. Menon N. (1998). Treacherous Terrain: The Political and Security Dimensions of Energy Development in the Caspian Sea Zone, *National Bureau of Asian Research*, vol. 9, no. 1.
11. Ebel R. (1997). Energy Choices in the Near Abroad. Center for Strategic and International Studies. Washington, DC.
12. McFaul M. (2010). *Advancing Democracy Abroad: Why We Should and How We Could*. Lanham.
13. Six recommendations for the Biden administration's Caspian policy. Policy brief by the Caspian Policy Center, 2021. URL: <https://www.caspianpolicy.org/wp-content/uploads/2020/11/6-recommendations-for-Biden-administrations-caspian-policy.pdf?fbclid=IwAR3VMOEhYY3UbK6sERkLrZylHw3TzTgSZBPFN3DsrJnhtO1Wwt2DB85UnJM>.
14. Bureau of Energy Resources. U.S. Department of State, 2020.
15. U.S. Congress official website. URL: <https://www.congress.gov/>.
16. Ayvazyan D.S. (2013). The Caspian Region in the system of geopolitical interests of the USA, EU and China. Ph. D. Dissertation. Moscow. URL: <https://www.dissercat.com/content/kaspiiskii-region-v-sisteme-geopoliticheskikh-interesov-ssha-es-i-kr>.
17. Gadzhiev K. (2019). Geopolitical landmarks of the United States in the South Caucasus, *Russia and the new states of Eurasia*, no. III (XLIV), pp. 91–106.

AUTHORS' INFORMATION:

Murad Kh. Abdullaev – Ph.D. of Philological Sciences; Agency for Strategic Communications (2/25, Gorodskaya St., Moscow, 115162, Russia); American Political Science Association (1527, New Hampshire Ave, NW, Washington, DC, 20036-1203, The United States of America); m.abdullaev2010@yandex.ru.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

РАМОЧНЫЕ СТАНДАРТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЛОКЧЕЙН В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Р.А. Долженко^а

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Постановка проблемы. Блокчейн и умные контракты – это технологии, которые в перспективе могут значительно повлиять на качество и характер отношений между участниками практически любых отношений, в том числе в сфере труда. На текущем уровне развития эти технологии проходят стадию становления, поэтому важное значение имеют процедуры их стандартизации, в том числе при использовании в социально-трудовых отношениях.

Конкретная научная задача. Цель работы – проработать возможность формирования рамочных стандартов использования блокчейн и умных контрактов в социально-трудовых отношениях. Исходя из этого, задачами работы являются: конкретизация специфики трудовых отношений и ее отражения в блокчейн; учет требований трудовых контрактов в системе умных контрактов; определение механизмов использования данных блокчейн-платформы в процессе управления социально-трудовыми отношениями.

Методологической базой выступили подходы к стандартизации деятельности и отношений ISO.

Информационной базой послужили стандарты, разработанные российским и международным технологическими комитетами, а также нормативные документы в сфере использования блокчейн и научные публикации в данной предметной области.

Основные результаты. В работе представлена модель структуры среды реализации социально-трудовых отношений на блокчейн-платформе, а также показано какое место и роль могут иметь блокчейн и умные контракты в данной сфере. Кроме того, предложены рекомендации по дальнейшим направлениям стандартизации использования технологии в социально-трудовых отношениях.

Выводы. Предлагаемые рекомендации могут быть использованы разработчиками и исследователями, которые работают над использованием блокчейн в новых направлениях общественной жизни. От того, насколько качественно организована блокчейн-платформа и прописаны ее умные контракты, зависят гарантии социально-трудовых отношений, удовлетворенность участников, результаты труда. Эта работа требует высокой квалификации исполнителей, четких алгоритмов и стандартов подготовки и использования блокчейн и умных контрактов.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00785.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: блокчейн, умные контракты, распределенный реестр, социально-трудовые отношения, рамочные стандарты, требования безопасности, консенсус.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Долженко Р.А. (2021). Рамочные стандарты использования блокчейн в социально-трудовых отношениях // Вопросы управления. № 1. С. 48–61.

Введение

Социально-трудовые отношения являются частью более широкой категории – экономических отношений. В настоящее время из-за пандемии и вынужденной изоляции, продолжающейся цифровизации, процессов в обществе и многих других факторов эти сфе-

ры также подвергаются изменениям. В этих условиях важными становятся механизмы стабилизации, которые, с одной стороны, должны сами быть частью изменчивой системы, с другой – защищать интересы субъектов отношений. Одной из современных технологий, которая обладает несомненными преимуще-

ствами именно в этих аспектах, является блокчейн или, как ее официально называют в нашей стране, распределенный реестр. Она получила распространение в первую очередь в финансовой и правовой сферах, но в последние несколько лет появляются исследования, которые демонстрируют возможность использования блокчейн и в экономических отношениях, обеспечивая снижение издержек участников, повышение их защищенности, обеспечение гарантий. В силу этого можно утверждать, что социально-трудовые отношения, в свою очередь, тоже могут реализовываться с помощью блокчейн-технологий. Хотя в случае с блокчейн речь идет не об использовании, а о записи транзакций в специализированный цифровой журнал, которым и является распределенный реестр. Для того чтобы такая большая и сложная система социально-трудовых отношений могла комплексно использовать технологию блокчейн, должны быть разработаны методические подходы, стандарты, принципы существования распределенных реестров в специализированной среде, функционирования блокчейн-платформ, взаимодействия участников отношений.

Цель нашей статьи – проработать возможность формирования рамочных стандартов использования блокчейн и «умных» контрактов в социально-трудовых отношениях. Для этого рассмотрим возможности внедрения блокчейн в систему социально-трудовых отношений, опишем сущность данной технологии, ее особенности, а также способы использования при осуществлении взаимодействия между работниками и работодателями.

Объектом исследования выступают стандарты использования блокчейн. Предметом исследования являются возможности стандартизации использования блокчейн в сфере социально-трудовых отношений.

Сущность блокчейн и возможности использования в социально-трудовых отношениях

Технология блокчейн по факту является способом создания и использования журнала транзакций в цифровой среде, который организован особым образом. Для того чтобы факт совершения операции был зафиксирован в блокчейн, должна быть произведена опреде-

ленная вычислительная работа, специальные процедуры хэширования, кодирования, записи в распределенной сети.

Сам по себе блокчейн – это технология, которая может быть использована в любых сферах общественной жизни, предполагающей учет взаимоотношений между участниками. Чем больше субъектов осуществляют взаимодействие, тем больший эффект получает система от использования распределенных реестров для фиксации и защиты транзакций. Именно поэтому блокчейн получил распространение в первую очередь в финансах [1], сейчас прорабатываются варианты его использования в правовых [21; 23], экономических [20], трудовых отношениях [8; 12], образовании [13]. Разнообразие аспектов приложения технологии приводит к тому, что существует большое количество трактовок и определений блокчейн. Некоторые из них приведены в таблице 1.

Это далеко не полный перечень определений, так как последние годы значительно растет интерес к возможностям использования технологии в отечественной и зарубежной научной литературе согласно данным Российского индекса научного цитирования, Web of Science и Scopus. Количество публикаций в российских журналах снизилось, однако повысилось их качество и представленность в рейтинговых журналах. В частности, по экономике опубликованы статьи в журналах «Вопросы экономики», «Журнал экономической теории», «Journal of Institutional Studies», среди них необходимо отметить исследование Д. П. Фролова о блокчейн как основании для трансформации институтов и их взаимодействия в рамках институциональных ассамблеж [19]; работу А. Е. Шаститко, Н. П. Иващенко, А. А. Шпаковой, в которой сделана попытка осмысления роли и перспектив «умных» контрактов в связке с блокчейн с точки зрения экономических институтов [10]; статью В. Ф. Исламутдинова о возможных конфликтах новых институциональных структур, основанных на блокчейн, со старыми [11]; публикации Е. В. Попова, который рассматривает блокчейн в качестве одного из элементов эконотроники и долевого экономики [14; 15] и др.

Таблица 1 – Трактовки понятия блокчейн в зависимости от сферы применения

Table 1 – Interpretations of the concept of blockchain depending on the scope

Авторы	Определение
Долженко Р.А. [8]	Блокчейн – это сеть для обработки транзакций с набором правил («протокол доверия»), с помощью которых участники могут прийти к общему видению журнала транзакций и зафиксировать состояние сети в каждый конкретный момент времени.
Дурнев В.Г., Мурин Д.М., Соколов В.А., Чалый Д.Ю. [9]	Блокчейн — это распределенная база данных, у которой устройства хранения не подключены к общему серверу.
Новиков С.П., Михеенко О.В., Кулагина Н.А., Казаков О.Д. [13]	Блокчейн – это тип распределенной базы данных, где записи группируются в блоки, каждый из которых связан с предыдущим с использованием хэш-ключа.
Фролов Д.П. [19]	Блокчейн – технология ведения реплицируемых распределенных реестров (баз данных), обеспечивающая осуществление транзакций равноправными участниками в цифровом формате без привлечения посредников.
Шахназаров Б.А. [21]	Блокчейн представляет собой вариацию распределенного реестра, использующего последовательность блоков для достижения достоверного консенсуса в распределенной системе защищенным от злоупотреблений способом.

Исходя из разных трактовок, а также специфики изучаемой темы и принятых стандартов, блокчейн может быть определен как совокупность данных, в том числе в электронном виде, структурированных и хранимых в целях их учета, поиска, обработки и контроля, которые записываются блоками таким образом, что каждый новый блок включает информацию о предыдущем блоке.

Каждый блок распределенного реестра может включать в себя следующую техническую информацию: метку времени, хэш предыдущего блока, хэш корневого узла дерева Меркла, хэш заголовка текущего блока и как минимум одну транзакцию. Взаимодействие этих элементов приведено на рисунке 1.

Каждый элемент этой схемы обладает важным значением для обеспечения распределенного реестра. Блок_{*n*} – это перманентно записываемый компонент журнала, который со-

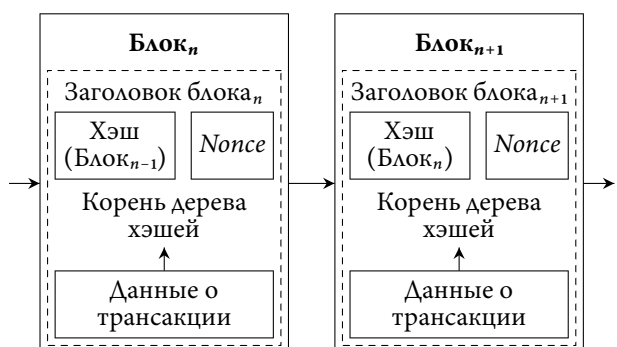

Рисунок 1 – Схема взаимодействия блоков в блокчейн

Figure 1 – Blockchain interaction scheme

держит информацию о проведенной пользователем (или пользователями *n*-ой транзакции).

Дерево хэшей (дерево Меркла) – структура данных, которая основана на их хэшах, она представляет собой двоичное дерево, конечные узлы которого – хэши транзакций, а внутренние вершины – результаты сложения значений связанных вершин.

Nonce – выбранный специальным образом одноразовый код, который используется для обеспечения безопасности записи транзакций.

Все это взаимодействие осуществляется особым образом с использованием информационных технологий и криптографии. Именно за счет продвинутой криптографии в блокчейн обеспечивается достижение консенсуса при взаимодействии участников отношений. В каждом блоке блокчейн учитываются данные об операции, хэш записи, дерево хэшей, а также случайный код, генерируемый системой для проверки связки данных. С учетом того, что каждая запись шифруется с помощью алгоритмов криптографии, можно понять, насколько блокчейн защищен от изменений.

Реализация подобных принципов позволяет участникам взаимодействия получить максимальный уровень доверия, так как их отношения будут защищены инструментами криптографии, зафиксированы в сети блокчейн, записи в которой не могут быть удалены (запись децентрализована настолько сильно, что устранить ее можно только при одновремен-

ном «выключении» всех элементов сети). За счет хэширования, то есть присвоения каждой записи криптографического идентификатора (хэша), удалить или изменить отдельную запись нельзя, так как это скомпрометирует все элементы цепи.

Отдельное значение в реализации распределенных реестров имеет «умный» контракт – совокупность условий и последовательность действий, описанных в соответствии с политиками и процедурами блокчейн. Если выполняются все условия «умного» контракта, автоматически выполняется последовательность предусмотренных действий, что влечет запись в распределенных реестр.

С точки зрения А. И. Савельева, «умный» контракт – это «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [17].

Согласно оценкам ученых, «умные» контракты обладают тремя ключевыми особенностями: 1) отсутствие посредников между участниками блокчейн-отношений и как результат снижение уровня расходов на них; 2) минимизация человеческого фактора, что приводит к минимизации оппортунизма субъектов; 3) гарантии сохранения условий соглашения, их неизменность, сохранность в блокчейн-цепочке, которая распределена среди множества участников сети. Однако, этот перечень может быть расширен, т.к. система блокчейн-отношений постоянно развивается и в ней появляются новые варианты применения «умных» контрактов. Например, уже сейчас можно утверждать, что «умные» контракты:

- запускаются в случае наступления соответствия конкретных условий, прописанных в «умном» контракте;

- не предполагают двоякое толкование условий контракта: он описан в программном коде и предполагает четкие условия и алгоритмы;

- не могут быть изменены после подписания участниками отношений;

- подразумевают возможность взаимодействия с другими «умными» контрактами, что

позволяет сформировать целую систему блокчейн-отношений.

«Умный» контракт использует данные из внешней среды не напрямую, а через специализированные программные комплексы – оракулы. Именно они призваны отслеживать изменение значимых параметров внешней среды и предоставлять их на платформу. Название подобных программ не в полной мере отражает их особенности, так как многие из них не обладают способностью предсказывать значения параметров в отслеживаемой системе, однако предложенное изначально название сохранилось. Ключевая задача подобных программных комплексов – проверка достоверности, целостности и актуальности данных, представленных в базе данных.

Схема взаимодействия субъектов отношений с использованием блокчейн на текущей стадии развития данной технологии представлена на рисунке 2.

В этой схеме очень хорошо видно, что субъекты вне зависимости от того, какую роль они выполняют – исполнителей или заказчиков, обладают равными правами перед блокчейн-платформой. Это очень важный аспект, обеспечивающий равные права субъектов, что облегчает взаимодействие, снижает оппортунизм, упрощает договоренности об использовании возможностей блокчейн для реализации отношений.

По мнению экспертов и исследователей, одним из механизмов организации взаимодействия разных распределенных реестров может

Рисунок 2 – Схема взаимодействия субъектов отношений на блокчейн-платформе на микроуровне
Figure 2 – Scheme of interaction of subjects of relations on a blockchain platform at the micro level

стать механизм под названием «мост», который позволяет запускать «умные» контракты одного реестра из другого. Для этого необходимы соответствующие сервисы, которыми могут выступать «оракулы» – специальные платформенные комплексы, позволяющие отслеживать изменения состояния переменных во внешней среде, доносить их до «умных» контрактов, которые смогут достраивать цепочку блокчейн (рис. 3).

Именно такая схема взаимодействия блокчейн позволяет выстраивать целую систему отношений, в которой «умные» контракты будут выступать в качестве трансферов важной информации от одной цепочки к другой.

Далее рассмотрим, какие из аспектов использования блокчейн, а также наработок в стандартизации данной технологии могут быть использованы в сфере социально-трудовых отношений.

Возможности и направления стандартизации блокчейн

В мире существует несколько крупных систем стандартизации (ISO, IEC, ITU), аналогичная ситуация сложилась и в нашей стране (Росстандарт, технические комитеты).

Блокчейн попадает под технические комитеты по стандартизации «Криптографическая защита информации» (ТК-26), «Информационные технологии» (ТК-022), «Киберфизические системы» (ТК-194) и «Стандарты финансовых операций» (ТК-122). В 2017 году был создан технический комитет по стандартизации блокчейн «Программно-аппаратные

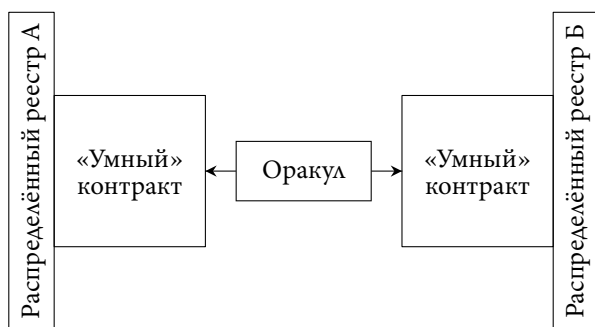

Рисунок 3 – Схема взаимодействия распределенных реестров через «мост»

Figure 3 – Scheme of interaction of distributed ledgers through the “bridge”

средства технологий распределенного реестра и блокчейн» (ТК-159), в задачи которого входят: стандартизация архитектуры и онтологии блокчейн, разработка требований к его программно-аппаратным и программным средствам, регламентация сферы применения этой технологии в нашей стране, работа по направлению безопасности и конфиденциальности распределенного реестра, интеллектуальные контракты, взаимодействие систем распределенных реестров.

В рамках ISO стандартизация осуществляется в рамках международного технического комитета 307 «Blockchain and distributed ledger technologies», который был создан в 2016 году. В этом комитете действует одна рабочая группа по терминологии (Великобритания), а также несколько исследовательских, которые заняты изучением архитектуры, таксономии и онтологии блокчейн (США), сфер его применения (Япония), безопасности и приватности (Россия), идентификации (Корея) и «умных» контрактов (Германия). В данный момент в комитет входят 59 стран, из них 46 – участники, 13 – наблюдатели. Вовлеченность стран в процессы стандартизации представлена на рисунке 4.

Россия входит в технический комитет 307 и принимает активное участие в его работе. В качестве национального комитета по стандартизации данной технологии был учтен комитет «Криптографическая защита информации». В настоящее время отечественные эксперты играют ключевую роль по направлению стандартизации протоколов безопасности и приватности, в данную группу входит 90 экспертов из 13 стран и 2 организаций.

Данным комитетом в конце 2020 года был подготовлен и опубликован стандарт «Blockchain and distributed ledger technologies – Vocabulary» (англ. «Блокчейн и технологии распределенного реестра – Словарь»¹). Еще 3 стандарта находятся на финальной стадии публикации, они регламентируют вопросы конфиденциальности и защиты личной информации, взаимодействия смарт-контрактов в блокчейн и технологических системах распределенного реестра, управления безопасностью

¹Стандарт ISO/CD 22739 «Технологии блокчейна и распределенных реестров – Терминология» (Blockchain and distributed ledger technologies – Terminology). URL: <https://www.iso.org/standard/73771.html>.

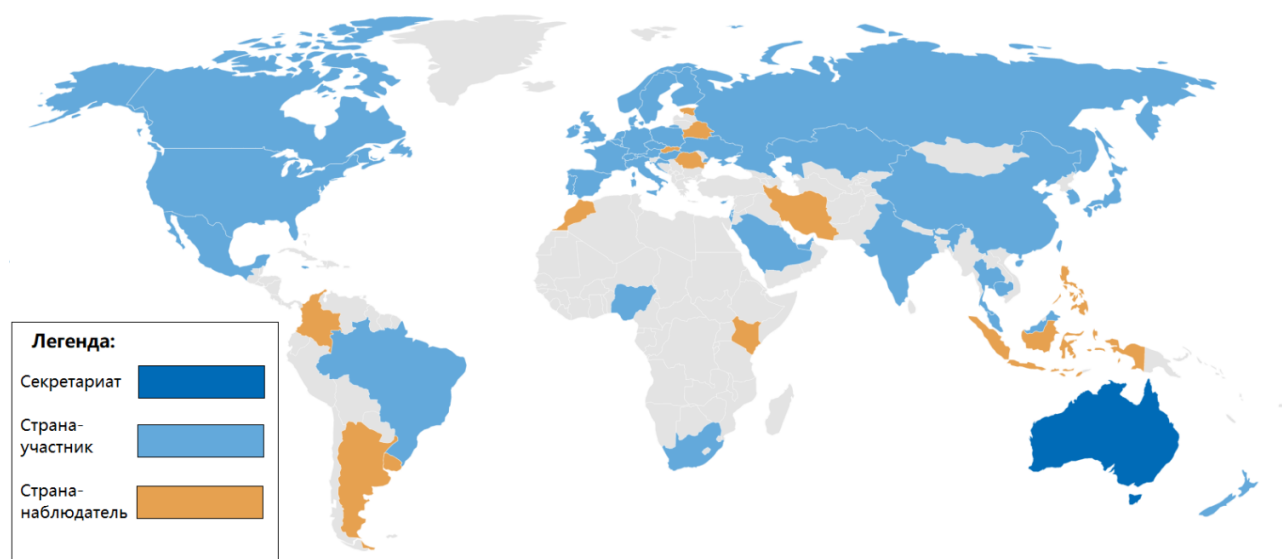

Рисунок 4 – Вовлеченность стран-участников технического комитета 307
 Figure 4 – Engagement of countries participating in TC-307

хранителей цифровых активов. Еще 11 стандартов находятся на начальных стадиях формирования, 2 были отменены в ходе обсуждения в комитете.

Кроме того, блокчейн исследуется в Международном союзе электросвязи (англ. *International Telecommunication Union*), в частности в секторе стандартизации электросвязи (МСЭ-Т).

Указанные комитеты должны заниматься стандартизацией решений в области блокчейн и «умных» контрактов, а также расширением сферы его применения, повышения доверия со стороны населения и прочих заинтересованных лиц.

В РФ в 2018 году был принят и опубликован терминологический отечественный стандарт в области технологии блокчейн. Технический комитет ТС307 подготовил и опубликовал в 2020 году свой стандарт ISO/CD 22739 «Технологии блокчейн и распределенных реестров – Терминология»². Однако, текущие наработки в области блокчейн не синхронизируются друг с другом, проекты, которые реализуются с применением данной технологии в различных компаниях, изолированы от изучения и взаимодействия. Единых

стандартов в области блокчейн по разным направлениям использования технологии до сих пор нет. Нет понимания, как должны согласовываться различные криптографические алгоритмы, используемые в распределенных реестрах. Эксперты связывают перспективы блокчейн с использованием в «умных» средах, когда разные цепочки данных могут взаимодействовать друг с другом. При текущих уровнях стандартизации криптографических алгоритмов это невозможно сделать: используются разные подходы, способы обработки транзакций, хранения записей и др.

Блокчейн как технология позволяет обеспечить минимальный уровень транзакционных издержек [24], ликвидировать посредников, но без необходимой стандартизации сама требует наличия систем-посредников для взаимодействия различных реестров друг с другом. Как показал обзор литературы, научных исследований в этих направлениях практически нет. До сих пор не разработаны необходимые стандарты. Одним из самых проработанных направлений исследования и использования блокчейн являются информационные технологии. В частности, именно в журналах по информатике представлены качественные

²Методические рекомендации МР 26.4.001-2018 «Термины и определения в области технологий цепной записи данных (блокчейн) и распределенных реестров». URL: <https://tc26.ru/standarts/metodicheskie-rekomendatsii/mr-26-4-001-2018-terminy-i-opredeleniya-v-oblasti-tekhnologiy-tsepnoy-zapisi-dannykh-blokcheyn-i-raspredeleennykh-reestrov.html>.

публикации на тему распределенных реестров. В них отражены уникальные результаты, которые могут быть в дальнейшем транслированы в другие предметные области: методические подходы к разработке и использованию блокчейн-систем управления [3–5], системы децентрализованных приложений, основанных на распределенных реестрах и «умных» контрактах [6], направления использования блокчейн в отдельных областях [2; 17] и др.

При реализации проектов в сфере социально-трудовых отношений с использованием блокчейн необходима стандартизация подходов к взаимодействию реестров друг с другом, т. к. социально-трудовые отношения – это целая система взаимодействий субъектов, в которых системообразующим является сама возможность и факт труда, в нее входят отношения по поводу начала, продолжения, завершения, стимулирования субъектов за деятельность, оценки исполнителей, их развития, ротации, защиты и др. Платформа, на которой должны реализовываться такие отношения, должна быть универсальной, позволять реестрам взаимодействовать друг с другом. Механизм «моста» является универсальным решением для корпоративных проектов с использованием блокчейн. Если же речь идет о системном решении на макроуровне, платформе, консолидирующей реализацию разных функций для большого количества пользователей, необходимо использовать релейный подход (мастер-цепь), который позволяет в рамках многоуровневого блокчейн, связывать обособленные блокчейн-сети в единую структуру. Однако, из-за узости и локальности пилотных проектов с использованием распределенных реестров, данную технологию сложно исследовать и апробировать. Но до того как подобная универсальная платформа появится, необходимо сформулировать правила, стандарты, протоколы ее работы.

Постановка проблемы

Проведенный нами анализ действующих стандартов в сфере блокчейн показал, что на текущем уровне развития экспертное сообщество подошло лишь к возможности стандартизации базовых понятий в данной области. Научное сообщество, в свою очередь, пытается расширить предметные сферы использования

блокчейн и «умных» контрактов в экономике, финансах, правовых отношениях. В частности, экономисты отмечают перспективы автоматизации экономических отношений с помощью блокчейн, т. к. он позволяет минимизировать транзакционные издержки отношений, что повышает конкурентоспособность подобных отношений на фоне традиционных подходов. По мнению некоторых исследователей, в частности коллектива экономистов под руководством С. Девидсона, блокчейн вообще может привести к появлению абсолютно новой формы институционального соглашения между экономическими субъектами – так называемой децентрализованной коллаборативной организации, для которой будет характерна высокая эффективность отношений, а также наличие дополнительных эффектов [23].

Социально-трудовые отношения представляют собой особую часть экономических отношений, связанных с реализацией труда. Исходя из этого, можно с уверенностью спрогнозировать в долгосрочной перспективе выделение особой сферы применения блокчейн в области социально-трудовых отношений. Однако, в силу специфики подобных отношений, которая уже сейчас определяет потребность в особых формах регулятивных структур (отдельной отрасли права, рынка труда, социального партнерства и др.), использование блокчейн в сфере труда также будет обладать особенностями, которые нужно учитывать уже сейчас, на стадии дизайна будущих подходов и прогнозирования перспектив их использования.

С нашей точки зрения, важное значение в развитии возможностей применения блокчейн имеют те платформы, на которых будут осуществляться подобные отношения. Именно они являются наиболее эффективным инструментом снижения транзакционных издержек, стандартизации отношений и их масштабирования в смежные области применения за счёт значительного количества пользователей, гибкой масштабируемости решений, а также комплексного решения вопроса распределения ответственности. Эти факторы позволяют минимизировать влияние сдерживающих факторов, которые мешают повсеместному внедрению блокчейн в систему социально-трудовых отношений.

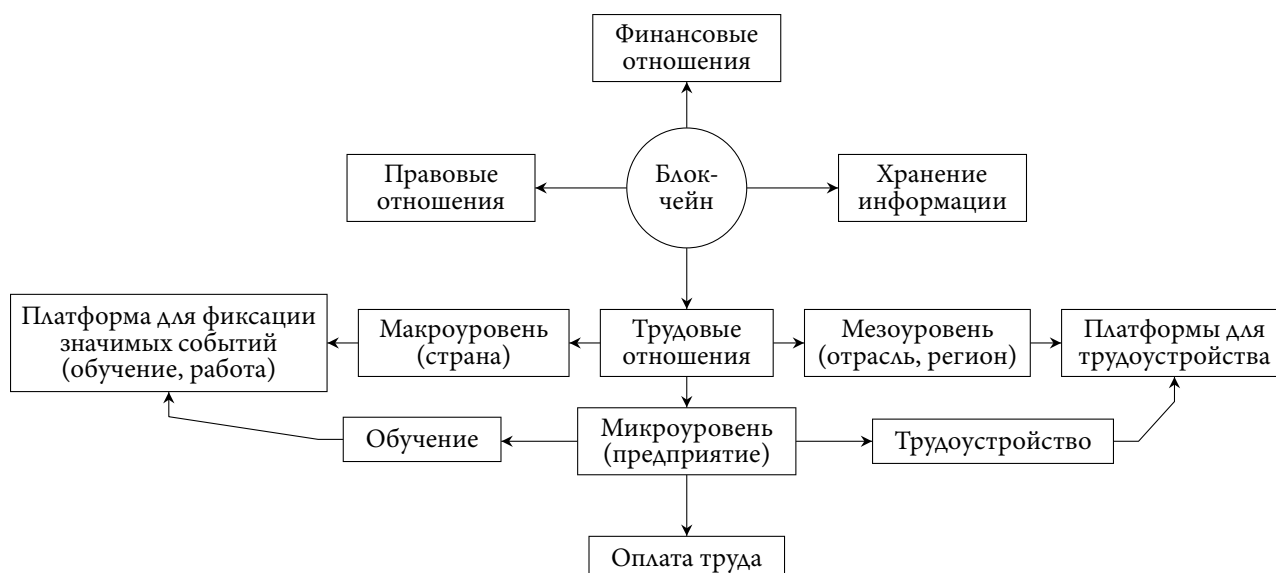

Рисунок 5 – Место технологии блокчейн в системе социально-трудовых отношений
Figure 5 – Place of blockchain technology in the system of social and labor relations

В настоящее время тремя наиболее крупными блокчейн-платформами являются *BitCoin*, *Ripple*, *HyperLedger Fabric*. Поэтому в ходе разработки модели структуры реализации социально-трудовых отношений мы будем исходить из подходов, которые реализуются именно на этих блокчейн-платформах. Кроме того, нами были учтены актуальные разработки и рекомендации экспертов в области блокчейн от трех ключевых компаний, выступающих технологическими консультантами по темам использования технологии распределенных реестров: *IBM*, *Microsoft*, *Accenture*.

Модель структуры среды реализации социально-трудовых отношений с помощью блокчейн

Возможное место блокчейн в системе социально-трудовых отношений приведено на рисунке 5. Как видно из рисунка, блокчейн может быть использован в любых аспектах социально-трудовых отношений (трудоустройство, обучение, оплата труда, продвижение). Остается под вопросом направленность вектора продвижения технологии в массы: должно ли оно осуществляться с уровня государства через общую часть трудового права, распространяясь на всех субъектов, или внедряться на уровне отдельных субъектов, организаций, направлений, закрепляясь в особенной и специальной частях трудового права? По всей видимости, оба варианта правильные.

Важное значение в реализации подобных взаимодействий принадлежит не столько блокчейн или платформе, на которой она реализуется, сколько среде, в рамках которой осуществляется взаимодействие участников отношений, его регулирование, реализация распределенного реестра и «умных» контрактов. Однако, среда формируется не сама по себе, а в ходе эволюции отношений, их развития в тех условиях, которые изначально определены ключевыми акторами. По мнению P. De Filippi и S. Hassan, блокчейн изначально выступает в качестве технологии, которая может выступить нормативной основой для эволюции различных сфер общественной жизни [23].

Для организации системы социально-трудовых отношений с использованием блокчейн мы предлагаем использовать модель структуры среды, представленную на рисунке 6, и учитывать в ней 3 уровня:

1. Уровень консенсуса – включает в себя узлы среды, которые отвечают за формирование блокчейн, распределяют блоки по сети. Именно на этом уровне через соответствующие «умные» контракты осуществляется проверка транзакций, их запись в реестре. Это максимальный уровень блокчейн-среды, представленный платформой реализации социально-трудовых отношений, узлами на нем должны выступать государственные структуры, реализующие функции в сфере занятости, социальных гарантий, оплаты труда и др.

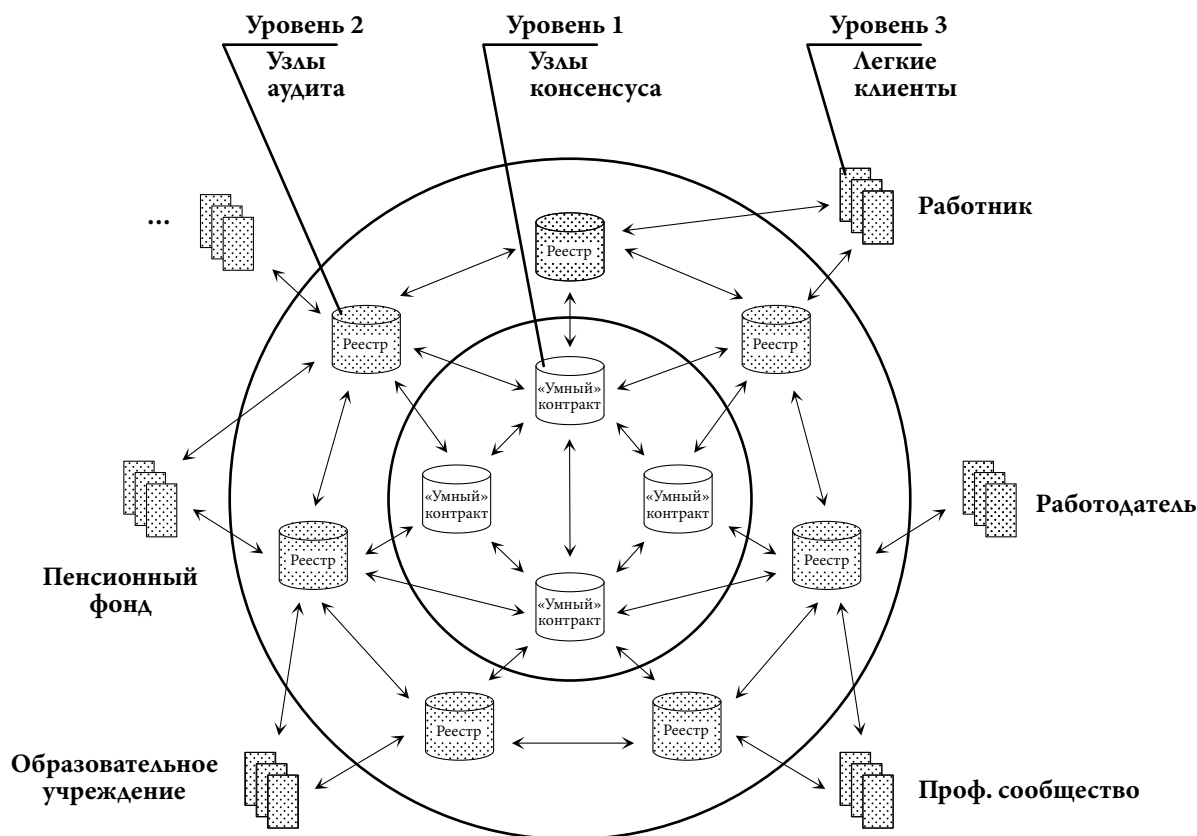

Рисунок 6 – Модель структуры среды реализации социально-трудовых отношений на блокчейн-платформе (использованы материалы А. И. Грачева и Т. В. Алексеевой)

Figure 6 – Model of the structure of the environment for the implementation of social and labor relations on the blockchain platform (based on materials by A. Grachev and T. Alekseeva)

Уровень аудита – представлен узлами, которые не участвуют в формировании блоков блокчейн, но включают в себя полные копии блокчейн, распределенные по сети. Их роль заключается в ускорении транзакций для пользователей, распределении нагрузки по сети, оперативной доставке информации для участников трудовых отношений. Таковыми могут выступать региональные структуры, которые обеспечивают социально-трудовые отношения.

Уровень пользователей – узлы, которые не содержат полную версию блокчейн, только те части реестра, которые необходимы для реализации транзакции на уровне клиентов, т.е. работодателей и работников, их сообществ и других субъектов, конечных бенефициаров распределенного реестра.

Предлагаемый вариант модели обладает рядом преимуществ: единая система блокчейн среды, действующая по принципам и стандартам, которые сформулирует платформа (через консенсус основных субъектов социаль-

но-трудовых отношений: государства, работников, работодателей); экономичность, так как в отличие от типовых блокчейн-решений, например, биткойн, валидация транзакций происходит не в сети, а достоверными централизованными узлами; точный контроль со стороны государственных структур; возможность анализа транзакций на различных уровнях для принятия оптимальных решений субъектами.

Перспективы стандартизации использования блокчейн в сфере социально-трудовых отношений

Обзор возможностей ключевых блокчейн-платформ, а также проектов, которые были реализованы с помощью технологии распределенного реестра, показал, что на текущем уровне развития стандартизация использования блокчейн в различных сферах, в частности, в системе социально-трудовых отношений, невозможна. Наука и практика преодолела этап стандартизации понятий (на него ушло не менее 3 лет); для выработки обобщенных

решений в области криптографии, записи, использования блоков реестра, различных практик и сфер применения, а также развития «умных» контрактов необходим период не менее 10 лет.

Дальнейшая стандартизация блокчейн рано или поздно приведет к формированию целой системы стандартов, регламентирующих подобные отношения. Вслед за ней можно прогнозировать появление профессиональных стандартов, регламентирующих трудовую деятельность специалистов в данной предметной области, включающих в себя разные уровни и функции. Уже сейчас есть предположения о вариантах профессий в области блокчейн, например, в Атласе новых профессий, сформированном по итогам форсайта АСИ, описана профессия «Администратор сети блокчейн», которая по оценкам экспертов появится после 2025 года. Уже сейчас можно спрогнозировать появление профессий «Разработчик «умных» контрактов», «Контроллер поведения «умных» контрактов», «Интегратор «умных» контрактов». Эти профессии не ограничиваются требованиями навыков программирования, т. к. для безошибочной работы «умных» контрактов обязательно требование понимания особенностей реализации отношений в каждой конкретной области. Можно ли сейчас сказать, что специалисты в области блокчейн и «умных» контрактов в сфере социально-трудовых отношений будут отличаться от таковых, но в других предметных областях? К сожалению, текущего уровня понимания перспектив развития технологии недостаточно для осмысления этих возможностей.

Перспективным направлением исследования в данной области является атомизация отношений с использованием блокчейн, то есть выделением базового элемента, которым, по нашему мнению, может являться «трудовой токен» – цифровой актив, отражение факта трудовой деятельности в распределенной цепи блокчейн, в соответствии с которым алгоритм «умного» контракта может осуществить встречную транзакцию по отношению к исполнителю работы. В зависимости от вида работы (уникальная разовая или типовая повто-

ряемая) трудовые токены могут быть уникальными (не обладающими свойством взаимозаменяемости) или утилитарными (позволяющими обменивать токены на другие сервисы).

В перспективе можно говорить о появлении новых бизнес-моделей в сфере социально-трудовых отношений с использованием блокчейн. Эту точку зрения транслирует Стив Хамм (Steve Hamm), который утверждает, что «блокчейн, основанный на «умных» контрактах сможет привести к значительным изменениям в отдельных отраслях, к появлению новых бизнес-моделей»³.

Заключение

Функционирование любой блокчейн-среды – это всегда детерминированный процесс, в ходе которого решение о включении или невключении блока в реестр зависит от четкого набора факторов: предыдущих блоков реестра, запрограммированных «умных» контрактов, условий их запуска и др. Все это реализуется в рамках «физических законов» этой среды, которая встроена в действующую вселенную, а значит осуществляется во времени и цифровом пространстве.

Но все остальные условия определяются законами, принципами, стандартами, которые прописаны создателями среды блокчейн в каждом конкретном случае. Как показали результаты нашей работы, у практиков и исследователей есть понимание возможностей и перспектив внедрения распределенных реестров в практике общественной жизни, определяются и отрабатываются механизмы их осуществления, апробируются конкретные кейсы применения блокчейн, но масштабы использования данной технологии не достигли того уровня, при котором можно говорить о ее стандартизации.

Экспертному сообществу потребовалось не менее 3 лет для того, чтобы стандартизировать основные понятия, используемые при реализации блокчейн. С учетом затухания интереса к этой технологии можно сделать вывод о том, что в лучшем случае потребуются десятилетия для того, чтобы наработать практику использования распределенных реестров в различных областях общественной жизни. Од-

³Hamm S. (2015) How Blockchain Will Transform Business and Society. URL: <http://www.ibm.com/blogs/think/2015/12/17/how-blockchain-will-transformbusiness-and-society>.

нако уже сейчас можно задуматься о формировании базовых представлений о блокчейн, механизмах его использования, среды, в которой будут реализовываться отношения. Одна из потенциальных сфер для использования блокчейн – система социально-трудовых отношений в силу ее значимости для общественной

жизни, вовлеченности большого количества субъектов, значимости защиты их интересов. Использование блокчейн в этой системе затруднено множеством факторов, но это не отменяет необходимости делать шаги в этом направлении, один из которых, возможно, представлен в данной статье.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брыкин К.И. (2018). Блокчейн как средство реализации принципа прозрачности (открытости) в сфере публичных финансов // Финансовое право. № 4. С. 39–42.

2. Грачев А.И., Алексеева Т.В. (2018). Целесообразность использования технологии блокчейн в сфере образования // Прикладная информатика. Т. 13. № 6 (78). С. 50–59.

3. Гумеров Э.А., Алексеева Т.В. (2020). Особенности технического задания на разработку блокчейн-систем управления // Прикладная информатика. Т. 15. № 2 (86). С. 37–47.

4. Гумеров Э.А., Алексеева Т.В. (2020). Безопасное применение смарт-контрактов в блокчейн-системах управления // Прикладная информатика. Т. 15. № 3 (87). С. 119–134.

5. Гумеров Э.А., Алексеева Т.В. (2020). Разработка информационной системы программ-оракулов в блокчейн системах управления // Прикладная информатика. Т. 15. № 5 (89). С. 124–136.

6. Дли М.И., Салов Н.А. (2018). Управление жизненным циклом экономической информационной системы с применением теории децентрализованных приложений // Прикладная информатика. Т. 13. № 1 (73). С. 5–12.

7. Долженко Р.А. (2019). Современные платформы блокчейн: преимущества и перспективы использования // Менеджмент в России и за рубежом. № 3. С. 59–70.

8. Долженко Р.А. (2020). Трансакционные издержки при использовании блокчейна и умных контрактов в трудовых отношениях // Журнал экономической теории. Т. 17. № 1. С. 130–143. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-1.10.

9. Дурнев В.Г., Мурын Д.М., Соколов В.А., Чалый Д.Ю. (2018). О некоторых подходах к решению задачи «Useful Proof-of-work for blockchains» // Моделирование и анализ информационных систем. Т. 25. № 4. С. 402–410. DOI: 10.18255/1818-1015-2018-4-402-410.

10. Иващенко Н.П., Шаститко А.Е., Шпако-

ва А.А. (2019). Смартконтракты в свете новой институциональной экономической теории // Journal of Institutional Studies. Т. 11. № 3. С. 64–83. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.064-083.

11. Исламудинов В.Ф. (2020). Институциональные изменения в контексте цифровой экономики // Journal of Institutional Studies. Т. 12. № 3. С. 142–156. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.3.142-156.

12. Лескина Э.И. (2018). Применение блокчейн-технологий в сфере труда // Юрист. № 11. С. 25–30.

13. Новиков С.П., Михеенко О.В., Кулагина Н.А., Казаков О.Д. (2018). Цифровизация учета профессиональных компетенций граждан на основе технологий распределенных реестров и смарт-контрактов // Бизнес-информатика. № 4 (46). С. 43–53. DOI: 10.17323/1998-0663.2018.4.43.53.

14. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю. (2020). Долевая экономика : Монография. М. : Издательство «Юрайт». 405 с.

15. Попов Е.В. (2018). Теория эконотроники. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН. 62 с.

16. Савельев А.И. (2017). Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. № 5. С. 94–117.

17. Савельев И.Е. (2018). Применение технологии распределенного реестра в сфере высшего профессионального образования // Прикладная информатика. Т. 13. № 2 (74). С. 49–55.

18. Финогеев А.Г., Васин С.М., Гамидуллаева Л.А., Финогеев А.А. (2018). Технология смарт-контрактов на основе блокчейн для минимизации трансакционных издержек в региональных инновационных системах // Вопросы безопасности. № 3. С. 34–55. DOI: 10.25136/2409-7543.2018.3.26619. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26619 (дата обращения: 04.03.2020).

19. Фролов Д.П. (2019). Постинституциональная теория блокчейна // Журнал экономической теории. Т. 16. № 2. С. 262–278.

20. Фролов Д.П. (2020). От транзакционных издержек – к транзакционной ценности: преодолевая фрикционную парадигму // Вопросы экономики. № 8. С. 51–81.

21. Шахназаров Б.А. (2019). Комплексная взаимосвязь блокчейн-технологии и объектов интеллектуальной собственности в трансграничных частноправовых отношениях // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 5. С. 121–147. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.5.121.147.

22. Davidson S., De Filippi P., Potts J. (2018).

Blockchains and the economic institutions of capitalism, *Journal of Institutional Economics*, vol. 14, no. 4, pp. 639–658. DOI: 10.1017/S174413741700200.

23. De Filippi P., Hassan S. (2016). Blockchain Technology as a Regulatory Technology: From Code is Law to Law is Code, *First Monday*, vol. 21, no. 12.

24. Tapscott D., Tapscott A. (2017). How blockchain will change organizations, *MIT Sloan Management Review*, vol. 58, no. 2, pp. 10–13.

25. Wattenhofer R. (2016). The science of the blockchain. Create Space Independent Publishing Platform.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Долженко Руслан Алексеевич – доктор экономических наук, доцент; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (660020, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); snurk17@gmail.com.

FRAMEWORK OF STANDARDS OF BLOCKCHAIN USE IN SOCIAL AND LABOR RELATIONS

R.A. Dolzhenko^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Problem statement. Blockchain and smart contracts are technologies that in the nearest future may affect the quality and nature of relations in almost any sphere, including labor relations. At the present stage of development, these technologies are in the phase of formation, therefore, standardization procedures are especially important for all spheres, including social and labor relations.

The scientific task. The goal of this paper is to work out principles for the framework of standards development in blockchain and smart contracts to be used in the sphere of social and labor relations. Based on this, the following tasks are singled out: definition of labor relations specific features and their reflection in the blockchain; incorporation of labor contracts requirements into the system of smart contracts; determination of mechanisms of blockchain platform data application during social and labor relations management.

Methodological base of this research is the approaches to standardization of activities and relations in ISO.

The information base is the standards worked out by the Russian and international technology committees, as well as regulations in the sphere of blockchain uses and scientific publications in this field of knowledge.

Main results. The paper presents a model of the structure of the environment for establishment and conduct of social and labor relations on a blockchain platform. The role of blockchain and smart contracts in this sphere is explained. Moreover, the article provides recommendations on the areas for further standardization of the use of technology in social and labor relations.

Conclusions. The proposed recommendations may be used by developers and researchers who are working on the integration of blockchain in new areas of public life. Guarantees of social and labor relations,

satisfaction of the participants, and the results of work depend on how well the blockchain platform is organized and its smart contracts are specified. This work requires highly qualified professionals, clear algorithms and standards for the preparation and integration of blockchain and smart contracts.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project №19-010-00785.

KEYWORDS: blockchain, smart contracts, distributed ledger, social and labor relations, framework of standards, security requirements, consensus.

FOR CITATION: Dolzhenko R.A. (2021). Framework of standards of blockchain use in social and labor relations, *Management Issues*, no. 1, pp. 48–61.

REFERENCES

1. Brykin K.I. (2018). Blockchain as a means of implementing the principle of transparency (openness) in the field of public finance, *Financial Law*, no. 4, pp. 39–42.
2. Grachev A.I., Alekseeva T.V. (2018). Feasibility of using blockchain technology in education, *Applied Informatics*, vol. 13, no. 6 (78), pp. 50–59.
3. Gumerov E.A., Alekseeva T.V. (2020). Features of the technical assignment for the development of blockchain control systems, *Applied Informatics*, vol. 15, no. 2 (86), pp. 37–47.
4. Gumerov E.A., Alekseeva T.V. (2020). Safe use of smart contracts in blockchain control systems, *Applied Informatics*, vol. 15, no. 3 (87), pp. 119–134.
5. Gumerov E.A., Alekseeva T.V. (2020). Development of an information system for oracle programs in blockchain control systems, *Applied Informatics*, vol. 15, no. 5 (89), pp. 124–136.
6. Dli M.I., Salov N.A. (2018). Management of the life cycle of an economic information system using the theory of decentralized applications, *Applied Informatics*, vol. 13, no. 1 (73), pp. 5–12.
7. Dolzhenko R.A. (2019). Modern blockchain platforms: advantages and prospects of use, *Management in Russia and abroad*, no. 3, pp. 59–70.
8. Dolzhenko R.A. (2020). Transaction costs when using blockchain and smart contracts in labor relations, *Journal of Economic Theory*, vol. 17, no. 1, pp. 130–143. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-1.10.
9. Durnev V.G., Murin D.M., Sokolov V.A., Chaly D.Yu. (2018). On some approaches to solving the problem “Useful Proof-of-work for blockchains”, *Modeling and analysis of information systems*, vol. 25, no. 4, pp. 402–410. DOI: 10.18255/1818-1015-2018-4-402-410.
10. Ivaschenko N.P., Shastitko A.E., Shpakova A.A. (2019). Smart contracts in the light of the new institutional economic theory, *Journal of Institutional Studies*, vol. 11, no. 3, pp. 64–083. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.064-083.
11. Islamutdinov V.F. (2020). Institutional changes in the context of the digital economy, *Journal of Institutional Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 142–156. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.3.142-156.
12. Leskina E.I. (2018). The use of blockchain technologies in the world of work, *Lawyer*, no. 11, pp. 25–30.
13. Novikov S.P., Mikheenko O.V., Kulagina N.A., Kazakov O.D. (2018). Digitalization of accounting for professional competencies of citizens based on technologies of distributed registers and smart contracts, *Business Informatics*, no. 4 (46), pp. 43–53. DOI: 10.17323/1998-0663.2018.4.43.53.
14. Popov E.V., Veretennikova A.Yu. (2020). Shared Economy. Moscow: Publishing house “Yurayt”. 405 p.
15. Popov E.V. (2018). The theory of econotronics. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 62 p.
16. Savelyev A.I. (2017). Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies under Russian law, *Law*, no. 5, pp. 94–117.
17. Saveliev I.E. (2018). Application of distributed register technology in the field of higher professional education, *Applied Informatics*, vol. 13, no. 2 (74), pp. 49–55.
18. Finogeev A.G., Vasin S.M., Gamidullaeva L.A., Finogeev A.A. (2018). Blockchain-based smart contracts technology to minimize transaction costs in regional innovation systems, *Security Issues*, no. 3, pp. 34–55. DOI: 10.25136/2409-7543.2018.3.26619. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26619 (accessed 04.03.2020).
19. Frolov D.P. (2019). Postinstitutional blockchain theory, *Journal of Economic Theory*, vol. 16, no. 2, pp. 262–278.

20. Frolov D.P. (2020). From transaction costs to transaction value: overcoming the frictional paradigm, *Problems of Economics*, no. 8, pp. 51–81.

21. Shakhnazarov B.A. (2019). Complex relationship between blockchain technology and intellectual property in cross-border private law relations, *Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 5, pp. 121–147. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.5.121.147.

22. Davidson S., De Filippi P., Potts J. (2018). Blockchains and the economic institutions of capitalism, *Journal of Institutional Economics*, vol. 14,

no. 4, pp. 639—658. DOI: 10.1017/S1744137417000200.

23. De Filippi P., Hassan S. (2016). Blockchain Technology as a Regulatory Technology: From Code is Law to Law is Code, *First Monday*, vol. 21, no. 12.

24. Tapscott D., Tapscott A. (2017). How blockchain will change organizations, *MIT Sloan Management Review*, vol. 58, no. 2, pp. 10–13.

25. Wattenhofer R. (2016). The science of the blockchain. Create Space Independent Publishing Platform.

AUTHORS' INFORMATION:

Ruslan A. Dolzhenko – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 660020, Russia); snurk17@gmail.com.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ (COVID-19)

Г.И. Осадчая^{1а}, М.Л. Вартанова^{2а}

^аФедеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
Институт демографических исследований

АННОТАЦИЯ:

Международная миграция – важнейший фактор формирования единого интеграционного пространства, ибо она оказывает влияние на уровень жизни населения, социально-экономический и демографический потенциал государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Именно это определяет значимость мониторинга тенденций миграционных процессов. Однако, несмотря на увеличивающееся количество исследований в области демографических проблем ЕАЭС, пока остается недостаточно изучено влияние миграционных процессов на демографическую ситуацию в странах-членах, не предложены меры по его устойчивому демографическому развитию, обеспечивающему национальную безопасность каждой страны-члена и демографическую безопасность ЕАЭС. Это позволяет сделать вывод об актуальности и практической значимости темы исследования.

Основой исследования послужили труды отечественных экономистов, экспертов по вопросам особенностей, причин и тенденций развития трудовой миграции в странах ЕАЭС. В результате проведенного анализа истории и современных миграционных этапов в странах ЕАЭС авторами предлагается выявить угрозы снижения демографического потенциала союза, дать оценку влияния миграционных процессов на демографическую ситуацию в них, обосновать необходимость разработки концепции демографической безопасности Евразийского экономического союза.

Представляется целесообразным усилить наднациональную составляющую регулирующей деятельности по демографическому развитию каждого государства ЕАЭС, особенно в условиях возникшей пандемии COVID-19, обеспечивающему их национальную безопасность и демографическую безопасность союза, создав на базе Евразийской комиссии эффективно действующую постоянную площадку по проблемам демографического развития союза, разработать концепцию демографической безопасности ЕАЭС с привлечением представителей ответственных центральных и региональных госорганов, а также ведущих экспертов-демографов стран-членов.

Настоящее исследование необходимо для адекватной оценки потенциала миграционных процессов, характеризующих уровень социально-экономического развития государств Евразийского экономического союза и влияния динамики происходящих изменений на перспективу. Результаты проведенного исследования опираются на общую характеристику, особенности, причины и мониторинг макроэкономических показателей, определяющих современное состояние миграционных процессов стран ЕАЭС. Отмечается необходимость разработки мер и уточнения механизмов по обеспечению миграционной безопасности евразийского пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: безработица, демографическая безопасность, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), занятость, интеграционные процессы, миграционные процессы, народонаселение, пандемия (COVID-19), социально-экономическое развитие, трудовая миграция.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. (2021). Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) // Вопросы управления. № 1. С. 62–74.

¹AuthorID РИНЦ: 118648, ORCID: 0000-0002-2597-9724, ScopusID: 35737719800, ResearcherID: G-2163-2017

²AuthorID РИНЦ: 680162, ORCID: 0000-0002-9853-5817

**Обоснование научной новизны
и значимости проведенной работы**

Вопросам изучения теоретических и прикладных аспектов демографического потенциала, развития, демографической безопасности посвятили свои научные труды российские и зарубежные ученые. Демографическая ситуация, особенности изменений демографического потенциала стран-членов, возможные перспективы развития демографической системы ЕАЭС рассматривались в работах С. В. Рязанцева, О. Л. Рыбаковского, Г. И. Осадчей, Т. К. Ростовской, А. М. Егорычева, М. Л. Варгановой, С. В. Зенченко, Е. Ю. Киреева, М. В. Карманова, О. В. Кучмаевой, О. Л. Петрякова, В. А. Ионцева и др.

Народонаселение Евразийского экономического союза является его реальным стратегическим ресурсом. Динамика численности населения, их половозрастная, расселенческая структура оказывают значительное влияние на потребление товаров и услуг, развитие интеграционных процессов [19], формируют трудовые и интеллектуальные ресурсы для развития современных отраслей экономики, задают их качественные характеристики, определяют особенности формирования общего единого рынка трудовых ресурсов.

В настоящее время страны Евразийского экономического союза, обладая различной демографической динамикой, стремятся к достижению демографического оптимума, интенсивности процессов рождаемости и снижению смертности, а также обеспечению воспроизводства демографических структур и оптимальной миграции населения.

Основная часть

Как показывает анализ статистики миграционных процессов стран Евразийского экономического союза, за последние годы в Армении, Казахстане, Кыргызстане (в частности, после вступления в Евразийский союз) миграционная убыль населения сохраняется, хотя характеризуется разными темпами и причинами. Так, в Армении после 2017 года наметилась тенденция сокращения миграционной убыли. Если в 2015 г. она составила –25 900 человека, то в 2019 этот показатель достиг отмет-

Таблица 1 – Сальдо международной миграции³

Table 1 – International migration balance

Страны ЕАЭС	Год				
	2015	2016	2017	2018	2019
<i>Человек (тыс.)</i>					
Армения	– 25,9	– 24,8	– 24,0	– 18,3	– 16,0
Беларусь	18,5	7,9	3,9	9,4	13,9
Казахстан	– 13,5	– 21,1	– 22,1	– 29,1	– 33,0
Кыргызстан	– 4,2	– 4,0	– 3,9	– 5,4	– 6,2
Россия	245,4	261,9	211,9	124,9	285,8
<i>На 1000 человек населения (%)</i>					
Армения	– 0,3	0,0	0,1	0,2	0,5
Беларусь	2,0	0,8	0,4	1,0	1,5
Казахстан	– 0,8	– 1,2	– 1,2	– 1,6	– 1,8
Кыргызстан	– 0,7	– 0,7	– 0,7	– 0,9	– 1,0
Россия	1,7	1,8	1,4	0,9	1,9

ки –16 000 человек, т. е. сократилась в 1,6 раза. А в Казахстане и Кыргызстане миграционная убыль росла. В Казахстане в 2019 г. по сравнению с 2015 рост миграции составил 2,5 раза (2015 г. – 13 466 человек, 2019 г. – 32 973 человек), в Кыргызстане 1,5 раза (2015 г. – 4 229 человек, 2019 г. – 6 160 человек).

Отметим колебания миграционного прироста по годам в Беларуси и России. В итоге в 2019 г. в Беларуси он составил 13 870 человек, что меньше, нежели в 2015 (18 494 человек) в 1,3 раза, но больше, нежели в предыдущие годы (2016 – 7 940 человек; 2017 – 3 874 человек, 2018 – 9 362 человек). В России миграционный прирост в 2019 г. по сравнению с 2015 несколько вырос (2015 г. – 245 384 человек, 2019 г. – 285 792 человек), но имел разные значения: в 2016 г. – 261 948 человек, 2017 г. – 211 878 человек и наименьшее значение в 2018 г. – 124 854 человек (табл. 1).

Каждый период активизации миграционных процессов на евразийском пространстве имеет свои объяснения. Колебания по годам миграционного оттока в Армении, Казахстане и Кыргызстане, а также увеличение роста миграции в Беларуси и России объясняется изменением социально-экономической ситуации и политического положения как в отдающих странах, так и в странах, принимающих мигрантов [16].

В большинстве своем наиболее общими причинами миграции среди населения таких стран Евразийского экономического союза,

³Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. М., 2020. С. 24.

как Армения, Казахстан и Кыргызстан, являются безработица, отсутствие возможности для карьерного роста, низкий уровень располагаемых доходов, социально-экономическая и политическая нестабильность в обществе и в государстве в целом, а также личные причины (переезд по семейным обстоятельствам, по национальным признакам, получение образования, репатриация и др.) [15].

Эти субъективные мнения подтверждаются данными статистики. Так, в перерасчете на американскую валюту средняя заработная плата в Армении по состоянию на 2019 год составила в среднем \$ 380 по стране и \$ 419 по столице страны; в Беларуси – по \$ 522 и \$ 730 соответственно; в Казахстане – \$ 485 и \$ 698; в Кыргызстане – \$ 485 и \$ 698; в России – \$ 733 и \$ 1 452.

При этом разница по уровню безработицы стран ЕАЭС с 2015 по 2019 годы насчитывает 0,9 % от общей численности экономически активного населения. Динамика уровня безработицы в странах ЕАЭС с 2015 по 2019 годы отражена в таблице 2.

Миграционные процессы в России характеризуются в последние годы в основном негативной динамикой частично из стран СНГ, притом как миграционный приток из Украины в значительной степени уменьшился по сравнению с 2013 годом, когда наплыв мигрантов был более существенным, что, возможно,

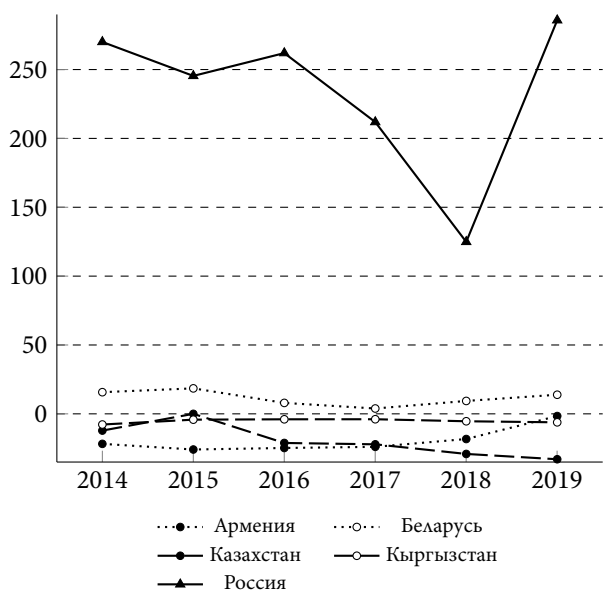

Рисунок 1 – Сальдо международной миграции (тыс. чел.)³

Figure 1 – International migration balance (thousand people)

Таблица 2 – Уровень безработицы (в процентах)³

Table 2 –

Страны ЕАЭС	Год				
	2015	2016	2017	2018	2019
Армения	18,5	18,0	17,8	20,5	18,9
Беларусь	5,2	5,8	5,6	4,8	4,2
Казахстан	5,1	5,20	4,9	4,9	4,8
Кыргызстан	7,6	7,2	6,9	6,2	...
Россия	5,6	5,5	5,2	4,8	4,6
ЕАЭС	5,7	5,7	5,4	5,0	4,8

было связано и с социально-политическими процессами, происходящими в стране исхода. Также тихими темпами продолжает снижаться миграционный поток из Молдавии. Следует отметить, что в России в настоящее время созданы благоприятные условия для перевода денег трудовыми мигрантами на родину, то есть в те страны, откуда они прибыли.

Всего за годы независимости в Армении наблюдалось три крупных этапа миграционных процессов: первый этап был обусловлен распадом СССР, трагическим землетрясением в Армении, войной на территории Нагорного Карабаха и длительной блокадой в Армении. Так, в 1991–1994 гг. уехало около 550 тыс. человек, также к ним примкнули более 350 тыс. армянских беженцев из Баку, Сумгаита и др. городов Азербайджанской ССР. Второй этап сопровождался в 1999–2001 гг., когда нетто-эмиграция составила еще около 200 тыс. человек. Третий этап начался в 2008–2010 гг. и продолжается по настоящее время. В большинстве своем все этапы эмиграции из Армении сопровождалось сложным социально-экономическим и сложным политическим положением как внутри страны, так и за ее пределами (с соседями приграничных территорий). Едут в основном в Россию, США и страны Евросоюза. Отмечается, что одна из самых крупных в мире армянских диаспор находится в настоящее время в России. На протяжении многих лет власти Армении сильно озабочены сложившейся ситуацией, пытаются привлечь представителей многомиллионной армянской диаспоры, но настоящая репатриация была очень редким явлением, в основном это были сирийские армяне, бежавшие в Армению от войны в Сирии. Ряд экспертов по Армении, по-разному оценивая параметры изменений миграционной ситуации, связывали

снижение миграционного оттока населения с экономическим развитием республики за время своего членства в ЕАЭС. Однако, вооруженный конфликт осенью 2020 года, развернувшийся на территории приграничного с Арменией Нагорного Карабаха лишь усугубил возлагаемые надежды и кардинальным образом позволил лишь изменить демографическую ситуацию. Разочарование местного населения к властям лишь увеличило настроение в сторону отъезда коренных жителей в другие страны. Так, в статье С. Даниэляна отмечается, что «многие арцахцы (жители Нагорного Карабаха) собираются безвозвратно эмигрировать в Россию: мы теряем территории и генофонд»; отмечается, что «многие жители, как Армении, так и НКР собираются эмигрировать в Россию и другие страны. В этих условиях, необходимо создать госкомитеты, которые занимались бы проблемами этих людей, работали бы с Россией по вопросу обеспечения безопасности в Нагорном Карабахе и возвращения местного населения».

Что касается демографического положения в Республике Казахстан, то нарастание оттока граждан Казахстана в Россию обостряется так называемым уходом Казахстана «от широкого использования русского языка, постепенным его вытеснением из всех сфер, от образования до государственного управления, от культуры до промышленности, политикой постепенного заполнения руководящих должностей в органах государственного управления, образовании, промышленности национальными кадрами, стремлением дать детям качественное образование на русском языке, открывающем большие возможности трудиться на всем пространстве бывшего Союза». По мнению ряда экспертов, «самой серьезной ошибкой в сфере образования является переход с кириллического алфавита на латиницу» [8].

Довольно сложная ситуация с трудовой миграцией в Кыргызстане. Рост миграционной убыли эксперты по Кыргызстану объясняют не только бедностью, но и высокими темпами роста численности населения и молодой возрастной структурой населения, что создает условия для избытка рабочей силы. Так, в

одной из Кыргызских общественно-политических газет «Central Asia Monitor» отмечается настолько тяжелое положение в плане отсутствия молодых ресурсов, что «из-за трудовой миграции в некоторых селах юга остались только старики и дети... и даже некому могилы копать – молодежь вся за пределами страны» [10]. Насколько остро стоит данная проблема перед местным населением и органами государственной власти вплоть до угрозы государственной безопасности и целостности страны.

В Беларуси в настоящее время все больше отмечается естественная убыль населения, и она нарастает, выравнивание ситуации возможно за счет миграционных потоков. Только за 2019 год в стране умерло на 26 тыс. человек больше, чем родилось. Так, по данным СМИ «Белстат», международная миграция подарила стране 9,4 тыс. дополнительных жителей и способна лишь смягчить, но, к сожалению, не остановить многолетний процесс депопуляции (рис. 2). По количеству же мигрантов можно определить, что у Беларуси два основных денежных «донора» – Россия и Польша, куда уезжают люди в поисках работы.

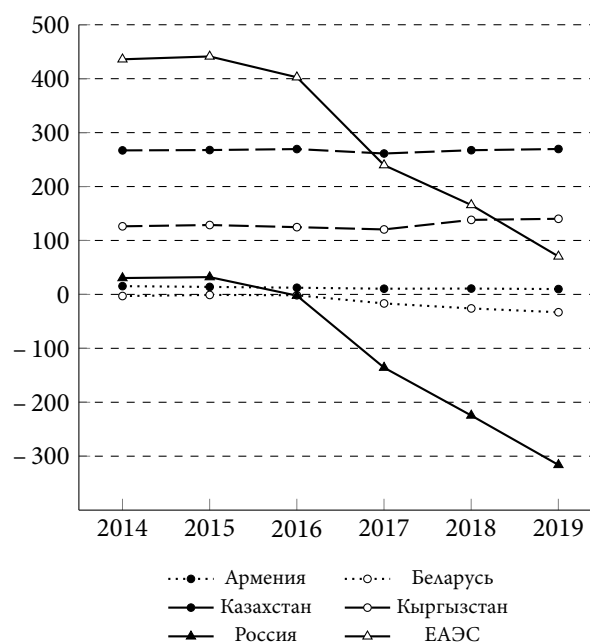

Рисунок 2 – Показатели естественного движения населения в государствах-членах ЕАЭС (тыс. чел.)⁴

Figure 2 – Indicators of the natural movement of the population in the EAEU member states (thousand people)

⁴Источник: ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/express_demography.aspx (дата обращения 04.09.2020).

Таким образом, происходящая миграция молодого резерва стран ЕАЭС представляет в последнее время все большую угрозу государственной целостности стран, потери молодых кадров. В большинстве своем и сами мигранты испытывают в значительной степени сложности, связанные с обустройством, языком и интеграцией в той стране, которую они предпочли в качестве источника для получения работы. Мигрантам приходится достаточно сложно приспособиваться к новой среде, культуре, правилам, законам принимающего государства, которые также надо изучать и соблюдать. Но есть и положительные стороны. К примеру, «отдающие страны получают средства для поддержания повседневной жизни населения страны, уменьшают социальную нагрузку, снижают уровень социальной напряженности. Выигрывают и переселенцы, приобретая новые возможности для самореализации» [16]. Таким образом, еще одной особенностью для сохранения демографической безопасности отдающих стран является привлечение другими государствами мигрантов – квалифицированных специалистов из стран ЕАЭС.

По мнению Е. А. Ионцева, «политика смиривания», в том числе и в Россию, реализуемая в рамках миграционной политики начиная с 2010 года, приведет эти страны к тому, что они «будут обескровлены... и станут легкой добычей со стороны западных держав и в том числе Турции» [7]. Отмечается, что «в отношении высококвалифицированных мигрантов нужна согласованная миграционная политика государств-членов ЕАЭС, предусматривающая временную миграцию, учитывающая взаимную выгоду и в том числе повышение конкурентоспособности» [16].

В последние месяцы 2020 года Евразийский экономический союз (ЕАЭС), наряду с социальными и экономическими проблемами, столкнулся с разного рода политическими сложностями. По государствам-членам Союза покатила волна политических потрясений: поствыборные протесты в Беларуси и Кыргызстане, новый виток конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Очевидно, что и ситуация с пандемией 2020 года также су-

щественно изменит миграционные процессы в Евразийском союзе и показатели миграционного прироста/убыли. При этом следует учесть несовершенство миграционной статистики в странах-членах ЕАЭС [17], хотя ЕЭК ведет поиск новых инструментов статистического наблюдения, развивающих интеграционные процессы, способные сформировать его надежный статистический фундамент.

Проанализированные нами социально-демографические аспекты интеграционных процессов в ЕАЭС показали, что сохранение данных тенденций может привести к сокращению общей численности населения Евразийского экономического союза, а также в ряде стран численности экономически активного населения. Реальная ситуация в сфере рождаемости в государствах-членах, тенденции старения населения (табл. 3), рост, числа выходящих работников уже в ближайшей перспективе не позволят компенсировать потери, связанные со снижением числа молодых работников. В этих условиях возможна конкуренция стран за сохранение этого ресурса стран-членов ЕАЭС [1]. Все это и требует принятия более сильных, последовательных и согласованных мер в области демографической политики.

Вторая волна коронавируса усилила турбулентность среды по всему миру. По мере распространения болезни нарастает нестабильность. Происходящие изменения вынуждают людей действовать вне привычного контекста и предсказуемых схем. Люди обеспокоены своим здоровьем и финансовым благополучием. Коронавирус изменил их поведение и будет, на наш взгляд, к сожалению, продолжать оказывать огромное социальное и экономическое воздействие на повседневность.

Таблица 3 – Медианный возраст населения государств-членов ЕАЭС⁵

Table 3 – Median age of the population of the EAEU member states

Страна	Возраст
Армения	33,8
Беларусь	39,5
Казахстан	29,4
Кыргызстан	25,1
Россия	38,6

⁵Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019).

Таблица 4 – Мнение респондентов о влиянии пандемии COVID-19 на повседневную жизнь в Москве молодых граждан государств-членов ЕАЭС. В жизни ничего не изменилось (в % от опрошенных)⁶

Table 4 – Respondents' opinion on the impact of the COVID-19 pandemic on the daily life in Moscow of young citizens of the EAEU member states. Nothing has changed in life (% of respondents)

Страна	Значение
Армения	34,8
Беларусь	24,6
Казахстан	26,3
Кыргызстан	31,8
Молдова	32,1
Россия	29,8
Таджикистан	20,9

При этом мы пока далеко не в полной мере понимаем суть этого воздействия, как оно скажется, как люди приспосабливаются к изменившейся жизни, к новой среде.

Наше исследование открывает возможность сделать некоторые выводы о влиянии COVID-19 на повседневную жизнь молодежи из постсоветских государств (уже являющимися членами ЕАЭС или претендующими на членство) в Москве в условиях пандемии.

Изменчивая, текучая физическая и социальная среда Москвы под влиянием COVID-19 заставляет людей адаптироваться к изменившимся схемам решений и поведения на основе индивидуальных и контекстных характеристик (физического, социального, мотивационного), меняются фреймы, используемые человеком для понимания событий и действий в рамках этого понимания, мотивация, возможности. Только 21–32 % респондентов, представляющих разные страны, отметили, что в их жизни ничего не изменилось (табл. 4).

Большинство же столкнулось с изменением физического контекста своей повседневности. Каждый седьмой опрошенный молодой гражданин постсоветских стран отметил, что он болен или болеет. У каждого третьего опрошенного, по их самооценке, социально-психологическое самочувствие ухудшилось, что объясняется тем, что у человека, попавшего в особую ситуацию, возникает эмоциональный всплеск и психологическое напряжение (рис. 3).

Как видим, ухудшение социально-психологического состояния граждан ЕАЭС чаще из всех опрошенных отмечали россияне (доля тех, у кого социально-психологическое самочувствие ухудшилось, составила 42 %). Очевидно, что реакция человека объясняется индивидуальными свойствами организма человека, его воспитанием, осведомленностью, осознанием степени опасности, моральной закалкой, психологическим состоянием. Наиболее важными оказались уровень благополучия человека до кризисного периода и глубина, острота события в субъективном восприятии каждого конкретного человека, способность ему противостоять. Возможно, этим можно объяснить оценочные суждения россиян. Они привыкли к стабильности и высокому уровню благополучия.

Особо значимыми изменения были в социальном контексте повседневной жизни молодежи (табл. 5).

Каждый десятый респондент в период пандемии потерял работу. Чаще других отмечали эту позицию граждане Кыргызстана и Таджикистана. У 34 % снизился заработок. Больше других (40 %) у граждан Таджикистана. Каждому десятому респонденту не хватало денег на питание, 9 % испытали сложности дистанционного продолжения обучения из-за отсутствия стабильного доступа интернет или необ-

Рисунок 3 – Оценка молодыми гражданами государств-членов ЕАЭС ухудшения социально-психологического состояния, появления раздражительности (ухудшилось) (в % от опрошенных)⁶

Figure 3 – Assessment by young citizens of the EAEU member states of the deterioration of the socio-psychological state, the appearance of irritability (worsened) (in % of the respondents)

⁶Источник: составлено авторами.

Таблица 5 – Изменения социального контекста повседневной жизни молодежи из постсоветских государств в Москве в условиях пандемии (в % от опрошенных)⁶

Table 5 – Changes in the social context of the daily life of young people from post-Soviet states in Moscow in the context of a pandemic (in % of respondents)

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан
Потеряли работу	9,5	8,4	9,0	13,3	11,6	12,1	15,4
Снизился заработок	29,6	34,7	35,6	35,0	31,0	32,3	40,3
Не хватало (не хватает) денег на питание	6,0	7,6	8,2	10,7	10,2	9,1	11,9
Вы не могли (не можете) дистанционно продолжить свое обучение из-за отсутствия стабильного доступа в сеть Интернет и необходимого оборудования	7,9	7,6	8,2	8,4	12,2	7,7	9,0
Вы не могли (не можете) вернуться в Вашу страну/родной город	16,8	21,0	20,1	20,8	15,1	4,8	28,1

ходимого оборудования. Около 18 % не могли вернуться в страну исхода или в родной город. Самая сложная ситуация по оценке респондентов сложилась у граждан Таджикистана (28 %).

Новая ситуация вызывает чувство страха. Понимание, что человек сам не может устранить отрицательное воздействие COVID, приводит к тому, что примерно пятая часть опрошенных испытывает беспокойство и раздражение, 6,5 % – страх, отчаяние и безысходность. Отметим, что все-таки четверо из десяти опрошенных сохраняют хорошее, оптимистическое (23,7 %) и нормальное, ровное (44,0 %) настроение (рис. 4)

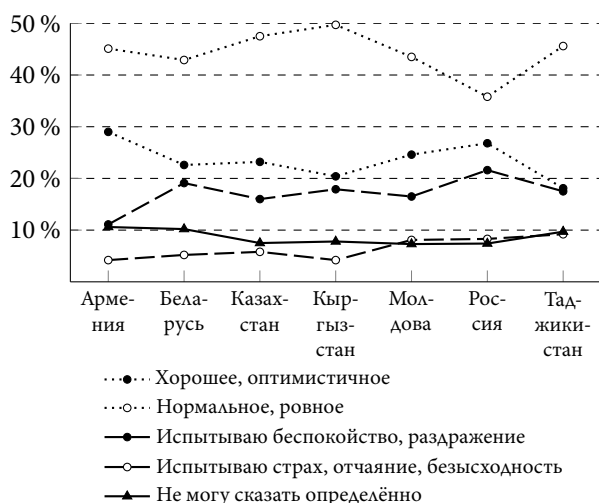

Рисунок 4 – Настроение, которое преобладает у молодежи из постсоветских государств в Москве в условиях пандемии в последнее время (в % от опрошенных)⁶

Figure 4 – Mood prevailing among young people from post-Soviet states in Moscow amid a pandemic recently (in % of respondents)

Очевидно, что качество и особенности повседневной жизни молодежи в Москве в условиях пандемии зависят не только от властей РФ, но и от совместных усилий руководителей постсоветских государств по противодействию COVID-19, от устойчивости и глубины экономической интеграции государств-членов ЕАЭС, эффективности совместных мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции и её профилактике.

Сегодня значимость повышения демографического потенциала осознается всеми государствами – членами Союза. Каждое из них проводит политику по обеспечению и сохранению демографической безопасности, увеличению уровня и продолжительности жизни. Данная политика, как правило, отражается в принимаемых странах ЕАЭС различных программ, проектов и стратегий национальной безопасности с учетом собственных приоритетов.

Первой из стран-членов ЕАЭС употребила термин «демографическая безопасность» в своих законодательных документах Республика Беларусь. Её парламентом 04.02.2002 был принят закон РБ № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь», который послужил основой для разработки и утверждения правительством Беларуси ряда национальных программ демографической безопасности. Главными приоритетами программ демографической безопасности явились рождаемость, заболеваемость и смертность, миграция, возрастная структура населения и демографическое старение. Также с 2016 по 2020

годы в Беларуси действовала государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 гг.

В России проблемы демографической безопасности решались в рамках Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где была обоснована необходимость по повышению качества жизни российских граждан, созданию благоприятных условий для увеличения рождаемости, снижения смертности российских граждан, поддержания здорового образа жизни (ст. 53) и др. В национальном приоритете «Здравоохранение» сформулирована стратегическая цель: «увеличение продолжительности жизни, снижение уровня инвалидности и смертности населения, увеличение численности населения» (ст. 18), а в число основных показателей был включен такой показатель, как «ожидаемая продолжительность жизни», что немаловажно.

Проведенная коллективом научных сотрудников ИСПИ ФНИСЦ РАН экспертная оценка упомянутого выше указа выявила и показала серьезные пробелы в возможности реализации стратегической цели по обеспечению демографической безопасности страны. Учеными подготовлены предложения по включению в стратегию отдельного направления «Сбережение народонаселения» в раздел IV, сформулированы ключевые положения обеспечения национальной безопасности по нему, предложены меры в области повышения рождаемости, поддержки семьи, снижения смертности и увеличения продолжительности жизни, миграционной политики.

Согласно Указу Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года», работа по обеспечению демографической безопасности ведется в рамках национального проекта «Демография», включающего 5 федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья», «Спорт – норма жизни». В качестве срока завершения их реализации обозначен 2030 год (в связи с пандемией).

Новая демографическая программа вселяет надежду на стабилизацию в предстоящее десятилетие численности населения России как самой крупной страны-члена ЕАЭС. С нашей точки зрения, очень правильно сделан акцент на экономической поддержке рождаемости, поддержке многодетных семей, семей со скромными доходами, созданию дополнительных стимулов для рождения второго и третьего ребенка. Однако управление воспроизводством населения должно включать также формирование новых социальных стереотипов в отношении рационального числа детей в семье, возраста вступления в брак, рождения первого ребенка. Необходим поиск новых подходов к использованию потенциала пожилых людей, согласование миграционных и социальных политик, нужна согласованная миграционная политика государств-членов в отношении высококвалифицированных специалистов, предусматривающая временную миграцию, учитывающая взаимную выгоду и повышение конкурентоспособности Евразийского союза в целом и каждой страны-члена.

Пока стратегическая национальная повестка всех государств-членов далеко не всегда ориентируется на интеграционные возможности регионального объединения. В связи с этим считаем необходимым а) усилить наднациональную составляющую регулирующей деятельности по демографическому развитию каждого государства ЕАЭС, обеспечивающую их национальную безопасность и демографическую безопасность Союза, создав на базе Евразийской комиссии эффективно действующую постоянную площадку по проблемам демографического развития Союза; б) разработать концепцию демографической безопасности ЕАЭС с привлечением представителей ответственных центральных и региональных госорганов, а также ведущих экспертов-демографов стран-членов.

В современной литературе под демографической безопасностью понимается демографическая безопасность страны «по сохранению должного качества (нравственного и физического) отечественного генофонда» [18]. Для оценки угроз демографическому развитию популяции ЕАЭС в общем виде могут быть использованы показатели, предложен-

ные М. В. Кармановым, О. В. Кучмаевой, О. Л. Петряковой [8].

1. Статистическое изучение численности населения (динамика показателей воспроизводства)

2. Определение размещения населения по территории страны.

3. Выявление возрастного и полового состава (структуры) населения.

4. Определение основных факторов естественного движения населения.

5. Воспроизводство населения с учетом изучения смены поколений в результате естественного движения населения, в частности рождаемости и смертности.

Разработанный авторами интегральный индекс демографической безопасности территорий также может быть использован для субъектов РФ, поскольку «он позволяет комплексно оценить ситуацию, выделить наиболее уязвимые страны и причины попадания их в данную группу и определить приоритетные субъекты и направления государственной поддержки» [18].

Для разработки концепции демографической безопасности Евразийского экономического союза представляет интерес определение Л. Л. Рыбаковского: «такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства» [20].

Заключение

Международная миграция как любое социальное явление имеет свои плюсы и минусы как для отдающего, так и для принимающего общества, несет определенные риски и угрозы, что выявлено и описано в работах многих исследователей процессов евразийской интеграции [19].

Поэтому задачей Правительств стран-членов ЕАЭС и руководства Евразийского экономического союза является разработка мер по обеспечению миграционной безопасности евразийского пространства. Важный шаг в этом направлении сделан Евразийской экономической комиссией и Международной организацией по миграции, договорившихся еще в декабре 2018 года о сотрудничестве по глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. В соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года» в настоящее время российскими учеными-экспертами активно ведется работа по обеспечению демографической безопасности в рамках национального проекта «Демография». Стоит также поддержать предложение экспертов о необходимости разработки критериев оценки миграционных потоков государств-членов ЕАЭС для эффективной реализации договора. Полагаем, что требуют уточнения и механизмы, позволяющие обеспечивать демографическую безопасность Евразийского экономического союза.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вартанова М.Л. (2019). Единый рынок услуг в рамках реализации договора о Евразийском экономическом союзе: возможности и недостатки // Экономические отношения. Т. 9. № 1. С. 49–66.

2. Глушкова В.Г., Хорева О.Б. (2014). Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Вестник финансового университета. № 3. С. 14–25.

3. Данилова И.А., Дмитриев Р.В. (2017). Возрастные структуры населения в странах ЕАЭС // Демографический потенциал стран ЕАЭС : VIII Уральский демографический форум. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. Т. II. С. 83.

4. Зенченко С.В., Вартанова М.Л. (2013). Анализ тенденций изменения потоков международ-

ной трудовой миграции в контексте мировых глобальных процессов // Региональные проблемы преобразования экономики. № 1 (35). С. 47–58.

5. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2019. С. 23.

6. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. С. 24–28.

7. Ионцев В.А., Зимова Н.С., Субботин А.А. (2017). Особенности «утечки умов» в России и сопредельных государствах евразийского пространства // Миграционные мосты в Евразии:

модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта : Материалы IX Международного научно-практического форума. Т. I. С. 42.

8. Карманов М.В., Кучмаева О.В., Петрякова О.Л. (2015). Демографическая безопасность: теория, методология, оценка // Экономика, Статистика и Информатика. № 4. С. 123–128.

9. Кенжебаев К.С. (2019). Миграционные процессы в Кыргызской Республике: риски и угрозы // Вестник дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской республики имени Казы Дикамбаева. № 12. С. 150–154.

10. Киргизия. Трудовая миграция в Киргизии. URL: <http://atlasmap.ru/index.php/spr/144798> (дата обращения: 25.03.2017).

11. Кочербаева А. (2016). Особенности демографического развития Кыргызстана: проблемы, их социальные последствия и перспективы решения // Народонаселение. № 1-1. С. 16–24.

12. Куур О.В. (2020). Оценка результативности интеграционного развития государств-участников ЕАЭС: финансово-экономический аспект // Фундаментальные исследования. № 5. С. 105–111.

13. Микаелян Г. Внешняя миграция в Армении: тенденции, направления, численность. URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=6837 (дата обращения: 20.03.2017).

14. Мустафаев Н. Миграционная ситуация в Казахстане. URL: <http://www.zakon.kz/66494-migracionnaja-situacija-v-kazakhstane.html> (дата обращения: 25.03.2017).

15. Осадчая Г.И. (2019). Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. М. : Изд-во «Экон-Информ». 283 с. ISBN 978-5-907233-06-5.

16. Осадчая Г.И. (2018). Демографические аспекты интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе // Сотис – социальные технологии, исследования. Москва. С. 31–36.

17. Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю. (2019). Мигран-

ты из государств-членов ЕАЭС: вклад в демографическое развитие Москвы // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Москва. С. 464–467.

18. Попов А.В., Калачикова О.Н. (2015). Интегральные индексы в оценке демографической безопасности территорий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 46. С. 56–66.

19. Осипов Г.В., Осадчая Г.И., Андреев Э.М., Юдина Т.Н., Варганова М.Л., Киреев Е.Ю., Дробот Е.В., Селезнёв И.А., Выборнов Д.М. (2018). Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение : Коллективная монография. Москва. С. 194–253.

20. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. (2019). Демографический потенциал: из истории понятия // Народонаселение. № 2. С. 17–25.

21. Рязанцев С.В., Тер-Акопов А.А., Письменная Е.Е., Храмова М.Н. (2017). Сценарии развития миграционной ситуации в ЕАЭС в условиях усиления экономической интеграции // Аналитический вестник. № 19 (676). С. 8–18.

22. Социально-демографические индикаторы. Статистика Евразийского экономического союза. Январь–декабрь 2019 года : Статистический бюллетень. М., 2020. С. 9.

23. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году : Коллективная монография // под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М. : ИТД «Перспектива», 2019. 786 с.

24. Эргешбаев У.Ж., Ешенова С.Е., Муратова Ч.К. (2016). Современная внешняя трудовая миграция населения Кыргызстана // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. С. 39.

25. Osadchaya G.I., Vartanova M.L., Seleznev I.A., Kireev E.Y., Chernikova A.A. (2020). Assessing the Sustainable Growth Potential of the Eurasian Economic Union Member States' Economies, *Turismo estudos e Práticas*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Осадчая Галина Ивановна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); osadchaya111@gmail.com.

Варганова Марина Львовна – кандидат экономических наук, доцент; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); 11marina11@mail.ru.

DEMOGRAPHIC SECURITY AND TRENDS IN MIGRATION PROCESSES IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

G.I. Osadchaya^{7a}, M.L. Vartanova^{8a}

^aFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Institute for Demographic Research

ABSTRACT:

International migration is an important factor in the formation of an integrated space, as it affects the standard of living of the population, socio-economic and demographic potential of the member states of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU). This is what determines the importance of monitoring trends in migration processes. However, despite a growing body of research on population issues of the EAEU, the impact of migration on the demographic situation in the member states remains understudied and measures for sustainable demographic development, ensuring national security of each member state and the demographic security of the Union in general, are not proposed. The above allows us to draw a conclusion about the relevance and practical significance of the research topic.

The study is based on the works of Russian economists and experts in the field of labor migration in the EAEU, particularly its specific features, causes and trends. As a result of the analysis of the history and current migration stages in the EAEU countries, the authors propose to identify threats to the demographic potential of the Union, to assess the impact of migration processes on the demographic situation in the countries, and to justify the need to develop a concept of demographic security of the EAEU.

It is important to strengthen the supranational component of the regulatory activities aimed at the demographic development of each EAEU state, especially in the context of the COVID-19 pandemic. It would ensure national security of the member states and demographic security of the Union in general. To reach this goal, it is necessary to create a permanent platform on the basis of the Eurasian Commission on the problems of the demographic development of the Union, and to develop the concept of demographic security of the EAEU with the help of representatives of the central and regional government bodies, as well as leading demographers of the member states.

This study contributes to an adequate assessment of the potential of migration processes that characterize the level of socio-economic development of the EAEU member states and outline the impact of the ongoing changes on the future. The results of the study are based on the general characteristics, specific features, causes and monitoring of macroeconomic indicators that determine the current state of migration processes in the EAEU countries. It should be noted that it is necessary to develop measures and clarify mechanisms to ensure migration security of the Eurasian economic space.

KEYWORDS: unemployment, demographic security, Eurasian Economic Union, business, integration processes, migration processes, population, pandemic (COVID-19), socio-economic development, labor migration.

FOR CITATION: Osadchaya G.I., Vartanova M.L. (2021). Demographic security and trends in migration processes in the Eurasian Economic Union during the COVID-19 pandemic, *Management Issues*, no. 1, pp. 62–74.

REFERENCES

1. Vartanova M.L. (2019). A single market for services within the framework of the implementation of the agreement on the Eurasian Economic Union: opportunities and disadvantages, *Economic relations*, vol. 9, no. 1, pp. 49–66.

2. Glushkova V.G., Khoreva O.B. (2014). Demographic security of Russia and its regions: problems and solutions, *Bulletin of the Financial University*, no. 3, pp. 14–25.

3. Danilova I.A., Dmitriev R.V. (2017). Age struc-

⁷RSCI AuthorID: 118648, ORCID: 0000-0002-2597-9724, ScopusID: 35737719800, ResearcherID: G-2163-2017

⁸RSCI AuthorID: 680162, ORCID: 0000-0002-9853-5817

tures of the population in the EAEU countries. In: Proceedings of the VIII Ural Demographic Forum “Demographic potential of the EAEU countries” (vol. 2). Yekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 83.

4. Zenchenko S.V., Vartanova M.L. (2013). Analysis of trends in the flow of international labor migration in the context of world global processes, *Regional problems of economic transformation*, no. 1 (35), pp. 47–58.

5. Eurasian Economic Union in Figures: A Brief Statistical Book, Eurasian Economic Commission. Moscow, 2019, p. 23.

6. Eurasian Economic Union in Figures: A Brief Statistical Book, Eurasian Economic Commission. Moscow, 2020, pp. 24–28.

7. Iontsev V.A., Zimova N.S., Subbotin A.A. (2017). Features of the “brain drain” in Russia and adjacent states of the Eurasian space. In: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Forum “Migration bridges in Eurasia: models of effective migration management in the context of the development of the Eurasian integration project” (vol. I). P. 42.

8. Karmanov M.V., Kuchmaeva O.V., Petryakova O.L. (2015). Demographic security: theory, methodology, assessment, *Economics, Statistics and Informatics*, no. 4, pp. 123–128.

9. Kenzhebaev K.S. (2019). Migration processes in the Kyrgyz Republic: risks and threats, *Bulletin of the diplomatic academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after Kazy Dikambaev*, no. 12, pp. 150–154.

10. Kyrgyzstan. Labor migration in Kyrgyzstan. URL: <http://atlasmap.ru/index.php/spr/144798> (accessed 25.03.2017).

11. Kocherbaeva A. (2016). Features of the demographic development of Kyrgyzstan: problems, their social consequences and prospects for solutions, *Population*, no. 1-1, pp. 16–24.

12. Kuur O.V. (2020). Assessment of the effectiveness of the integration development of the EAEU member states: financial and economic aspect, *Fundamental research*, no. 5, pp. 105–111.

13. Mikaelyan G. External migration in Armenia: trends, directions, numbers. URL: http://www.noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID=6837 (accessed 20.03.2017).

14. Mustafaev N. Migration situation in Kazakhstan. URL: <http://www.zakon.kz/66494-migrac>

ionnaja-situacija-v-kazakhstane.html (accessed 25.03.2017).

15. Osadchaya G.I. (2019). Formation of the Eurasian Economic Union: ideas, reality, potential. Moscow, Publishing house “Econ-Inform”, 283 p. ISBN 978-5-907233-06-5.

16. Osadchaya G.I. (2018). Demographic aspects of integration processes in the Eurasian Economic Union. In: Sotis – social technologies, research. Moscow, pp. 31–36.

17. Osadchaya G.I., Kireev E.Yu. (2019). Migrants from EAEU Member States: Contribution to the Demographic Development of Moscow. In: National Demographic Priorities: New Approaches, Trends. Moscow, pp. 464–467.

18. Popov A.V., Kalachikova O.N. (2015). Integral indices in assessing the demographic security of territories, *National interests: priorities and security*, no. 46, pp. 56–66.

19. Osipov G.V., Osadchaya G.I., Andreev E.M., Yudina T.N., Vartanova M.L., Kireev E.Yu., Drobot E.V., Seleznev I.A., Vybornov D.M. (2018). Processes of Eurasian Integration: Socio-Political Dimension. Moscow, pp. 194–253.

20. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. (2019). Demographic potential: from the history of the concept, *Population*, no. 2, pp. 17–25.

21. Ryazantsev S.V., Ter-Akopov A.A., Pismennaya E.E., Khramova M.N. (2017). Scenarios for the development of the migration situation in the EAEU in the context of increasing economic integration, *Analytical Bulletin*, no. 19 (676), pp. 8–18.

22. Socio-demographic indicators. Eurasian Economic Union statistics. January – December 2019, Statistical Bulletin. Moscow, 2020. P. 9.

23. Osipov G.V., Ryazantsev S.V., Levashov V.K., Rostovskaya T.K. (eds.) (2019). Breakthrough strategy and digital reality in Russia. Socio-political situation and demographic situation in 2019. Moscow, PTH “Perspektiva”. 786 p.

24. Ergeshbaev U.Zh., Eshenova S.E., Muratova Ch.K. (2016). Modern external labor migration of the population of Kyrgyzstan, *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics*. P. 39.

25. Osadchaya G.I., Vartanova M.L., Seleznev I.A., Kireev E.Y., Chernikova A.A. (2020). Assessing the Sustainable Growth Potential of the Eurasian Economic Union Member States’ Economies, *Turismo estudos e Práticas*.

AUTHORS' INFORMATION:

Galina I. Osadchaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); osadchaya111@gmail.com.

Marina L. Vartanova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); 11marina11@mail.ru.

ПРЕДПОСЫЛКИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ЭКСТЕРНАЛИИ COVID-19: НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И БРАЗИЛИИ

В.А. Гневашева^{1а}, Б. де Конти^б

^аФедеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
Институт демографических исследований

^бУниверситет Кампинас

АННОТАЦИЯ:

В статье раскрываются предпосылки трансформации рынков труда России и Бразилии в условиях современных внешних воздействий. При этом подчеркивается, что подобное сопоставление двух рынков, априори разных в динамике современного развития, важно для оценки степени влияния отрицательной экстерналии, имеющей именно социальную направленность воздействия. Один рынок труда – рынок труда России – к рассматриваемому моменту определяется как достигший точки насыщения, в то время как другой – рынок труда Бразилии – характеризуется в волне длительного стремительного роста отдельных, но в то же время ключевых в контексте механизма рынка труда показателей.

Научная задача исследования состоит в детерминации понятия отрицательной экстерналии – COVID-19 для описания условий трансформации двух различных по социально-экономическим предпосылкам и потенциалам развития рынков труда.

Методологической базой исследования выступают теоретические работы как современных, так и классических авторов, раскрывающие вопросы возникновения и влияния отрицательных экстерналий на развитие социально-экономических процессов в целом и рынок труда в частности.

Информационной базой исследования являются российские и международные базы официальной статистики по оценкам как общих тенденций рынков труда, так и последних влияний пандемии на их реструктуризацию.

В результате выявляются тенденции изменений характеристик рынков труда двух стран в соответствии с основными показателями определения рыночного механизма, описываются сложившиеся тенденции и делается вывод об их сходстве и отличиях в межстрановом сопоставлении с обоснованием возможных факторов воздействия на подобную ситуацию и прогностических следствий. Выявленные тенденции развития двух рынков определяются с позиции устойчивости в современных условиях воздействия отрицательной экстерналии – пандемии COVID-19. Приводятся обоснования применимых и возможных к применению мер управленческого воздействия в соответствии с официальными документами об управлении рынками труда двух стран, резюмируется прогностическая направленность отдельных управленческих инструментов влияния на рассматриваемые рынки труда.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60479.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рынок труда, Россия, Бразилия, COVID-19, отрицательная экстерналия, провалы рынка труда.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гневашева В.А., де Конти Б. (2021). Предпосылки управленческого воздействия на территориальные рынки труда в условиях отрицательной экстерналии COVID-19: на примере России и Бразилии // Вопросы управления. № 1. С. 75–87.

¹AuthorID РИНЦ: 298524, ORCID: 0000-0002-3596-661X, ScopusID: 57197809094, ResearcherID: E-3157-2014

Пандемия COVID-19 в отношении механизма формирования мирового рынка труда может быть определена как отрицательная экстерналия, а результат ее воздействия – как провал рынка в целом и рынка труда в частности. COVID-19 в отношении рынка труда следует оценивать в функциональной взаимосвязи социально-экономических факторов. Следствиями данной специфической формы провала рынка выступают: рост трансакционных издержек найма и занятости, формирование и усиление специфической формы структурной безработицы, рост и трансформация скрытой занятости, рост потерь мертвого груза, усиление структурной инфляции трудовых доходов, что в свою очередь дисбалансирует рынок труда и усугубляет межсекторальные диспропорции занятости и качества рабочей силы.

В этой связи определяются ключевые аспекты исследования, а именно методологическое обоснование предпосылок управленческого воздействия на рынки труда России и Бразилии в условиях существующего провала рынка труда, вызванного отрицательной экстерналией COVID-19, через механизм трансформации трудовых отношений и их взаимосвязи с экономическим развитием государств.

Важным концептным модулем исследования выступает следующее утверждение: пандемия COVID-19 определяется как отрицательная экстерналия, приводящая к формированию «провала» рынка, требующего государственного участия с целью ограничения отрицательного внешнего эффекта путем принятия компенсационных мер по снижению формирующихся потерь мертвого груза для общества, роста эффективности рынка труда и формирования социально-экономически устойчивых условий его функционирования.

Объектом исследования выступают рынки труда Бразилии и России. Предмет исследования – выявление формирующихся тенденций трансформации рынков труда двух стран, учитывая их социально-экономическое различие, а также различие этапов развития, в том числе и под воздействием отрицательной экстерналии – COVID-19.

Оценки рассматриваемых рынков позволяют утверждать формирование следующих предварительных условий.

С 2001 по 2015 год в Бразилии произошло резкое сокращение неравенства доходов. Отмечался стремительный рост рынков сырья и ресурсов, произошедшие некоторые институциональные изменения в начале 2000 гг. дали толчок стремительному развитию бразильского рынка труда, увеличив количество официальных рабочих мест, занятость и уровень трудового дохода, особенно для самых бедных слоев трудовых ресурсов. Значительное увеличение уровня профессионального образования и реальной минимальной заработной платы помогло сократить дискриминационные эффекты, в частности этнический, гендерный и региональный разрыв в доходах, хотя данные явления все еще сохраняются. Однако с 2014 года крупный финансовый кризис негативно повлиял на ВВП страны, а следовательно и на рынок труда, поставив под угрозу достигнутые ранее уровни развития социально-трудового пространства.

Многие исследования в отношении рынка труда Бразилии отмечают, что рост уровня трудовых доходов в последние 15 лет устойчиво коррелировал с продолжительностью обучения, то есть с увеличением уровня профессиональной подготовки работников, а значит и с ростом производительности.

Рынок труда России, являясь крупнейшей экономикой в евразийском регионе, несомненно, значимо влияет на экономические показатели и благосостояние в нескольких странах бывшего Советского Союза. За период 2000–2017 гг. российский рынок труда пережил несколько глубоких кризисов и претерпел существенные структурные изменения. Основные сложности состояли в социально-экономических корректировках заработных плат, в то время как совокупная занятость и уровень безработицы слабо коррелировали с ценовыми показателями оценки труда. Трудовые ресурсы столкнулись с ситуацией с одной стороны стабильной занятости, с другой – неустойчивой тенденции формирования заработных плат и высоким риском занижения уровня заработных плат в соответствии с уровнем рабочего времени.

К моменту 2017 года на российском рынке труда сохранялся высокий уровень занятости и низкий уровень безработицы, несмот-

ря на несколько серьезных макроэкономических кризисов за период 2000–2017 гг. Укоренившиеся институциональные особенности распределения занятости замедляют совокупное ее изменение и провоцируют изменение заработной платы в сторону ее сравнительного снижения. За устойчивой производительностью труда скрываются вместе с тем некоторые значимые проблемы, такие как низкая и нестабильная заработная плата, высокое, хотя и уменьшающееся неравенство в доходах, растущая деструктуризация рынка труда. Установленная институциональная модель способствовала поглощению потрясений, но не способствовала экономическому росту и экономической модернизации.

Таким образом, последние пятнадцать лет позволяют говорить о насыщении одного рынка труда – России – и наоборот о стремительном развитии и максимальном наращивании трудового потенциала на другом рынке – Бразилии.

Теоретические предпосылки исследования

Территориальное экономическое развитие зачастую сталкивается с проблемой провалов рынка, вызванной различными экстерналиями, равно как и формирующимися как следствие развития одного из секторов тенденциями для другого.

В отношении изучения и оценки провалов рынка, важно отметить базовые экономические исследования, которые проводили А. Пигу [1], С. Кузнец [2], Л. Вальрас [3], М. Фридман [4].

Определенное влияние на обоснование необходимости активного государственного воздействия на рыночный механизм оказали взгляды социалистов-утопистов (К. Сен-Симон, Р. Оуэн) и К. Маркса, представивших острую критику социальных противоречий капиталистического способа производства и таких его проблем, как цикличность развития, кризисы, безработица и т. д.

Проблемы несовершенства и неэффективности рыночного механизма в экономике переходного периода нашли отражение в трудах Р. Дорнбуша [5], Дж. Стиглица [6], Я. Корнаи [7].

Современные исследователи также обращаются к вопросам планирования в современ-

ных рыночных условиях (Базгулин А.В., Колганов А.И. [8]), к определению вероятности возникновения провалов рынка в условиях современного развития (Бондаренко И.А. [9], Асланова О.А. [10]), определению специфических понятий в отношении современных социально-экономических условий, как, например, понятия «системного риска» (Алешина А.В., Булгаков А.А. [11]).

Идеи структурной концепции трансформации рынков были определены У. Баумодем и далее Д. Мейнардом, В. Рикегемом. Идея структурных трансформаций в отношении рынка труда определялась разностью изменений темпов производительности труда в секторах экономики в отношении примерно схожих изменений в отношении заработной платы.

Идею разности заработных плат в связи с производством и распределением разных категорий товаров и услуг, на цену которых влияет внешняя торговля, то есть стоимость которых определяется в результате внешнего обмена, подчеркивают представители скандинавского подхода: О. Аукруст, Е. Едгрэн, К. Факсе, К. Однер и др.

Современные исследования в этой части определяют значимые структурные факторы, побуждающие к дифференциации на рынке труда. Так, в исследовании А. Ю. Ощепкова отмечается, что структурный фактор, определяемый как различия в региональной структуре занятости объясняет лишь треть всех существующих диспропорций [12].

Ряд исследований направлен на обоснование трансформации качества рабочей силы через изменение системы спроса на профессиональное образование при формировании рабочей силы [13].

В исследовательских работах А. В. Топилина приводится системный анализ тенденции формирования трудового потенциала России, позволяющий определить предпосылки трансформации рынка труда в преддверии воздействия внешних негативных факторов [14].

Общие социально-экономические предпосылки, вызванные пандемией

Пандемия COVID-19 имеет далеко идущие последствия. Сообщение Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в декабре 2019 года о возникновении новой внешней угрозы,

повлиявшей на жизнь людей во всех сферах, во всем мире, не было воспринято изначально настолько серьезно, как это стало позднее.

Риски возникшей отрицательной экстерналии для общества и экономики отдельных стран и мира в целом, отдельных рынков и глобального мирового рынка привели к экономическому кризису гораздо более тяжелому, нежели мировой кризис 2008–2009 гг. Прогнозные значения сокращения мировой экономики на 3 % в 2020 году исполнились едва ли [15]. Пандемия напрямую повлияла на международную торговлю и глобальные цепочки поставок (GSC), которые связывают производства в разных государствах, образуя единые производственно-торговые цепочки. Сбои в производстве, связанные с COVID-19, первоначально возникшие на одной территории, за счет быстрого волнового эффекта распространялись по всей цепочке промышленно-торговой сети, оказывали глобальное внутри- и межотраслевое воздействие [16].

Вводимые глобальные ограничения, которые изначально были ограничениями лишь со стороны предложения, достаточно быстро превратились в проблему и со стороны спроса. Как следствие, все уровни отраслевых цепочек поставок ресурсов и комплектующих, а также дистрибутивных и торговых цепочек были втянуты в экономические и социальные последствия COVID-19 [17; 18].

Риски, связанные с COVID-19, для работников включают потерю занятости и доходов, а с усилением рисков для здоровья – и снижение производительности труда. Подобные тенденции еще более очевидны для производственно-торговых цепочек товаров первой необходимости, сектора услуг, секторов с активным привлечением мигрантов.

Структурно под угрозой оказались малые и средние предприятия, а в территориях с развитым неформальным сектором, то есть в развивающихся странах – и неформальные.

Снижение совокупного спроса на товары и услуги одновременно означало для предприятий рост производственных затрат, ограничение доступа к финансам, снижение производительности труда, рост транспортных расходов.

В этой связи сектора малого предпринимательства пострадали в большей степени, так

как доля затрат в них, в том числе затрат на труд, существенно выше.

Последние оценки Международной организации труда (МОТ) показывают, что 94 % мировой рабочей силы проживает в странах с рекомендуемым или обязательным закрытием рабочих мест и что 165 миллионов рабочих мест с полной занятостью (при 40-часовой неделе) были ликвидированы в первом квартале 2020 года [19].

Кризис привел как к прямому, так и косвенному снижению доходов работников, в том числе за счет остановки производств, а убытки от ограничений продаж – на торговые отношения по целому ряду важных товаров и услуг.

Так, примерами отраслей, которые сильно зависят от торгово-производственных цепочек и серьезно пострадали от вводимых ограничений деятельности, являются легкая и пищевая промышленность. Данные отрасли столкнулись с «шоком спроса», перебоями в поставках промежуточных товаров и расторжением контрактов [20].

Во времена COVID-19 на первый план выходят проблемы социальной защиты, в том числе в сфере трудовой деятельности, с целью и ожиданиями максимального сохранения занятости и дохода.

Учитывая, что на сегодняшний день во всем мире более 3 миллионов случаев заражения и около 250 000 смертей от вируса, а также то, что ожидаемые потери для рынка труда – это 305 миллионов рабочих мест во всем мире к середине года, риски как для экономики, так и для социума как никогда высоки.

Правительства продолжают искать наилучшие управленческие решения, все более ограничивая собственные рынки и замыкая их в собственных территориальных пространствах, в то время как возможности гораздо более широкого международного сотрудничества в создании необходимого глобального ответа на глобальный вызов могут быть более действенными.

Но поскольку «войну» с COVID-19 еще предстоит выиграть, важно понимать, что после ожидаемой победы нас ждет «новая норма» организации экономики и общества и, в том числе, рынка труда и трудовых отношений.

Однако сегодня достаточно сложно прогнозировать, какой будет эта новая норма, которая во многом определяется и формируется под действием все усиливающихся ограничений и отнюдь не является результатом свободного выбора и социально-экономических предпочтений.

Следствия преодоления кризиса 2008–2009 годов были определены, казалось бы, найденной «вакциной» против «вируса финансового избытка» глобальной экономики, но она, по всей видимости, была более безопасной, чем новая от пандемии COVID-19. И все же кризис 2008–2009 гг. привел к усилению дифференциации регионов как в целом, так и в рамках сегментных отношений рынков труда, усилив отставание низкоквалифицированной рабочей силы в общих трудовых потоках.

Пандемия «обнажила» крайнюю нестабильность и несправедливость современного мирового рынка труда. Именно сокращение средств к существованию в неформальной экономике, где зарабатывают на жизнь шесть из десяти рабочих, стало причиной предупреждения для Мировой продовольственной программы о надвигающейся пандемии голода.

Именно неспособность гарантировать безопасность на рабочем месте ежегодно обрекает почти 3 миллиона человек на смерть из-за выполняемой ими работы. И это неконтролируемая динамика растущего неравенства, что означает, что если с медицинской точки зрения вирус не проводит различий между своими жертвами по своему социальному и экономическому воздействию, он жестоко дискриминирует самых бедных и бесправных.

Карантинные меры приняты как в тоталитарном Китае, так и в демократической Европе. Повсеместно фиксируются огромные потери экономик. Отдельные эксперименты в Швеции, Беларуси и особенно Бразилии, которые пытались игнорировать проблему, продемонстрировали общественную опасность подобных решений.

Особенности развития ситуации в отношении Российского рынка труда

У России есть ряд преимуществ, которые позволяют ей переживать эпидемию с меньшими потерями:

- бедность и отсутствие массового внешнего туризма;
- низкая плотность населения и низкая частота сообщений между регионами;
- достаточно ответственное население, готовое выполнять инструкции;
- противоэпидемические традиции, заложенные еще в истории.

С введением карантинных мер резко сократились доходы домохозяйств. В последние годы работающие в большей доле живут в кредит. Заработная плата не поспевает за ростом цен, и людям приходится обращаться в банки, чтобы поддерживать и без того низкий уровень потребления.

К январю 2020 года долги населения достигли крайне низкого уровня в 17 триллионов российских рублей (около 215 млрд. евро) [21].

Подавляющее большинство живет «от зарплаты до зарплаты», не имея никаких сбережений. Согласно официальной статистике, не более чем у трети домохозяйств есть сбережения.

Первый заместитель Министра труда и социальной защиты Российской Федерации, принимая участие во втором заседании рабочей группы по занятости стран G20 в период японского председательства на форуме (22–24 апреля 2019 г., Токио), был активно вовлечен в обсуждение вопросов политического ответа на вызовы в новых формах занятости, как, например, удаленная работа, работа на организационных платформах; анализа и сокращения гендерного разрыва в отношении временных трудовых затрат; глобальных торговых цепочек. Выступив с докладом о политическом ответе на вызовы удаленной работы сотрудников, А. Вовченко отметил, что подавляющая часть занятости в России сегодня – это бессрочные договорные отношения (на момент 2018 г. так работает 90,1 % занятых мужчин и 94,3 % женщин) [21].

Особенности развития ситуации в отношении Бразильского рынка труда

Включение Бразилии в глобальные производственно-сбытовые цепочки обусловлено как рядом потенциально значимых отраслей (как то: продукты питания и технологии, активное развитие которых предопределено разнообразием и агробизнесом территории), так и секторы, находящиеся в процессе быст-

рого роста, такие как сектор узкоспециализированных услуг, а также сектора, обеспечивающиеся нематериальными ресурсами.

В отношении мирового сектора услуг отмечается, что рост данного сектора в мире преимущественно обусловлен именно частью узкоспециализированных услуг, который уже соответствует 54 %, и ожидается, что к 2025 году он достигнет 75 % мировой торговли, что обусловлено нематериальными компонентами конечной стоимости продуктов, частично за счет сближения между секторами, трансформации услуг. Горизонт, который необходимо при этом учитывать, – это новая географическая ось производства и инноваций, формирующаяся за счет стран, которым удается перейти от конкурентоспособности, основанной на низких затратах, на рабочую силу, сырье и производственные затраты, на знания, квалифицированную рабочую силу и технологические достижения [22].

Рост производительности – ключевой фактор в подобных рыночных трансформациях, обусловленный ростом конкурентоспособности и за счет этого прибыльности организаций.

Работники в подобных условиях также получают выгоды через участие в прибыли организации и росте дохода при перераспределении большей прибыли, что в свою очередь формирует стимулы для обучения новым знаниям или развития карьеры.

Продвижение инноваций приводит к дальнейшему развитию новых и динамичных секторов, таких как «инновационная индустрия».

Тем не менее, важно также учитывать и еще действенные негативные воздействия: существенная доля штатной занятости, обремененной высокими временными затратами в отношении перемещения на рабочее место, что отражается на уровне производительности работников.

Так, например, в городе Сан-Паулу примерно 1 миллион работающих ежедневно переезжают из других городов, где они живут, а использование при этом общественного транспорта может существенно снижать мобильность работников и увеличивать их временные затраты.

Рост производительности труда и технологическое развитие в современном мире неумолимо связано с настоящей ориентацией на политику устойчивого развития.

Эта политика, в дополнение к необходимости обеспечения решений экологических проблем, может оказывать положительное влияние на рынок труда, обусловленное ростом инвестиций в инфраструктуру, переход на возобновляемые энергетические ресурсы, как, например, солнечную и ветровую энергию, что, как отмечается в ряде исследований, имеет большой потенциал для создания дополнительных рабочих мест.

Так, в 2016 году на индустрию возобновляемых источников энергии приходилось 68,8 % рабочих мест в общем производстве электроэнергии, однако этим сектором обеспечивалось лишь 15,4 % всех электроэнергетических ресурсов страны.

Новые возможности развития, в том числе и устойчивого, открывает и демографический переход: в 2020 году люди в возрасте старше 60 лет будут составлять 15 % населения Бразилии, с продолжением этой тенденции роста числа пожилых людей в общей численности населения страны. Подобные явления, могут отчасти мотивировать ценить возможности, предлагаемые увеличением продолжительности жизни населения, как то: использование профессионального опыта пожилых работников, создание и улучшение инфраструктуры, в частности возможностей городской мобильности, рост обеспеченности и качества услуг здравоохранения, культуры и спорта [22].

Также значимыми управленческими решениями в отношении рынка труда являются задачи снижения дифференциации доходов, в том числе через прогрессивную шкалу налогообложения, предоставление системы субсидий и трансфертов.

В сфере государственной политики занятости рассматриваются инструменты активной формы, направленные на скорейшее включение индивидов в трудовую деятельность, в том числе и через инструменты субсидий занятости в отношении предприятий и организаций.

Кроме того, такие методы управленческих решений в отношении рынка труда, как инклюзивное участие в трудовой деятельности,

снижение неравенства, являются частью политики по продвижению концепции достойного труда и гарантированного трудового дохода.

Общественные соглашения по вопросам труда и занятости, основанные на ценностях и ожиданиях общества являются значимыми в условиях современных социальных и экономических преобразований.

Оценка основных показателей развития национальных рынков труда России и Бразилии

Статистические оценки основных показателей развития рынков труда двух стран позволяют сделать выводы о сформировавшихся тенденциях занятости до возникновения провала рынка труда под действием отрицательной экстерналии COVID-19.

Общие оценки численности населения свидетельствуют о разных тенденциях воспроизводства населения в рассматриваемых странах, в то время как для Бразилии существует постоянный рост численности населения, для России после условной точки пересечения с графиком численности населения Бразилии в 1990 году наметилась затухающая тенденция воспроизводства населения с постоянным увеличением дельты приращения населения Бразилии (рис. 1). Подобная ситуация может свидетельствовать и о наращивании Бразилией человеческих ресурсов, в том числе и в качестве рабочей силы, то есть рынок труда Бразилии имеет устойчивую возможность пополнения трудовыми ресурсами в растущих количественных показателях.

Оценивая показатели рынка труда, важно отметить долю экономически активного насе-

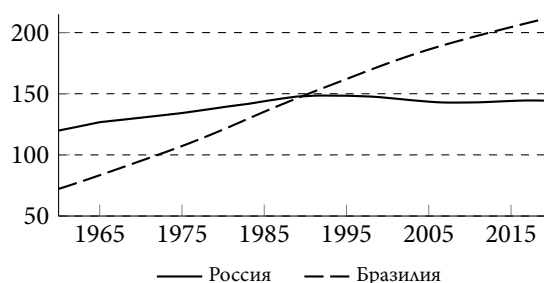

Рисунок 1 – Распределение численности населения в России и Бразилии (1960-2019 гг., млн человек)²

Figure 1 – Population, total – Russian Federation, Brazil (millions)

²Источник: World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POPTOTL?locations=RU-BR>

³Источник: World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.ACTI.ZS?locations=RU-BR>

ления на рынке труда России и Бразилии (рис. 2). Тенденции распределения доли экономически активного населения крайне динамичны как для России, так и для Бразилии, однако колебания представлены в разных плоскостях, если для Бразилии динамика колебаний преимущественно обусловлена общим трендом роста, то для России – колебания сосредоточены в части отрицательной динамики. Для обеих стран при этом можно отметить период выравнивания рынка труда 1994–2011 гг. и схожесть изменения доли экономически активного населения с умеренными колебаниями в рамках устойчивой понижающей тенденции с определенной численной дельтой с 2011–2020 гг.

Интересно отметить, что доля женщин в экономически активном населении России на протяжении исследуемого периода составляет большую величину, чем в Бразилии, с устойчивой тенденцией сохранения численности, в то время как для Бразилии отмечается положительная тенденция роста доли женщин в экономически активном населении страны, но все же процентно это величина меньшая, чем в России (рис. 3).

Распределение безработицы в России и Бразилии отличается разностью тенденций. Период до 2001 г. отличался превалярованием уровня безработицы в России по сравнению с Бразилией, однако далее тенденция роста безработицы в Бразилии существенно усиливается и достигает максимума в 2018 г., в то время как для России наоборот с 2001 г. формируется

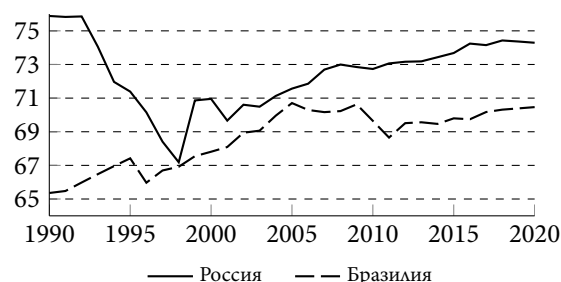

Рисунок 2 – Распределение доли экономически активного населения в России и Бразилии (1990–2020 гг., в %)³

Figure 2 – Labor force participation rate, total (% of total population ages 15-64) (modeled ILO estimate) – Russian Federation, Brazil

Рисунок 3 – Распределение доли женщин в экономически активном населении России и Бразилии (1990–2020 гг., в %) ⁴

Figure 3 – Labor force participation rate, female (% of female population ages 15+) (national estimate) – Russian Federation, Brazil

Рисунок 4 – Распределение уровня безработицы в России и Бразилии (1990–2020 гг., в %) ⁵

Figure 4 – Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) – Russian Federation, Brazil

устойчивая тенденция снижения безработицы вплоть до 2020 г. с небольшим волновым всплеском как реакции на кризис 2008 г. (рис. 4).

Оценивая общие статистические показатели рынка труда России и Бразилии можно сделать один значимый вывод, состоящий в том, что в России отчетливо прослеживается завершенность формирования рынка труда: устойчивое снижение и малые доли безработицы, сбалансированность гендерного распределения рабочей силы, стабилизация долевого значения экономически активного населения, общей тенденции насыщения рынка труда рабочей силой и наметившаяся тенденция сокращения рабочей силы вследствие снижения пополняемости трудовых ресурсов из-за изменения общих численных показателей населения.

Для Бразилии характерен динамично развивающийся рынок труда, с постоянно возрастающим пополнением как численных,

так и долевого значений общей численности населения и экономически активной его части, гендерным дисбалансом, стабильной динамикой роста безработицы.

Определяя типологически характер покрытия рынков труда двух стран, можно заключить, что для российского рынка труда определяющей является интенсивная занятость, в то время как для Бразилии – экстенсивная.

Перспективы восстановления рынка труда

Экономическая комиссия в Латинской Америке и странах Карибского бассейна (ЭКЛАК) и Международная организация труда (МОТ) представили совместный доклад, в котором рассматривается динамика рынка труда в 2020 году и особенно влияние пандемии на рынок труда в этом регионе в целом и на молодёжный сегмент в частности [23].

Согласно экспертным оценкам, кризис, вызванный пандемией COVID-19, принесет существенные изменения в функционирование рынка труда. Сокращение валового внутреннего продукта региона будет иметь глубокие последствия для рынка труда и социальной политики стран. Меры сдерживания распространения коронавирусной инфекции, заключающиеся преимущественно в приостановке деятельности групп хозяйствующих субъектов вплоть до целых секторов экономики, в ограничении мобильности населения и в том числе рабочей силы, достигли рынков труда Латинской Америки и стран Карибского бассейна, что спровоцировало дальнейшее усиление и прежде существовавших диспропорций на рынке труда, в том числе и в части дифференциации доходов.

Анализ динамики рынка труда в последние месяцы 2020 года указывает на то, что группами риска в условиях кризиса стали в первую очередь женщины, молодежь и мигранты. Особенно важно здесь подчеркнуть молодёжную группу, так как она представляет интерес не только в плане текущего обеспечения молодых людей защитой их прав и свобод, но и в плане определения молодёжи как условия дальнейшего развития рынка труда, формирования рабочей силы, восполнения трудо-

⁴World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.CACT.FE.NE.ZS?locations=RU-BR>

⁵World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=RU-BR>

вых ресурсов в будущем, обеспечения экономики качественной рабочей силой и приращення человеческого капитала государств.

Эксперты заявляют, что восстановление рынка труда Латинской Америки и стран Карибского бассейна после пандемии COVID-19 будет медленным и потребует существенных временных затрат. Основные показатели рынка труда вернутся к докризисному уровню и позволят снова говорить о возможности реализации целей, установленных в рамках Программы устойчивого развития еще далеко не скоро.

Возврат к уровню экономической активности до пандемии займет несколько лет: ожидается, что восстановление 3 % роста ВВП возможно лишь к 2023 году.

Эксперты ООН подчеркивают, что политика макроэкономической активности вместе с политикой секторального восстановления должны быть направлены на сохранение устойчивой занятости, поддержание экономики через систему налогообложения, привлечение инвестиционных проектов, уделение особого внимания экологической устойчивости, совместно с расширением промышленной и технологической активности с целью усиления производственных возможностей страны и повышения ее конкурентоспособности.

Группа пострадавших более других на рынке труда определяется в оценках по характеру трудовой деятельности; преимущественно это те, кто не может выполнять свою работу дистанционно. В этой группе находятся женщины, которым из-за ухудшения ситуации на рынке труда пришлось отказаться от возможности поиска работы и найма; работники неформального сектора, пострадавших от торговых запретов и ограничений и из-за снижения способности домохозяйств нанять работников; отрасли, связанные с торговлей, строительством, сектор услуг, в частности туризм и индустрия развлечений; молодые работники, которые в виду отсутствия рабочих мест не смогли стать занятыми; работники более низкого уровня квалификации в силу того, что их деятельность, как правило, сопряжена с необходимостью физического присутствия на рабочем месте.

Согласно оценкам, наибольшее влияние кризиса ощущалось во второй четверти 2020 года. По некоторым оценкам, потери рынка труда в этот период составили около 47 миллионов рабочих мест в регионе Латинской Америки и странах Карибского бассейна по сравнению с предыдущим годом. Большая часть из тех, кто потерял работу, не имели возможности реинтеграции в рынок труда. Поэтому рост безработицы с 8,9 % во втором квартале 2019 года достиг 11 % во втором квартале 2020 года.

Все эти тенденции усилили неравенство на рынке труда. Существенно снизилась трудовая активность женщин. Пандемия COVID-19 существенно повлияла на занятость молодежи в возрасте от 15 до 24 лет, то есть тех, кто впервые должен был выйти на рынок труда.

Падение занятости в данной возрастной группе составило 7,8 процентных пункта относительно второго квартала 2019 г., а для 25-летних и старше – 7,3 процентных пункта. Аналогичным образом, рост уровня безработицы для молодежи во втором квартале 2020 года был выше, чем для других возрастов (3,4 против 1,8 процентных пункта).

Большие сложности как результат пандемии для молодежи в отношении рынка труда обусловлены как отсутствием вакансий для первичной занятости, так и расторжением краткосрочных и временных договоров с представителями данной возрастной группы, что все больше побуждает молодежь к выходу из состава экономически активного населения и пополнению группы тех, кто не работает и не обучается, что естественно может привести к очень серьезным последствиям как для рынка труда, так и для развития экономики государств в целом.

В этой связи особенно важно рассмотреть программы удержания молодежи в составе экономически активного населения, путем применения программ государственного соучастия с использованием инструментов переподготовки и повышения квалификации, предоставления субсидий занятости и грантов, иных программ, способствующих привлечению молодежи к активному участию на рынке труда.

Заключение

Кризис, вызванный пандемией Covid-19, несомненно, оказал влияние на все сферы хозяйственной жизнедеятельности обществ. Страны, обладая разной предварительной устойчивостью рынков труда, оказались по-разному вовлеченными в круговорот проблем воспроизводства и распределения занятости. Вместе с тем важно подчеркнуть, что те дис-

пропорции, которые были присущи национальным рынкам труда приобрели характер существенного усугубления в период разворачивающегося кризиса, что крайне необходимо учесть для трансформации политики управления занятостью в сторону сокращения изъянов (провалов) рынка труда через механизм государственного соучастия и активного государственного регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пигу А. (1985). Экономическая теория благосостояния. М. : Прогресс. 512 с.
2. Кузнец С. (1966). Современный экономический рост: норма, структура и протяженность. М. : Экономика. 297 с.
3. Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии. М. : Изограф. 448 с.
4. Фридмен М. (1996). Количественная теория денег. М. : Эльф-пресс. 131 с.
5. Dornbusch R. (1993). *Stabilization, Debt, and Reform: Policy Analysis for Developing Countries*. Prentice Hall: London. 470 p.
6. Стиглиц Дж. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99 % населения? М. : Эксмо. 480 с.
7. Корнаи Я. (2012). Размышления о капитализме / пер. с венг. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. М. : Издательство Института Гайдара. 352 с.
8. Базгулин А.В., Колганов А.И. (2015). Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. М. : ЛЕНАНД. 640 с.
9. Кузнецова В.П., Бондаренко И.А. (2018). Блокчейн как инструмент цифровой экономики в образовании // *Journal of Economic Regulation*. Т. 9. № 1. С. 102–109.
10. Бондаренко И.А., Асланова О.А. (2019). О гибкости рынка труда и безработице в экономике России // *Вестник Екатеринбургского института*. № 1 (45). С. 12–18.
11. Булгаков А.Л., Виноградова О.С. (2018). Оптимизация структуры капитала как способ антикризисного управления в сельском хозяйстве // *АПК: экономика, управление*. № 2. С. 26–37.
12. Ощепков А.Ю. (2020). Межрегиональные различия в оплате труда в России: роль долгосрочных структурных факторов // *Вопросы экономики*. № 11. С. 86–112.
13. Kunwon Ahn, Jun Yeong Lee, John V. (2020). *Winters Employment Opportunities and High School Completion during the Covid-19 Recession*, *IZA Discussion Paper*, no. 13802. URL: <https://covid-19.iza.org/publications/dp13802> (accessed 15.11.2020).
14. Топилин А.В. (2019). Трудовой потенциал России: демографические и социально-экономические проблемы формирования и использования // *Вестник Российской академии наук*. Т. 89. № 7. С. 737–744.
15. WHO. Rolling updates on coronavirus disease (COVID 19). URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200907-weekly-epi-update-4.pdf?sfvrsn=f5f607ee_2 (дата обращения: 12.11.2020).
16. Total COVID 19 cases // *Financial Time*. URL: <https://www.ft.com/content/a2901ce8-5eb7-4633-b89c-cbdf5b386938> (дата обращения: 22.05.2020).
17. International Monetary Fund, *World Economic Outlook: The Great Lockdown*, April 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (дата обращения: 15.11.2020).
18. Baldwin R., Weder di Mauro B. (2020). *Economics in the Time of COVID-19*. CEPR Press VoxEU.org eBook. 125 p.
19. ILO Monitor: COVID 19 and the World of Work, fourth edition, 27 May 2020. URL: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_745963/lang--en/index.htm (дата обращения: 15.11.2020).
20. Kumar R., Mishra R.S. (2020). COVID-19 Global Pandemic: Impact on Management of Supply Chain, *International Journal of Emerging Technology and Advanced Engineering*, vol. 10, no. 4, pp. 132–139.
21. Russian capitalism and coronavirus // *Con-*

federation of Labour of Russia. URL: <http://www.ktr.su/en/content/news/detail.php?ID=6893> (дата обращения: 15.11.2020).

22. Employment working group of the G20 countries during the Japanese chairmanship of the forum.

URL: <https://mintrud.gov.ru/eng/news/117> (дата обращения: 14.11.2020).

23. *Coyuntura Laboral en América Latina y el Caribe: La dinámica laboral en una crisis de características inéditas: desafíos de política*, OIT, 2020, no. 23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Гневашева Вера Анатольевна – доктор экономических наук, доцент; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); vera_cos@rambler.ru.

Бруно де Конти – Университет Кампинас (13083-970, Бразилия, Кампинас, Сан-Паулу, Университетский городок «Зеферину Ваз»).

PRECONDITIONS FOR MANAGEMENT IMPACT ON LABOR MARKETS IN CASE OF COVID-19 NEGATIVE EXTERNALITY: BY THE EXAMPLE OF RUSSIA AND BRAZIL

V.A. Gnevasheva^{6a}, B. de Conti^b

^aFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Institute for Demographic Research

^bUniversity of Campinas

ABSTRACT:

The paper reveals the preconditions for labor markets transformation in Russia and Brazil in the context of modern external influence. It is emphasized that such a comparison of two markets, a priori different in the dynamics of development, is important for assessing the degree of influence of negative externalities, which are focused on the social sphere. One of the analyzed labor markets – the Russian labor market – has reached the point of its saturation, while the other labor market – the Brazilian labor market – is characterized by the long-term and rapid growth of certain parameters that play a crucial role in the context of labor market mechanisms.

The scientific goal of the study is to determine the notion of negative externality of COVID-19 in order to describe the conditions for transformation of two labor markets different in socio-economic preconditions and development potentials.

The methodological basis of this research is the theoretical works of both modern and classical authors, revealing the issues of the emergence and impact of negative externalities on the development of socio-economic processes in general and the labor market in particular.

The material for the study is the Russian and international databases of official statistics presenting both general trends in labor markets and the latest modifications caused by the COVID-19 pandemic.

As a result, the study reveals current tendencies in the transformation of the labor markets characteristics typical of the two countries according to the main indicators of the market mechanisms; it also describes and compares these tendencies emphasizing the main similarities and differences between the markets; it singles out several factors that can influence the situation and provides predictive evaluation of the outcomes. The revealed tendencies in the development of the analyzed markets are determined from the standpoint of their sustainability under the conditions of negative externalities of the COVID-19 pandemic. Measures that are taken and could be taken in terms of managerial influence are described with regard to the official documents of these countries in the sphere of labor market management. The prognostic focus of certain managerial tools influencing the labor markets is summarized.

⁶RSCI AuthorID: 298524, ORCID: 0000-0002-3596-661X, ScopusID: 57197809094, ResearcherID: E-3157-2014

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-04-60479.

KEYWORDS: labor market, Russia, Brazil, COVID-19, negative externality, labor market failures.

FOR CITATION: Gnevasheva V.A., de Conti B. (2021). Preconditions for management impact on labor markets in case of COVID-19 negative externality: by the example of Russia and Brazil, *Management Issues*, no. 1, pp. 75–87.

REFERENCES

- Pigou A. (1985). *Economic theory of welfare*. Moscow, Progress, 512 p.
- Kuznets S. (1966). *Modern economic growth: norm, structure and extent*. Moscow, Economy, 297 p.
- Walras L. (2000). *Elements of pure political economy*. Moscow, Isograf, 448 p.
- Friedman M. (1996). *Quantitative theory of money*. Moscow, Elf-press, 131 p.
- Dornbusch R. (1993). *Stabilization, Debt, and Reform: Policy Analysis for Developing Countries*. Prentice Hall: London. 470 p.
- Stiglitz J. (2016). *Great division. Inequality in society, or what should the remaining 99 % of the population do?* Moscow, Eksmo, 480 p.
- Kornai J. (2012). *Reflections on capitalism* (trans. from hung. by O. Yakimenko; sc. ed. D. Raskov). Moscow, Publishing house of the Gaidar Institute, 352 p.
- Bazgulin A.V., Kolganov A.I. (2015). *Methodology: Beyond Positivism, Postmodernism and Economic Imperialism*. Moscow, LENAND, 640 p.
- Kuznetsova V.P., Bondarenko I.A. (2018). Blockchain as a tool of the digital economy in education, *Journal of Economic Regulation*, vol. 9, no. 1, pp. 102–109.
- Bondarenko I.A., Aslanova O.A. (2019). On the flexibility of the labor market and unemployment in the Russian economy, *Bulletin of the Catherine Institute*, no. 1 (45), pp. 12–18.
- Bulgakov A.L., Vinogradova O.S. (2018). Optimization of the capital structure as a method of anti-crisis management in agriculture, *APK: economics, management*, no. 2, pp. 26–37.
- Oshchepkov A.Yu. (2020). Interregional differences in wages in Russia: the role of long-term structural factors, *Economic Issues*, no. 11, pp. 86–112.
- Kunwon Ahn, Jun Yeong Lee, John V. (2020). Winters Employment Opportunities and High School Completion during the Covid-19 Recession, *IZA Discussion Paper*, no. 13802. URL: <https://covid-19.iza.org/publications/dp13802> (accessed 15.11.2020).
- Topilin A.V. (2019). Labor potential of Russia: demographic and socio-economic problems of formation and use, *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol. 89, no. 7, pp. 737–744.
- WHO. Rolling updates on coronavirus disease (COVID 19). URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200907-weekly-epi-update-4.pdf?sfvrsn=f5f607ee_2 (accessed 12.11.2020).
- Total COVID 19 cases // Financial Time. URL: <https://www.ft.com/content/a2901ce8-5eb7-4633-b89c-cbdf5b386938> (accessed 22.05.2020).
- International Monetary Fund, *World Economic Outlook: The Great Lockdown*, April 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (accessed 15.11.2020).
- Baldwin R., Weder di Mauro B. (2020). *Economics in the Time of COVID-19*. CEPR Press VoxEU.org eBook. 125 p.
- ILO Monitor: COVID 19 and the World of Work, fourth edition, 27 May 2020. URL: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_745963/lang--en/index.htm (accessed 15.11.2020).
- Kumar R., Mishra R.S. (2020). COVID-19 Global Pandemic: Impact on Management of Supply Chain, *International Journal of Emerging Technology and Advanced Engineering*, vol. 10, no. 4, pp. 132–139.
- Russian capitalism and coronavirus. Confederation of Labor of Russia. URL: <http://www.ktr.ru/en/content/news/detail.php?ID=6893> (accessed 15.11.2020).
- Employment working group of the G20 countries during the Japanese chairmanship of the forum. URL: <https://mintrud.gov.ru/eng/news/117> (accessed 14.11.2020).
- Coyuntura Laboral en América Latina y el Caribe: La dinámica laboral en una crisis de características inéditas: desafíos de política, *OIT*, 2020, no. 23.

AUTHORS' INFORMATION:

Vera A. Gnevasheva – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); vera_cos@rambler.ru.

Bruno de Conti – University of Campinas (Cidade Universitária “Zeferino Vaz”, Campinas, São Paulo, 13083-970, Brazil).

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

АНАЛИЗ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВОЛОНТЕРСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

И.И. Задорожная^{1а}, Т.Э. Петрова^{2б}, А. Лымар^с, Н. Лымар^с

^аМосковский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова

^бАппарат Правительства Российской Федерации

^сВысшая школа безопасности

АННОТАЦИЯ:

Актуальность социологического анализа феноменов благотворительной деятельности и волонтерства обусловлена необходимостью осмысления процессов институализации практик гражданского общества в условиях неопределенности и нестабильности, которые наблюдаются в настоящее время из-за пандемии COVID-19. Уже накоплен значительный опыт, позволивший консолидировать ресурсы и мобилизовать участников гражданских движений для решения проблем вызванных эпидемиологической угрозой.

В статье рассматривается и анализируется нормативная правовая база обеспечивающая развитие и стимулирование благотворительной деятельности и волонтерства, дается оценка результатам реализации государственной поддержки гражданских практик.

На основе сопоставительного анализа выявлен генезис развития законодательного обеспечения содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчеству. Выделены этапы развития законодательства с точки зрения эффективности выполнения данными правовыми актами стимулирующей функции.

Представлена авторская концепция направлений стратегического развития благотворительной деятельности. Наряду с благотворительной деятельностью развивается и волонтерское движение, причем в статье проведен анализ нового направления волонтерства – корпоративного и интеллектуального волонтерства. Данные формы волонтерства еще недостаточно исследованы и требуют дополнительного рассмотрения.

Методы исследования представлены анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, а также методом анализа документов. Эмпирической базой исследования послужили данные социологических исследований, проведенных Общероссийским общественным фондом «Общественное мнение», Центром исследований гражданского общества и некоммерческим сектором НИУ «Высшая школа экономики, Всероссийским центром изучения общественного мнения.

В результате исследования были выявлены ключевые проблемы реализации государственной поддержки благотворительности в Российской Федерации.

Проведен сопоставительный анализ международного опыта государственной поддержки некоммерческих организаций.

Выделены новые направления развития волонтерского движения – корпоративное и интеллектуальное волонтерство, определены основные задачи корпоративного волонтерства, дана оценка масштабам развития корпоративного волонтерства в российских компаниях, определены преимущества, которые получают организации в результате реализации благотворительных программ, проведен анализ процесса институализации интеллектуального и корпоративного волонтерства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: благотворительная деятельность, волонтерство, добровольчество, корпоративное волонтерство, интеллектуальное волонтерство.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Задорожная И.И., Петрова Т.Э. (2021). Анализ благотворительной деятельности и волонтерства в России и за рубежом // Вопросы управления. № 1. С. 89–102.

¹AuthorID РИНЦ: 788588

²AuthorID РИНЦ: 72645

В современной России благотворительная деятельность и волонтерство стали значимыми явлениями и вышли за последние годы на новый качественный уровень развития, что потребовало переосмысления этих гражданских практик российского общества. Благотворительность рассматривается в современной научной литературе как помощь, оказываемая физическими и юридическими лицами нуждающимся в ней как на безвозмездной основе, так и в обмен на предоставление различных льгот, в том числе налоговых [1]. Традиционно выделяют четыре этапа в процессе развития благотворительности.

Первый этап связан с принятием христианства в эпоху Киевской Руси. Князь Владимир в 996 году издал Устав, в соответствии с которым на духовенство возлагались обязанности «призрения» (опеки) немощных, больных, престарелых. Финансовой основой этой деятельности служил налог, взимаемый в пользу церкви.

В период Царской России – второй этап – происходило интенсивное развитие благотворительности, которая осуществлялась братствами, являющимися национально-религиозными общественными организациями, создававшимися при церквях.

При Иване Грозном были созданы благотворительные организации для обеспечения помощи нуждающимся, которые финансировались государством и частными благотворителями. В дальнейшем царь Михаил Федорович приказал открывать сиротские дома, а во время правления царя Алексея Михайловича появились специальные приказы – государственные органы, в задачу которых входила опека бедного населения страны.

С 1682 года в России начали появляться дома для беспризорников, где последние могли не только жить, но обучаться грамоте, наукам и ремеслу. В Петровскую эпоху благотворительность уже имела направленный характер.

В частности, государство приступило к борьбе с профессиональными нищими. Часть средств государство выделяло в виде дотаций, но основное финансирование осуществлялось за счет частных пожертвований.

Начиная с XIX века подвижничеству и альтруизму благотворителей обязаны мно-

гие положительные начинания того периода: открытия в науке, достижения в искусстве и культуре, прорывы в образовательной сфере. При этом следует отличать благотворительность как добровольное, бескорыстное и безвозмездное жертвование, финансовую и иную помощь от спонсорства, непосредственно преследующего цель получения от такой помощи собственной выгоды или удовлетворение иного личного интереса.

После Революции 1917 года в рамках советской идеологии никакие формы милосердия не признавались приемлемыми, благотворительность как «проявление классового общества» практически во всех своих направлениях была запрещена – это третий этап благотворительности, когда на смену филантропической модели пришло государственное «подшефство».

Реалии настоящего времени – четвертого этапа развития благотворительности – позволяют констатировать возрождение многих дореволюционных инициатив в этой сфере: появление как зарубежных, так и отечественных благотворительных фондов, каналов для перевода пожертвований, появление значительного числа волонтерских движений. Сфера исследований феноменов благотворительности и волонтерства весьма разнообразна и получила освещение в ряде научных работ [2–6].

Принято выделять триаду самых важных, непосредственно касающихся присутствия в обществе «пассионариев» – субъектов-агентов, осуществляющих миссию благотворительности:

1) альтруистичные личности с устойчивыми психо-эмпатийными качествами, имеющие в тезаурусе ценностные ориентиры на оказание SOS-помощи своими конкретными действиями (например, экосубботники, патрулирование ночных улиц, организация мероприятий по очищению водных бассейнов и предоставлению образовательных услуг, реставрационных работ и волонтерской помощи нуждающимся категориям населения и т. д.);

2) активные индивиды с социально-экономическими установками, постоянно демонстрирующие готовность к материальной (денежной) или товарно-вещевой, пищевой, лекарственной поддержке нуждающихся лиц;

3) индивиды, строго соблюдающие морально-нравственные императивы социума, остро переживающие свою сопричастность к социальным проблемам всего общества или к проблемам в его подсистемах, в таких как род, семья, предприятие, город, село, страна и т. д.

В благотворительном процессе представлены субъектно-субъектные отношения: активные субъекты благотворительной деятельности (физические лица и общественные неправительственные, некоммерческие организации); субъекты-благополучатели; и субъекты-наблюдатели (госструктуры, правовые институты, исследователи, СМИ, заинтересованная общественность-рефери т. д.).

Благотворительность классифицируют по многим критериям, в частности, выделяют:

во-первых, временной фактор, который определяет кратко-, средне- и долгосрочную благотворительную деятельность;

во-вторых, территориальный фактор, который отражает масштаб благотворительных действий: местно-локальная, региональная, центрально-государственная, межстрановая, глобальная благотворительность;

в-третьих, учитывают различные факторы социальной направленности, по которым сама благотворительность может быть профессиональной, гуманитарной, технологической, конфессиональной, национальной, возрастной;

в-четвертых, систематизируют по субъектам материально-финансовой поддержки: государственные, отраслевые и общественные фонды; международные и зарубежные учреждения; религиозные структуры; сообщества активных граждан-альтруистов; отдельные лица и олигархические кланы, реализующие благотворительность.

Формы выражения адресной целевой благотворительной деятельности на практике могут быть самые разнообразные. Их можно представить в виде шкалы: передача опыта социализирующимся индивидам; помощь предметами потребления и деньгами; оказание безвозмездных социально значимых услуг (например, бесплатный юридический консалтинг или восстановительно-реставрационные,

реконструкционные мероприятия); выполнение волонтерских работ для незащищённых слоев населения – детей, престарелых и инвалидов.

Общероссийским общественным фондом «Общественное мнение» подготовлен аналитический доклад по итогам количественных и качественных исследований, проведенных в 2018 году среди добровольцев (волонтеров), представителей благотворительных и социально ориентированных некоммерческих организаций, органов государственной власти, социально ответственного бизнеса³. Данные, полученные в результате исследования, позволили глубже понять механизмы развития благотворительности и волонтерства в России.

Так, по данным исследования, среди москвичей старше 18 лет в последнее время помогали пожилым людям, пенсионерам 22 % опрошенных, 18 % помогали тяжелобольным детям и взрослым, 9 % оказывали помощь детям-сиротам, людям и семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, 4 % были донорами крови. В экологических патрулях, акциях по сбору мусора, защите природы в последнее время принимали участие 8 % москвичей старше 18 лет, 13 % участвовали в уборке и благоустройстве территории. Организацией и сопровождением спортивных соревнований, подготовкой спортивных площадок занимались 3 % жителей столицы старше 18 лет, что во многом способствовало популяризации идеи благотворительности среди различных групп населения, повышению информированности россиян в данной сфере.

Организацией и проведением мероприятий, выставок, фестивалей занимались 5 % взрослого населения столицы, что способствовало привлечению внимания общества к благотворительным проектам, укреплению связей благотворительных организаций с действующими добровольцами (волонтерами) и привлечению новых.

Из разных видов помощи столичные жители чаще всего выбирают помощь вещами (34 % против 30 % в целом по стране), деньгами (32 % против 24 % среди россиян), делами (32 % против 33 % по России). Помощь

³Культура общественного участия в мегаполисе: экосистема московского волонтерства : Аналитический доклад. М. : Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение», 2019. 232 с.

продуктами оказывают 17 % респондентов по Москве и 11 % по стране. Один-два раза в год безвозмездно оказывают помощь незнакомым людям или организациям 42 % москвичей, 18 % – раз в два-три месяца, 24 % – никогда. В Москве наиболее распространены практики помощи пожилым людям, пенсионерам, (22 %), животным (20 %), тяжелобольным детям и взрослым (18 %), реже москвичи занимались уборкой, благоустройством территории (13 % против 25 % в среднем по России).

Более половины опрошенных москвичей считают, что стремление помогать друг другу часто встречается среди окружающих их людей, тогда как только каждый третий полагает, что редко. 40 % опрошенных москвичей готовы объединяться с другими людьми для совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, 43 % предпочитают действовать в одиночку. Доля опрошенных москвичей, чувствующих ответственность за происходящее в своем доме, дворе, составляет 66 %, в городе – 51 %, в стране – 49 %.

К основным барьерам на пути расширения благотворительности большинство опрошенных отнесли низкую информированность населения о возможностях участия в ней (45 %), невысокую заинтересованность граждан (33 %), низкий уровень общественного доверия (27 %), недостаточную поддержку (28 %), разобщенность волонтерского сообщества (20 %).

В европейских странах так называемым «организациям общественной пользы» предоставляются различные виды государственной поддержки: прямая финансовая поддержка и косвенная – налоговые льготы, предоставление помещений на льготных условиях, приоритетное участие в конкурсах и др.

Так, во Франции законом предусмотрено, что ассоциация может получить статус общественно полезной организации после принятия соответствующего декрета Государственного Совета с испытательным сроком не менее трех лет. Как правило, подобные ассоциации осуществляют деятельность в социальной сфере – образование, медицина, спорт.

В Польше уже в XIX в. создавались неправительственные институты, действующие на благо культуры, образования или повышения гражданской активности. Понятие «неправительственные организации» в польском праве впервые было закреплено в 1997 году применительно лишь к профессиональной реабилитации и трудоустройству лиц с ограниченными возможностями. Поэтому полное определение термина «неправительственные организации» было дано в законе от 24 апреля 2003 года о деятельности для общественного блага и волонтерстве. Заметный перелом в формировании «третьего сектора» в Польше наступил уже в XVIII веке, когда создается польское гражданское общество. До начала XX в. общественные организации развивали свою деятельность в направлениях филантропии и просветительства, борьбы за независимость, экономики. В 1932 году под эгидой министра социальной опеки действовало 1 192 фонда, министра по делам религий и общественного просвещения – 1 440, министра внутренних дел – 455, министра сельского хозяйства – 2, министра промышленности и торговли – 3, министра коммуникации – 2. Годы Второй мировой войны затормозили процесс развития неправительственного сектора и гражданского общества, на время была снижена активность религиозных и светских организаций. Сегодня государство активно включилось в поддержку неправительственных организаций, стало заказчиком реализации общественно значимых программ и проектов. Польский неправительственный сектор создал мощную структуру, содействующую промышленной и региональной интеграции, распространению общественных интересов. Примером этому может служить созданная уже в 1994 году Сеть поддержки неправительственных организаций (*Sieć Wspierania Organizacji Pozarządowych SPLIT*).

По данным исследования, проведенного в 2017 году Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики», государственная финансовая поддержка некоммерческих

⁴Материалы Международной конференции исследователей волонтерства «Волонтерство: направления исследований и вклад в укрепление мира и устойчивое развитие» (25 мая 2017 г.). URL: <https://grans.hse.ru/news/206224258.html> (дата обращения: 12.11.2020).

организаций в развитых странах составляет до 52 % дохода таких юридических лиц, в развивающихся – до 23 %⁴.

На ведущих позициях по объемам государственной поддержки традиционно находятся страны Западной Европы, Канада и Израиль.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.07.2009 № 1054-р была утверждена Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации, призванная способствовать формированию и распространению инновационных практик социальной деятельности, привлечению в социальную сферу добровольцев⁵.

Основные направления ее реализации – институционализация благотворительности и добровольчества, развитие благотворительных организаций, культуры благотворительности в обществе.

В соответствии с концепцией и планом мероприятий по ее реализации федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации подготовлены нормативные акты по совершенствованию налогообложения благотворительной деятельности, развитию ее инфраструктуры, организационной и информационной поддержке, что в свою очередь повлияло на масштабы благотворительной деятельности в России. По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «ВШЭ», за последние 12 лет доля россиян, вовлеченных в благотворительные денежные пожертвования, выросла с 44 % в 2007 году до 63 % в 2019 году⁶. По сведениям Росстата, количе-

ство благотворительных организаций увеличилось с 8,2 тыс. организаций в 2011 году до 15,5 тыс. в 2018 году⁷.

Согласно исследованию Благотворительного фонда развития филантропии (Фонд «КАФ»), общий бюджет около 60 крупных российских и международных компаний, выделенный на благотворительность в России, вырос с более чем 10 млрд рублей в 2013 году до 43,9 млрд рублей в 2016 году⁸.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.12.2018 № 2950-р утверждена отдельная Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года⁹, распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.11.2019 № 2705-р – отдельная Концепция содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Концепция содействия развитию благотворительности)¹⁰.

Концепция содействия развитию благотворительности определяет основные направления развития благотворительности, обеспечивая системный подход к интеграции благотворительной деятельности в образ жизни большинства граждан, повышения доверия граждан к благотворительным организациям.

С декабря 2019 г. реализуется План мероприятий по реализации в 2019–2020 годах Концепции содействия развитию благотворительности, включающий мероприятия по содействию развитию институтов благотворительности, благотворительности физических лиц и коммерческих организаций, культуры благотворительности, поддержки благотворительности в субъектах Российской Федерации,

⁵Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2009 № 1054-р «О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности добровольчества в Российской Федерации» (документ утратил силу) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.12.2020).

⁶Официальный сайт Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. URL: <https://grans.hse.ru/> (дата обращения: 02.12.2020).

⁷Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 02.12.2020).

⁸Официальный сайт Благотворительного фонда развития филантропии «КАФ». URL: <http://cafrussia.ru/research.html> (дата обращения: 02.12.2020).

⁹Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.12.2020).

¹⁰Распоряжение Правительства РФ от 15.11.2019 № 2705-р «О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.12.2020).

международной деятельности в сфере благотворительности.

План реализуется в два этапа: первый – 2019–2020 годы, второй – 2021–2025 годы. Это обусловлено тем, что концепция содержит новые подходы как в отношении деятельности благотворительных организаций, так и увеличения числа благотворителей из числа физических и юридических лиц. Поэтому часть мероприятий плана требует апробации и получит свое основное развитие на втором этапе.

К стратегическим направлениям развития благотворительности в настоящее время можно отнести наращивание потенциала прямого гражданского участия во всех значимых сферах развития общества, стимулирование мотивов социальной ответственности, формирование традиций гражданского участия, повышение уровня осведомленности в обществе, использование всех информационных ресурсов (СМИ, социальная реклама), просвещение как населения, так и представителей органов власти, установление понятных правил игры для коммерческих структур, установление льгот и преференций для поощрения такой деятельности [7–9].

Таким образом, формирование института благотворительности и волонтерства как одной из его форм является процессом, в основе которого лежит взаимодействие государства и общества, задачей которого является создание основ организационного развития, совершенствование нормативной правовой базы, техническая и методическая поддержка.

Волонтерство в российской научной традиции рассматривается в ракурсе благотворительности как ресурс социально-экономического развития государства. Этот феномен гражданской практики исследуется как представителями научного мира, так и экспертного сообщества. Вопросы формирования волонтерских практик нашли свое отражение в ряде научных работ [10–20].

Несмотря на достаточно проработанную исследовательскую базу данного феномена, есть новый вектор развития волонтерства, который недостаточно исследован и требует дополнительного рассмотрения, так как появляются новые формы и механизмы волонтерского движения.

К таковым относятся корпоративное и интеллектуальное волонтерство. Выявление особенностей данных социальных практик представляется весьма актуальным, поскольку именно посредством корпоративного волонтерства и одной из его форм – интеллектуальным волонтерством – поддерживается социальная активность современных организаций и формируются стабильные, прочные отношения с государством и обществом.

Кроме того, анализ опыта компаний, внедривших в свою деятельность эти социальные практики, показал, что волонтерские программы являются триггером для важных социальных изменений не только в корпоративной культуре, но и в целом в повышении эффективности компаний и рассматриваются в рамках парадигмы социальной ответственности [21].

В теоретических трактовках понятия корпоративная социальная ответственность (КСО) до сих пор не достигнуто единого подхода. Так, ряд авторов, применяя парадигму социальной деятельности, конструируют концепцию корпоративной социальной ответственности. При этом под корпоративной социальной деятельностью понимается система принципов КСО, процессов социальной восприимчивости, основанных на этих принципах и их измеряемых результатах. Другие исследователи выделяют разные аспекты корпоративной социальной ответственности, такие как управленческие и экономические. Так, применяя экономический подход, «корпоративная социальная ответственность представляет собой форму связи организации с различными социальными институтами и процессами». А с управленческой точки зрения это «система инструментов, предназначенных для повышения эффективности организации, ее адаптивных возможностей, приобретения конкурентного преимущества, повышения различных финансово-экономических показателей деятельности» [22, 23].

Сущность корпоративной социальной ответственности, или «корпоративного гражданства», в том, чтобы обеспечивать высокие стандарты жизни и качества жизни в тех сообществах, среди которых бизнес (или вообще любая организация) действует.

Институционально корпоративная социальная ответственность реализуется в нескольких вариантах, среди которых можно отдельно выделить корпоративное и интеллектуальное волонтерство [24; 25].

С помощью корпоративного волонтерства возможно решить следующие задачи:

- обучение и развитие сотрудников (формирование так называемых *soft skills* – мягких компетенций: развитие эмоционального интеллекта, коммуникативных навыков, инициативности, креативности, лидерских качеств);
- реализация миссии, ценностей компании;
- поддержание положительной репутации и бренда работодателя;
- профилактика выгорания, удержание сотрудников;
- развитие корпоративной культуры, лояльности, вовлеченности;
- формирование командообразования, горизонтальных связей в организации.

В настоящее время наблюдается консолидация всех заинтересованных в этом направлении деятельности организаций. Так, в 2014 году представители наиболее активных отечественных и международных компаний создали платформу для взаимодействия – Национальный совет по корпоративному волонтерству (НСКВ). Таким образом были объединены ресурсы, обобщены лучшие практики.

Весьма полезными для анализа данного социального феномена являются результаты исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в ноябре 2020 г. по заказу Межрегиональной общественной организации «Ассоциация менеджеров», которое было посвящено корпоративному волонтерству в компаниях среднего и крупного бизнеса России¹¹.

Полученные данные свидетельствуют, что представители российского бизнеса понимают преимущества корпоративного волонтерства, но реальные программы такого типа есть только в трети отечественных компаний. Так, 73 % среди представителей среднего и крупного бизнеса знакомы с понятием «корпоративное волонтерство», но только 27 % детально в

нем разбираются. Целью корпоративного волонтерства для 44 % компаний является приносимая польза обществу, для 15 % – улучшение собственного имиджа и для 15 % – инициатива сотрудников.

На основе данных исследования можно сделать вывод, что волонтерская деятельность внутри компаний расширяется с каждым годом. Этому мнению придерживаются 65 % опрошенных. Причем 79 % респондентов считают, что в условиях пандемии такие программы необходимы и важны, а 20 % опрошенных считают их сверхважными.

В тех организациях, где внедрены в практику программы корпоративного волонтерства, у 37 % опрошенных они реализуются постоянно, причем у 35 % они стали уже традиционными и реализуются уже более десяти лет. Интересно, что в условиях пандемии к таким организациям присоединилось еще 3 %.

Анализ данных, полученных в результате опроса показал, что, в основном, программы ориентированы на поддержку бездомных, сирот, инвалидов – 48 %; экологической деятельностью заняты (защита природы, уборка) 33 %; благоустраивали дворы, парки и улицы 21 % и в образовательной деятельности участвовали 21 %.

Большинство сотрудников (95 %) участников корпоративного волонтерства положительно оценивают этот вид деятельности. Для привлечения сотрудников применяются методы материальной и моральной мотивации: почетные грамоты (37 %), размещение на доске почета или публикация на корпоративном сайте, подарки и сувениры (22 %), материальное вознаграждение (16 %).

На основе данных, полученных в результате опроса, можно выделить те преимущества, которые получают организации в результате реализации корпоративных программ. К таковым относятся: улучшение имиджа компании (46 %); увеличение лояльности сотрудников (32 %); формирование уважения стейкхолдеров (17 %); приобретение признания ответственности (17 %).

Причем 72 % компаний при реализации программ не испытывают никаких трудно-

¹¹Корпоративное волонтерство в ситуации пандемии. Аналитический отчет. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10640> (дата обращения: 02.12.2020).

стей, а 97 % буду продолжать реализацию программ и в дальнейшем.

Важным в исследовании было то, что опрос проводился также и в компаниях, в которых еще не внедрены программы корпоративного волонтерства, что позволило выявить причины отказа от такого рода деятельности. Это высокая нагрузка на работе (49 %); боязнь дополнительных расходов (23 %); отсутствие методических разработок о корпоративном волонтерстве (17 %).

Более половины представителей компаний сообщают, что у них сейчас нет возможностей для реализации программ корпоративного волонтерства (64 %). По словам 19 % опрошенных, в течение года в их компаниях планируется реализация таких программ, но большинство компаний не планируют заниматься этим направлением (74 %).

В результате исследования «Развитие корпоративного волонтерства как перспективного направления социального партнерства в России», проведенного Центром «Сопричастность» в 2011 г., были выделены десять факторов успеха корпоративного волонтерства:

- 1) социальная значимость проектов;
- 2) учет интересов волонтеров;
- 3) соответствие проектов политике и ценностям компании;
- 4) правильная постановка целей и задач;
- 5) четкое планирование и подготовка;
- 6) партнерство с профессиональными некоммерческими организациями;
- 7) системный подход к ведению проектов;
- 8) эффективное информационное сопровождение;
- 9) выделение достаточных ресурсов компанией;
- 10) поддержка органами власти.

Изучение практической деятельности связанной с корпоративным волонтерством дает основание утверждать, что в настоящее время возможно выделить три модели:

1. *Оригинальная модель.* Компания формирует собственную модель добровольческой деятельности.

2. *Партнерская модель.* Сотрудники компании участвуют в добровольческой деятельности партнеров из общественных организаций, НКО. Данная модель эффективна в случае, если компания заключила договоренности с НКО, основанные на партнерстве, опираясь на профессиональные навыки друг друга.

3. *Индивидуальная добровольческая деятельность.* Компания поощряет персональные усилия и личные инициативы сотрудников в добровольческой работе. Редко встречается в СНГ.

Исследование социальных практик корпоративного волонтерства в период пандемии показал, что российские компании активно включились в волонтерскую деятельность. Пандемия коронавируса затронула все сферы жизни и оказала негативное влияние на людей, компании, экономики стран. Этот кризис заставил бизнес в рекордные сроки трансформироваться, искать и реализовывать новые форматы работы и показал, что в эпоху глобальных перемен социальная ответственность играет важное значение.

Итоги исследования стратегии адаптации компаний в условиях пандемии COVID-19, проведенного Ассоциацией менеджеров с 28 апреля по 28 июня 2020 г. в 30 компаниях, представляющих как российский, так и международный бизнес, доказывают данный тезис¹².

В результате были выделены три кардинальных направления социальной поддержки во время пандемии.

1. *Забота о здоровье и благополучии сотрудников собственных предприятий.* Это дезинфекция, санитарная обработка рабочих мест, помещений и территорий организаций, тестирование сотрудников на вирус, расширение системы добровольного медицинского страхования, финансовая поддержка персонала и помощь ветеранам и пенсионерам.

2. *Помощь регионам присутствия компаний.* К ней относятся помощь с продовольствием и его доставкой, бесплатное предоставление своих услуг (тренировки, онлайн-кинотеатры, гостиницы, бесплатное такси для врачей), корпоративное волонтерство, орга-

¹²Стратегии адаптации компаний в условиях пандемии COVID-19. URL: <https://amr.ru/press/news/kso/assotsiatsiya-menedzherov-vyuasnila-vse-li-sektora-rossiyskoy-ekonomiki-uspeli-adaptirovatsya-v-uslo/> (дата обращения: 12.12.2020).

низация благотворительных акций и флешмобов, организация информирования (о мерах предосторожности, индекс самоизоляции), организация психологической и медицинской помощи онлайн, помощь в организации дистанционного обучения и просвещения, трудоустройство лиц, потерявших работу из-за пандемии, поддержка НКО, малого бизнес.

3. Помощь системе здравоохранения в закупке средств индивидуальной защиты (СИЗ), медицинского оборудования, закупке тестов; помощь в развертывании массового тестирования, перепрофилировании производства под выпуск СИЗ и средств дезинфекции, предоставлении помещений под больницы, размещении врачей и лиц, пребывающих на карантине, в отелях; помощь в организации питания и транспортировки медперсонала, строительстве и ремонте медучреждений.

Промежуточные итоги социальной деятельности российских организаций были подведены 23 ноября 2020 года на IX Московском международном форуме «Корпоративное волонтерство: бизнес и общество», проведенном в онлайн-формате. Более 90 спикеров проанализировали приобретенный в условиях COVID-19 опыт корпоративного волонтерства, выделили новые тренды этой области, обсудили важную роль социального предпринимательства в нынешней деятельности государства, бизнеса и НКО в целом. Основным трендом, как отметило большинство участников, стало применение цифровых технологий в организации социальных практик волонтерства и благотворительности.

Так, 23 % проектов решали вопросы инклюзии – это новые способы коммуникации, психологическая помощь и эффективная реабилитация и самореализация. Тему биоэтики поддержали в 20 % проектов, в частности, это экотуризм, утилизация продуктов питания, современные системы сортировки и вторичного использования.

Взаимопомощи были посвящены 19 % проектов, в рамках которых разработаны сервисы для обмена услугами и вещами, трекары целей и поиск единомышленников, а также помощь в бытовых вопросах людям с ограниченными возможностями и пожилым гражданам.

Еще 11 % проектов были посвящены развитию и улучшению городской среды. К ним относятся сервисы, развивающие внутренний и внешний туризм в городах, сохранение культурного и исторического наследия в регионах, современные сервисы для комфортной жизни.

Тема здравоохранения была затронута в 5 % проектов: это онлайн-сервис для проведения клинических исследований, помощь людям, страдающим какой-либо зависимостью, сервисы быстрого реагирования на экстренные ситуации.

Заслуживает быть отмеченным тот факт, что появились новые проекты, в которых подняли важные и актуальные проблемы, которые ранее не затрагивались в рамках конкурса. К таковым относятся поиск онлайн-наставника и оказание духовной и моральной поддержки тем, кто находится в трудной жизненной ситуации, и проекты по оказанию помощи родителям, находящимся в местах лишения свободы, в общении с детьми посредством специального сервиса.

Таким образом, итоги Международного конкурса социальных проектов с применением цифровых технологий показали, что вовлечение в конкурсную деятельность позволяет решить следующие задачи:

- поиск и поддержка проектов, направленных на решение важных социальных проблем;
- привлечение социально-активных людей в инновационную деятельность, направленную на улучшение качества жизни общества;
- поощрение разработчиков инновационных социальных проектов с применением цифровых технологий;
- повышение престижа социального предпринимательства, популяризация социально-ориентированной деятельности.

В отличие от корпоративного волонтерства, в которое уже сейчас вовлечено значительное количество российских организаций среднего и крупного бизнеса, интеллектуальное волонтерство только начинают внедрять в деятельность, связанную с корпоративной социальной ответственностью.

В теоретическом аспекте это направление практически не изучено, встречаются только отдельные статьи на эту тему, поэтому обзор современных практик в этой области дает воз-

возможность проанализировать этот социальный феномен [26].

Интеллектуальное волонтерство как вид социальной помощи и направление корпоративного волонтерства зародилось в 50-х гг. XX века в США и представляло собой безвозмездную помощь, которую оказывали люди на основе своих профессиональных навыков и умения. В практике встречается другой термин – «*pro bono*» (лат. «ради блага»), т. е. профессиональная помощь некоммерческим организациям на безвозмездной основе, в результате которой повышается эффективность их работы за счет выработки адекватной стратегии, разработки бизнес-инструментов и продуктов.

Сейчас благополучателями являются различные некоммерческие организации, благотворительные фонды, а также организации здравоохранения, образования, культуры. А интеллектуальными волонтерами становятся как отдельные, самостоятельные граждане (в основном, это молодые специалисты до 30 лет с опытом работы 5–7 лет), так и представители одной компании.

В настоящее время появились организации-посредники, которые соединяют интересы людей, бизнеса и некоммерческих организаций. Анализ их деятельности представлен в работе И. И. Задорожной [26].

Принимая участие в проектах этих организаций, специалисты вносят личный вклад в решение важных социальных проблем, у них появляется возможность применить свои знания в новых областях, внедрять предложения

в деятельность некоммерческих организаций, оценивать их эффективность, развивать над- профессиональные компетенции, расширять свои профессиональные связи, получать опыт проектной работы.

Новым трендом в развитии интеллектуального волонтерства, который представлен и активно развивается на западе, является виртуальное волонтерство. Обычно, это безвозмездная работа по запросам некоммерческих организаций, основанная на применении профессиональных навыков.

Например, производитель компьютерной техники *Dell* запустил дистанционную наставническую программу, в ходе которой работники корпорации помогают учителям совершенствовать технологические навыки. А эксперты консалтинговой организации *Kraft* применяют свои знания в сфере маркетинга и взаимодействия в социальных сетях для поддержки 48 НКО.

Таким образом, можно сделать вывод, что масштабы корпоративного и интеллектуального волонтерства все больше расширяются, кроме того идет процесс институализации данных направлений. Появляются организации, объединяющие ресурсы, лучшие практики, а также организации-посредники, которые оказывают услуги как для отдельных граждан, так и для организаций, которые планируют заняться интеллектуальным волонтерством. Формируются механизмы, методы, новые подходы внедрения корпоративного и интеллектуального волонтерства в деятельность организаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петрова Т.Э. (2020). Поддержка благотворительности в России и за рубежом. Международный и отечественный опыт поддержки благотворительности : Монография / Под общ. ред. Т. Э. Петровой. М. : РУСАЙНС, 86 с.

2. Стрекаловская М.Ф. (2007). Благотворительная деятельность в современных условиях России // Власть. № 3. С. 72–74.

3. Ларионова Т.П. (2008). Благотворительность как фактор повышения качества жизни малообеспеченного населения (опыт Татарстана) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». № 4. С. 42–46.

4. Гофман А. (2018). Благотворительность и мода. Вопросы социальной теории // Научный альманах. Т. 10. № 1. С. 101–116.

5. Корнеева И.Е., Миннигалеева Г. (2017). Благотворительность пожилых россиян (по результатам эмпирического исследования) // Социологические исследования. № 1. С. 74–80.

6. Чернышёва М.В. (2016). Благотворительность малого и среднего бизнеса в малом городе: эмпирический анализ // Экономическая социология. Т. 17. № 4. С. 129–163.

7. Rostovskaya T.K., Sizikova V.V., Kuchmaeva O.V., Petrova T.E., Abdrashitova A.H. (2019). The focus on health and a healthy lifestyle among young

people as an essential factor for national security in Russia and Kazakhstan, *Prensa Medica Argentina*, vol. 105, no. 9, pp. 589–595.

8. Мерсиянова И.В., Иванова Н.В. (2018). Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 29–46.

9. Сэтре А.-М., Варызгина А., Гранберг Л. (2020). Стратегии адаптации региональных российских НКО к изменениям: фокус на социальных проблемах // *The Journal of Social Policy Studies*. Т. 18. № 3. С. 509–522.

10. Беневоленский В.Б., Иванов В.А., Иванова Н.В. (2019). Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития // XX Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (Москва, 9–12 апреля 2019 г.) / В. Б. Беневоленский, В. А. Иванов, Н. В. Иванова [и др.] ; под ред. И. В. Мерсияновой ; НИУ «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 69 с.

11. Певная М.В. (2018). Методологические и методические проблемы в изучении волонтерства // *Добровольчество и волонтерство в России: традиции и тенденции* : Монография / Под общ. ред. Т. Э. Петровой. М. : РУСАЙНС. С. 82–99.

12. Задорожная И.И. (2019). Социальные практики взаимодействия государства и общества // *Актуальные вопросы государственного, муниципального управления и экономики: проблемы, технологии, инновации* : Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. С. П. Куликова, Л. Ф. Шаламовой. М. : Изд-во «Доброе слово». С. 77–82.

13. Задорожная И.И. (2018). Социологический анализ волонтерского менеджмента (на примере деятельности ресурсного центра «Мосволонтер») // *Глобальный научный потенциал*. № 12. С. 159–163.

14. Петрова Т.Э. (2018). Практика государственной поддержки деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций // *Общественные объединения и некоммерческие организации: деятельность и поддержка* : Монография / под ред. Т. Э. Петровой. М. : ИНФРА-М. С. 3–21.

15. Певная М.В. (2016). Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики : Монография. Министерство образования

и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 434 с.

16. Мерсиянова И.В., Иванова Н.В., Малахов Д. (2019). Взаимосвязь между участием в волонтерстве и благотворительными пожертвованиями: межпоколенческий контекст // *Социологические исследования*. № 10. С. 94–105.

17. Мерсиянова И.В., Малахов Д.И., Иванова Н.В. (2019). Роль семьи в качестве канала межпоколенческой передачи традиций волонтерства в современной России // *Экономическая социология*. Т. 20. № 3. С. 66–89.

18. Васильковская М.И. (2017). Социально-культурное творчество участников молодежных объединений в формировании института волонтерства : Монография / М. И. Васильковская, В. Д. Пономарев ; Министерство культуры Российской Федерации, Кемеровский государственный институт культуры. Кемерово : Кемеровский государственный институт культуры. 192 с.

19. Горлова Н.И. (2019). Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность / Н. И. Горлова ; Министерство культуры Российской Федерации, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. М. : Институт Наследия. 290 с.

20. Петрова Т.Э., Каравашкин А.А. (2015). Проблемы формирования здорового образа жизни молодежи // *Интеграция образования*. № 4. С. 150–154.

21. Виттенберг Е.Я. (2017). Социальная ответственность российского бизнеса в условиях кризиса // *Вестник Института социологии*. № 20. С. 76–113.

22. Благов Ю.Е., Кабалина В.И., Петрова-Савченко А.А., Соболев И.С. (2015). Создание ценности для бизнеса и общества: анализ корпоративной социальной деятельности российских компаний // *Российский журнал менеджмента*. Т. 13. № 2. С. 67–98.

23. Плаксов Т.О. (2012). Эффективность инструментов корпоративной социальной ответственности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва. 24 с.

24. Климова С.Г., Климов И.А. (2019). Идеи эффективности и солидарности в моделях советского шефства и современных практиках корпоративного волонтерства // *Россия реформирующаяся: ежегодник*. Вып. 17 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф. С. 478–505.

25. Климова С.Г., Климов И.А. (2019) Социально-экономические механизмы и организационные ресурсы советского шефства и современного корпоративного волонтерства // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.): Сборник ма-

териалов / Ответственный редактор М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. С. 643–646. URL: <http://yadov-conf.isras.ru/> (дата обращения: 28.11.2019).

26. Задорожная И.И. (2020). Корпоративная социальная ответственность российских организаций: анализ тенденций // Глобальный научный потенциал. № 4. С. 185–189.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Задорожная Ирина Игоревна – кандидат социологических наук, доцент; Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова (107045, Россия, Москва, ул. Сретенка, 28); zadoro-irina@yandex.ru.

Петрова Татьяна Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор; Департамент культуры, спорта, туризма и национальной политики, Аппарат Правительства Российской Федерации (Россия, Москва); peta-63@mail.ru.

Лымар Андрей – Высшая школа безопасности (60-778, Польша, Познань, ул. Э. Ожешковой, 1); alyamar@rambler.ru.

Лымар Наталья – Высшая школа безопасности (60-778, Польша, Познань, ул. Э. Ожешковой, 1); dis-lymar@mail.ru.

ANALYSIS OF CHARITABLE WORK AND VOLUNTEERING ACTIVITIES IN RUSSIA AND ABROAD

I.I. Zadorozhnaya^{13a}, T.E. Petrova^{14b}, A. Lyamar^c, N. Lyamar^c

^aMoscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University

^bOffice of the Government of the Russian Federation

^cWyższa Szkoła Bezpieczeństwa

ABSTRACT:

The urgency of sociological analysis of such phenomena as charitable work and volunteering activities is determined by the need to comprehend and interpret the processes of institutionalization of the civil society activities under the conditions of uncertainty and instability due to COVID-19 pandemic. Certain experience has been obtained that made it possible to consolidate resources and mobilize civic movements activists to solve the problems caused by the epidemic threat.

The paper describes and analyzes the regulatory framework that ensures and stimulates development of charitable work and volunteering activities. Besides, it evaluates the results of the supporting measures of civil activities provided by the state. Based on comparative analysis, the genesis of the legislation in the sphere of charitable work and volunteering activities is revealed. The stages in legislation development have been singled out according to the efficiency of stimulation function of these legislative acts.

The original conception of the areas for development in charitable work is presented. Along with the charitable work, volunteering activities are paid attention to; the paper analyzes a new trend in volunteering known as corporate and intellectual volunteering. These forms of volunteering have not been properly studied yet and they require further study.

The following methods have been used in this work: analysis, synthesis, induction and deduction and the method of document analysis. The empirical basis of this research contains sociological studies

¹³RSCI AuthorID: 788588

¹⁴RSCI AuthorID: 72645

conducted by the Russian Public Opinion Foundation, the Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector of the National Research University Higher School of Economics and the Russian Public Opinion Research Centre.

As a result, the main obstacles in implementation of the state's supporting measures of charity have been identified. The international experience of the state support of nonprofit organizations has been analyzed.

New areas for development of volunteering activities in Russia have been singled out, including corporate and intellectual volunteering. Besides, the paper determines the main goals of corporate volunteering, evaluates the scope of corporate volunteering in the Russian companies, identifies the advantages for the companies that implement charity programs and analyzes the process of institutionalization of intellectual and corporate volunteering.

KEYWORDS: charitable work, volunteering, voluntary service, corporate volunteering, intellectual volunteering.

FOR CITATION: Zadorozhnaya I.I., Petrova T.E. (2021). Analysis of charitable work and volunteering activities in Russia and abroad, *Management Issues*, no. 1, pp. 89–102.

REFERENCES

- Petrova T.E. (2020). Support for charity in Russia and abroad. International and domestic experience in supporting charity. Moscow, RUSAYNS, 86 p.
- Strekalovskaya M.F. (2007). Charitable activity in modern conditions of Russia, *Power*, no. 3, pp. 72–74.
- Larionova T.P. (2008). Charity as a factor in improving the quality of life of the low-income population (the experience of Tatarstan), *Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University, Series "Social Sciences"*, no. 4, pp. 42–46.
- Gofman A. (2018). Charity and fashion. Questions of social theory, *Scientific Almanac*, vol. 10, no. 1, pp. 101–116.
- Korneeva I.E., Minnigaleeva G. (2017). Charity of elderly Russians (according to the results of empirical research), *Sociological research*, no. 1, pp. 74–80.
- Chernysheva M.V. (2016). Small and Medium Business Charity in a Small Town: An Empirical Analysis, *Economic sociology*, vol. 17, no. 4, pp. 129–163.
- Rostovskaya T.K., Sizikova V.V., Kuchmaeva O.V., Petrova T.E., Abdrashitova A.H. (2019). The focus on health and a healthy lifestyle among young people as an essential factor for national security in Russia and Kazakhstan, *Prensa Medica Argentina*, vol. 105, no. 9, pp. 589–595.
- Mersiyanova I.V., Ivanova N.V. (2018). Partnership between the state and charitable foundations as a strategy for increasing the resource provision of non-profit organizations, *Questions of state and municipal management*, no. 1, pp. 29–46.
- Satre A.-M., Varyzgina A., Granberg L. (2020). Strategies for adapting regional Russian NPOs to change: focus on social problems, *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 18, no. 3, pp. 509–522.
- Benevolensky V.B., Ivanov V.A., Ivanova N.V. (2019). Volunteering and charity in Russia and the tasks of national development. Proceedings of the XX April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development (Moscow, April 9-12, 2019). Moscow, Ed. house of the Higher School of Economics, 69 p.
- Pevnaya M.V. (2018). Methodological and methodological problems in the study of volunteering. In: Petrova T.E. (ed.). Volunteering and volunteering in Russia: traditions and trends. Moscow, RUSAYNS, pp. 82–99.
- Zadorozhnaya I.I. (2019). Social practices of interaction between the state and society. In: Kulikova S.P., Shalamova L.F. (eds.). Topical issues of state, municipal management and economics: problems, technologies, innovations. Proceedings of the international scientific and practical conference. Moscow, Publishing house "Dobroe Slovo", pp. 77–82.
- Zadorozhnaya I.I. (2018). Sociological analysis of volunteer management (on the example of the activities of the resource center "Mosvolonter"), *Global scientific potential*, no. 12, pp. 159–163.
- Petrova T.E. (2018). The practice of state support for the activities of socially oriented nonprofit organizations, Public associations and nonprofit organizations: activities and support. Moscow, INFRA-M, pp. 3–21.
- Pevnaya M.V. (2016). Volunteering Management: International Experience and Local Practices.

Yekaterinburg, Ural Federal University Publishing House. 434 p.

16. Mersiyanova I.V., Ivanova N.V., Malakhov D. (2019). The relationship between volunteering and charitable donations: an intergenerational context, *Sociological Research*, no. 10, pp. 94–105.

17. Mersiyanova I.V., Malakhov D.I., Ivanova N.V. (2019). The role of the family as a channel for intergenerational transmission of the traditions of volunteering in modern Russia, *Economic sociology*, vol. 20, no. 3, pp. 66–89.

18. Vasilkovskaya M.I. (2017). Social and cultural creativity of the participants of youth associations in the formation of the institute of volunteering. Kemerovo, Kemerovo State Institute of Culture. 192 p.

19. Gorlova N.I. (2019). Formation and development of the institute of volunteering in Russia: history and modernity. Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev. Moscow, Institute of Heritage. 290 p.

20. Petrova T.E., Karavashkin A.A. (2015). Problems of forming a healthy lifestyle for young people, *Integration of education*, no. 4, pp. 150–154.

21. Wittenberg E.Ya. (2017). Social responsibility of Russian business in a crisis, *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 20, pp. 76–113.

22. Blagov Yu.E., Kabalina V.I., Petrova-Savchen-

ko A.A., Sobolev I.S. (2015). Creating value for business and society: analysis of corporate social activities of Russian companies, *Russian Management Journal*, vol. 13, no. 2, pp. 67–98.

23. Plaksov T.O. (2012). The effectiveness of corporate social responsibility instruments. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow. 24 p.

24. Klimova S.G., Klimov I.A. (2019). Ideas of efficiency and solidarity in the models of Soviet patronage and modern practices of corporate volunteering, *Reforming Russia: Yearbook*, Iss. 17. Moscow, New Chronograph, pp. 478–505.

25. Klimova S.G., Klimov I.A. (2019) Socio-economic mechanisms and organizational resources of Soviet patronage and modern corporate volunteering. In: Proceedings of the International scientific conference «The future of sociological knowledge and the challenges of social transformations» (to the 90th anniversary of the birth of V.A.Yadov; Moscow, November 28-30, 2019). Moscow, Federal Sociological Research Center of the RAS, pp. 643–646. URL: <http://yadov-conf.isras.ru/> (accessed 28.11.2019).

26. Zadorozhnaya I.I. (2020). Corporate social responsibility of Russian organizations: trend analysis, *Global scientific potential*, no. 4, pp. 185–189.

AUTHORS' INFORMATION:

Irina I. Zadorozhnaya – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University (28, Sretenka St., Moscow, 107045, Russia); zadoro-irina@yandex.ru.

Tatyana E. Petrova – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Department of Culture, Sports, Tourism and National Policy, Office of the Government of the Russian Federation (2, Krasnopresnenskaya Naberezhnaya, Moscow, 103274, Russia); peta-63@mail.ru.

Andrey Lyamar – Wyższa Szkoła Bezpieczeństwa (1, ul. E. Orzeszkowej, Poznań, 60-778, Polska); alyamar@rambler.ru.

Natalya Lyamar – Wyższa Szkoła Bezpieczeństwa (1, ul. E. Orzeszkowej, Poznań, 60-778, Polska); dis-lyamar@mail.ru.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ С ЦЕЛЬЮ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРЕННЕЙ МОТИВАЦИИ РЕПРОДУКТИВНОГО, МАТРИМОНИАЛЬНОГО, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО И МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Т.К. Ростовская^{1а}, Е.Н. Васильева^{2а,б}, Е.А. Князькова^{3а,с}

^аФедеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,

Институт демографических исследований

^бВолгоградский государственный университет

^сРоссийский государственный гуманитарный университет

АННОТАЦИЯ:

На современном этапе особую актуальность приобретают исследования мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения как самостоятельных видов, так и элементов системы демографического поведения. Это связано, прежде всего, с запросом российского государства на реализацию целевых показателей национального проекта «Демография», а также преодоление демографических последствий пандемии коронавируса, вследствие которой в России умерло свыше 51 тыс. чел. (по состоянию на декабрь 2020 года), а негативное влияние которой на снижение рождаемости и трансформацию репродуктивного поведения можно будет оценить позже – после рождения «пандемийных» детей.

Тенденции репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения россиян, представленные в материалах статьи, выявлены на основе данных, полученных в результате всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», легших в основу Национального демографического доклада 2020 года.

Настоящая статья посвящена обзору подходов к организации глубинного интервью, а также представлению результатов по разработке глубинного интервью с целью исследования внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения.

Материалы включают в себя общие положения методики исследования, а также интервью-гайд – руководство для интервьюеров, содержащее ряд вопросов, направленных на изучение внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения многодетных родителей; бездетных супругов; женщин, которые решились на рождение детей без заключения брака; супругов, только что заключивших брак и планирующих родительство; последователей идеи чайлдфри (отказа от рождения детей).

Использование метода глубинного интервью в оценке репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения россиян, позволит существенно расширить методологию всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», выявить и проанализировать уникальные случаи, сложные ситуации, оказавшие влияние на поведение человека, глубинные мотивы и побуждения, которые нельзя узнать другим способом.

Статья адресует исследователям демографии, практическим социологам, разрабатывающим методики качественных методов исследования, а также специалистам, ответственным за разработку управленческих решений в области демографии на региональном и муниципальном уровнях.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет проекта Российского научного фонда № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

¹AuthorID РИНЦ: 767943, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018

²AuthorID РИНЦ: 240731, ORCID: 0000-0002-0460-5539, ScopusID: 55611633800, ResearcherID: K-6216-2013

³AuthorID РИНЦ: 785242, ORCID: 0000-0001-7313-8754, ScopusID: 57202401926, ResearcherID: AAV-2422-2020

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глубинное интервью, репродуктивное поведение, матримониальное поведение, самосохранительное поведение, миграционное поведение, интервью-гайд.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Князькова Е.А. (2021). Инструментарий для проведения глубинного интервью с целью исследования внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения // Вопросы управления. № 1. С. 103–117.

Введение

Демографическое поведение представляет собой систему относительно самостоятельных видов: репродуктивное, брачное (матримониальное), самосохранительное и миграционное [18, с. 38–57]. Каждый из видов поведения имеет свою структуру, выделяемую по основаниям в рамках различных подходов.

В 2020 году ведущими российскими учеными-демографами было проведено всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России» (в рамках реализации гранта РНФ «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России») [5].

В рамках реализуемого проекта был разработан инструментарий, позволяющий провести комплексную оценку видов демографического поведения, в том числе с позиции формирования и факторов реализации демографических установок. Анкета состоит из пяти блоков, позволяющих получить данные о всех видах демографического поведения (брачное, репродуктивное, самосохранительное, миграционное) и эффективности демографической политики.

Выборочное социологическое обследование проведено путем анкетного опроса. В опросе реализована многоступенчатая типологическая выборка, где на первом этапе отобраны территории для проведения опроса и типы поселений (городские и сельские населенные пункты). На втором этапе в каждом из выбранных регионов осуществлен систематический отбор (квотная выборка с учетом возрастных групп респондентов, пола, сферы профессиональной деятельности). Путем использования многоступенчатой выборки достигается высокая точность результатов, доверительный интервал расчета данных составляет для общероссийской выборки $\pm 0,4\%$ (при уровне достоверности 99,7%), для региональных выборок $\pm 4\%$ (при уровне достоверно-

сти 95,4%). Результаты репрезентативны для России в целом и для включенных в выборочную совокупность регионов [14]. В первой волне исследования участвовали десять регионов России: г. Москва, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Московская, Нижегородская и Свердловская области, Ставропольский край. Общий объем выборочной совокупности составил 5 616 человек.

Программа исследования позволила провести анализ особенностей матримониального, репродуктивного поведения россиян, характеристик института семьи в современной России, самосохранительного и миграционного поведения, оценки населением семейно-демографической политики, реализуемой в стране.

Брачное поведение. Россияне предпочитают зарегистрированный брак в качестве основы для отношений с любимым и близким человеком и желательного для рождения детей. Сожительства явно институционализированы, однако в большинстве своем рассматриваются населением в качестве репетиции брака, проверкой отношений на прочность. Респонденты демонстрируют лояльное отношение к межнациональным бракам, чего не скажешь об однополых браках.

Республики Татарстан и Башкортостан, Ставропольский в большей степени ориентированы на брак и испытывают наименьшую толерантность к сожительствам, однополым союзам. Москвичи заметно более негативно настроены на межэтнические семьи, но более благосклонно относятся к сожительствам и парам нетрадиционной ориентации.

Репродуктивное поведение. Как и в ряде других российских исследований [1; 3; 6–8; 10; 13; 16; 17; 19–25], выявлена ориентация на двух- и трехдетную семью при наличии всех необходимых условий: 41% респондентов хотели бы двоих детей, 26% – троих, 33% – троих и более детей.

Среднее желаемое число детей составило 2,3. На максимальное количество детей (в среднем 2,5) ориентированы жители Московской и Свердловской областей, выше среднего (2,4) – Республики Башкортостан.

Ориентированы на малодетность москвичи и волгоградцы: 13 % жителей столицы хотели бы одного ребенка даже при благоприятных условиях; Волгоградской области – также 13 %, Нижегородской области – 10 %.

Расчет среднего желаемого числа детей по половозрастным группам подтверждает наличие гендерных различий: мужчины старшей группы хотели бы в среднем больше детей, чем молодые женщины и их сверстницы; молодые как женщины, так и мужчины хотят детей меньше, чем в более старших возрастах.

В реальной жизни ориентируются на малодетность еще большее число россиян: планируют иметь двоих детей также около 40 %, а вот на многодетность ориентированы уже только 17 %. Среднее ожидаемое число детей составляет 1,9 по изучаемым регионам. Выше среднего его значение в Московской области и Республиках Башкортостан и Татарстан – 2,1. По ожидаемому числу детей мужчины и женщины в целом единодушны. Различия просматриваются при анализе половозрастных групп. Сравнительно больше ориентированных на бездетность и одноплетность среди молодежи, но среди них же и выше доля планирующих троих детей.

В целом структура населения по детности и репродуктивные ориентации свидетельствуют о закреплении малодетного типа репродуктивного поведения с ориентацией на 1–2 детей в семье. Хотели бы троих и более детей 33 %, тогда как реально планируют только 17 % россиян.

Причины «недораализации» желаемых рождений, по мнению опрошенных россиян, кроются в материальных трудностях (66 %), неуверенности в будущем (61 %), жилищных проблемах (52 %).

Молодежь в 40 % ответов «откладывает» рождение ребенка, люди 30–40 лет почти в 40 % случаев уже достигли желаемой детности и больше не планируют детей. Среди последних больше и тех, кто ориентирован на деторождение в ближайшей перспективе.

Респондентам предлагалось определить причины откладывания рождения детей в порядке уменьшения их значимости для опрашиваемых. На первом месте по значимости (3,9 балла по пятибалльной шкале) – поиск более оплачиваемой работы, которая могла бы улучшить материальные возможности (неблагоприятность которых на втором месте – 3,7 балла). Третье и четвертое места – жилищные условия и трудозатратность воспитания детей (3,5 балла), пятое – брачный статус (не замужем, не женат – 3,3 балла).

Если оценивать распределение «откладываний» рождения по времени, больше половины планируется к реализации в трехлетний период. Очевидно, что в большей степени молодежь откладывает на 4 года и больше: на этот период запланировано меньше всего отложенных рождений (12 %).

Самыми значимыми мерами поддержки семей с детьми стали те, которые направлены на решение жилищных и материальных проблем, оказание медицинской помощи и поддержка семьи в период отпуска по уходу за ребенком, когда один из родителей теряет доход от трудовой деятельности. Значимы и такие аспекты, как досуг, более ранний выход на пенсию женщин с детьми, гибкий график работы. Проблема совмещения трудовой деятельности и воспитания детей стоит достаточно остро, причем спектр ее проявлений широк: от потребности в детсадах для выхода матери на работу в связи с необходимостью заработка до сложностей параллельной реализации функций работника и родителя.

Только 60 % женщин и 69 % мужчин считают свое здоровье благоприятным для рождения детей. Среди молодых женщин и мужчин 7 % уверены, что их здоровье мешает стать родителями. Вместе с тем, среди всех неодиноких, потенциально имеющих проблемы со здоровьем, хотели бы воспользоваться современными репродуктивными технологиями для рождения ребенка 14 %. Причем среди женщин 17–30 лет желающих 28 %, среди мужчин той же возрастной группы – 18 %. Самый значимый барьер в использовании ВРТ (вспомогательных репродуктивных технологий) – их высокая стоимость (30 % ответов) и сложность в получении квоты (15 %). Довольно зна-

чимо сомнение в результате (18 %) и опасение, что ребенок родится неполноценным, нездоровым (17 %). Редки ответы о недостаточной информированности об использовании ВРТ, что дает основания полагать, что система выявления бесплодия и консультирования по вопросам его преодоления работает достаточно эффективно.

Институт семьи. Система жизненных целей россиян отражает их ценности и ключевые аспекты жизнедеятельности, от степени достижения которых зависит удовлетворенность жизнью и ощущение счастья.

Самая важная жизненная цель россиян – 4,7 балла по 5-балльной шкале – иметь хорошее здоровье. Вторую позицию разделили хорошее жилье и материальное благополучие семьи (4,6 балла). По 4,5 балла у долгой жизни, наличия близкого человека и возможности дать хорошее образование детям.

Семья для россиян – символ и воплощение единства, общность, способная совместными усилиями преодолевать трудности и реализовать жизненные планы. С суждениями, репрезентирующими данную позицию, опрошенные согласны на 8,4, 8,0 и 7,7 балла по 10-балльной шкале.

Один из маркеров крепкой сплоченной семьи – наличие семейных традиций, особых ритуалов, действий, памятных событий, понятных и значимых только для членов семьи. При ответе на прямой вопрос о традициях только 30 % россиян уверенно сказали, что в их семье они есть, 41 % ответили, что их нет, а 29 % затруднились с ответом.

У 22 % россиян есть дети, проживающие отдельно, которые в той или иной форме помогают родителям. Формы помощи чаще всего нефинансового характера (хотя и такие варианты тоже нередки – 21 %: по сравнению с другими регионами здесь выделяется Республика Башкортостан, в которой распространена практика содержания родителей детьми). Дети помогают советами (56 %), по хозяйству и на даче (50 %), ухаживают во время болезни (33 %); покупают продукты, вещи, оплачивают жилье (19, 14 и 10 % соответственно). Причем последние три позиции не обязательно осуществляются за счет детей, это может быть помощь собственно в совершении действий.

Трансферты от родителей к детям распространены чаще, и в этих потоках преобладают советы (67 %) и финансы (66 %). Треть родителей помогают продуктами и в воспитании внуков, покупают вещи, 20 % оплачивают жилье.

При оценке роли родителей в своей семье россияне чаще всего признают их наставническую функцию (48 %) и материальную поддержку (42 %), помощь в воспитании детей (32 %), помощь в обеспечении продуктами (27 %), что коррелирует с ответами старшего поколения – родителей.

Основанием для распределения функций внутри семьи часто выступает экономический фактор, измеряемый размером вклада члена семьи в бюджет. Во всех регионах вклад мужа в бюджет семьи выше вклада супруги: в среднем мужа приносят 58 % семейного бюджета, жены – 36 %. Несущественен вклад родителей (2 %), детей (1 %) и других родственников. Наиболее значимый вклад в материальное обеспечение семьи вносят женщины Ивановской и Свердловской областей.

В большинстве российских семей решения о расходовании средств принимаются совместно (61 %). Среди мнений о том, кто является главой семьи, самое популярное – мужчине, мужу (39 %). В Ставропольском крае, Башкортостане и Татарстане почти в половине семей роль главы выполняет муж. О матриархате в семье заявили 11 % опрошенных, о том, что главой является кто-то из родителей – 10 %. Почти пятая часть россиян придерживается позиции, что главы в их семье нет.

В среднем портрет счастливой семьи складывается из следующих черт: доверяющие друг другу супруги, достигшие взаимопонимания и объединенные общими интересами, удовлетворенные сексуальной жизнью и уважающие друг друга; имеют материальный достаток, детей, проживают отдельно от родителей, в семье есть глава, несущий ответственность за других, но уважается право на свободу для каждого члена семьи.

Самосохранительное поведение. Была выявлена потребность респондентов в долголетьи. Средние оценки желаемой длительности жизни (90 лет) несколько выше уже достигнутых показателей продолжительности жизни в наиболее развитых странах мира, но, тем не

менее, являются скромными, вполне достижимыми. Особенности самосохранительного поведения в контексте мотивов достижения долголетия связаны, прежде всего, с тем, что среди мотивов длительной жизни преобладают семейные, а также личные ценности и интересы. Социально значимые мотивы, в том числе связанные с престижем возраста, действительно не работают. Гендерный фактор не имеет значения с точки зрения потребности в длительной жизни. Однако он оказывает существенное влияние на характер самосохранительного поведения мужчин и женщин, выбор ими самосохранительных практик. Нацеленность на долголетие оказывает значимое влияние на выбор моделей самосохранительного поведения. Самосохранительное поведение индивида во многом определяется его половозрастными, гендерными, личностными особенностями, однако в то же время оно детерминировано качеством профилактической работы, эффективностью информирования населения о способах здоровьесбережения, популяризацией здорового образа жизни, семейных ценностей, долголетия. Оценка состояния самосохранительного поведения населения и степени соответствия ему управленческих решений, принимаемых в данной сфере – необходимый шаг, позволяющий не только спрогнозировать динамику, но и синхронизировать усилия сторон, заинтересованных в воспроизводстве российской нации.

Миграционное поведение. Миграционная мобильность населения характеризуется довольно высокой долей населения, никогда не менявшего место жительства – 55 %. Из 45 % переезжавших 23 % совершали переезд однажды, 13 % – дважды и 11 % – три раза и более.

Главные причины желаний переехать так или иначе в большинстве случаев связаны с работой и ее оплатой. Среди желающих переехать с целью лучшего трудоустройства на временной работе оказались 35,5 % жителей. Наиболее готовыми на временную работу ожидаемо оказались мужчины – 39,5 %, особенно в молодом возрасте от 17 до 30 лет – 44,4 %. Среди главных условий, при которых опрошиваемые готовы поехать на временную работу в другой регион страны, они называют высокую заработную плату (81,9 %), бесплатное

жилье (46,4 %), подъемные средства (27,4 %) и наличие развитой социальной инфраструктуры (26,7 %).

Семейно-демографическая политика. Согласно данным опроса, для 57 % респондентов, имеющих детей, усиление мер государственной поддержки семей с детьми не оказало влияния на принятие решения о рождении младшего (единственного) ребёнка, тогда как для 24 % опрошенных, напротив, в той или иной степени послужило фактором рождения ребёнка. Примечательно, что женщины чаще по сравнению с мужчинами заявляли об отсутствии влияния мер поддержки семей с детьми на рождение ребенка (62 % против 52 %).

Наибольшее влияние усиления мер семейно-демографической политики на принятие решения о деторождении отмечается в группах мужчин и женщин в возрасте от 30 до 40 лет (по 30 % соответственно признали, что оно повлияло в той или иной степени). Самыми востребованными мерами поддержки семьи с детьми, согласно данным опроса, являются консультативно-медицинские услуги, дополнительное образование для детей, а также помощь в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику. В то время как меньше всего население нуждается в помощи в виде оказания бытовых услуг, организации семейного дела и ухода за нетрудоспособным членом семьи.

У 46 % респондентов уровень информированности о региональных мерах государственной семейной политики ниже среднего (ниже 3 баллов). Полностью владеют информацией о мерах поддержки семей с детьми лишь 9 % опрошенных, тогда как практически ничего о них не знают 24 %. Информированность населения в баллах в среднем по опросу составила 2,6 балла, что является достаточно низким.

Наиболее осведомленным о мерах региональной семейной политики оказалось население Вологодской области и Республики Башкортостан (хорошо или полностью осведомлены 35 и 32 % респондентов соответственно). В то же время наименьшую информированность продемонстрировали респонденты из Ивановской области и г. Москвы.

В целом опрос показал, что среди подавляющего большинства россиян распространены

но мнение о необходимости поддержки семьи со стороны государства. При этом каждый пятый респондент заявил о том, что эта функция должна возлагаться только на государство. В качестве других участников, от которых семье требуется помощь, опрошенные чаще называли бизнес, НКО и объединения самих семей.

С появлением репрезентативных социологических опросов особую актуальность как в России, так и за рубежом, стали приобретать, прежде всего, количественные социологические методы исследования [2; 9; 11]. В то время как качественные методы находились на периферии исследовательских интересов. Однако, как отмечает видный исследователь глубокого интервью и фокус-групп, социолог С. А. Белановский [2], уже в 70-е годы XX века интерес к качественным методам, особенно фокус-группам, значительно возрос. В настоящее время наблюдается смена парадигмы в отношении качественных методов исследования: они считаются не второстепенными, дополняющими количественные методы, а признаются научным сообществом в качестве самостоятельных, репрезентативных (представительных) в тех случаях, когда оценка их репрезентативности производится по соответствующим им критериям.

Исследователи вопроса отмечают, что качественные (неформализованные) методы социологического исследования, в противовес количественным методам, ориентируют не на массовый охват изучаемых объектов, а на достижение глубинного понимания изучаемых социальных явлений и процессов. К качественным методам относят: индивидуальное глубокое и глубинное интервью, включенное неструктурированное наблюдение, изучение личных документов (автобиографий, писем и др.), метод экспертных оценок и др.

Индивидуальное глубокое и глубинное интервью различаются тем, что глубокое интервью использует социологические методы заглабления темы, основанные на технике зондирования; глубинное интервью – психологические методы, используемые для изучения бессознательного в глубинной психологии [2].

При разработке положения методики исследования глубинного интервью необходимо принимать во внимание и выделить: цели и за-

дачи исследования; группы информантов; методы и методики, применяемые в исследовании; способы проектирования выборки; способы кодирования и декодирования полученной информации; разработку гайд-интервью для разных групп информантов.

Качество интервью, т.е. получение открытой и достоверной информации, зависит не только от проработанности его методики, но и от множества других факторов, среди которых атмосфера доброжелательности, тактичное поведение интервьюера, постепенное «вхождение» в тему – от простых вопросов к сложным, отсутствие намеренного или произвольного навязывания интервьюером своей позиции [4, с. 73]. Также имеет значение последовательность задаваемых вопросов, их лаконичность, непротиворечивость. Желательно определение оптимальной продолжительности интервью (не более часа), учет культурно-исторических, национально-этнических, конфессиональных и иных факторов, которые могут оказать влияние не только на результаты глубинного интервью, но и на возможность его фактического проведения. Следует отметить возможность применения новых онлайн-коммуникаций, мессенджеров при проведении глубинного интервью в период пандемии.

Представим авторский инструментарий для проведения глубинного интервью с целью исследования внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения. Актуальность работы обусловлена необходимостью своевременно получать полные, научно обоснованные данные о состоянии и детерминантах демографического развития регионов России и эффективности демографической политики, в частности, при реализации национального проекта «Демография» [17, с. 38–39]. Текущие параметры демографической ситуации в России и ее регионах во многом обусловлены трансформацией демографического поведения населения [1; 17; 18], что нуждается в теоретическом осмыслении. Результаты исследования могут существенно дополнить данные, полученные в ходе всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», и получить ком-

плексное социологическое видение проблемы на основе количественных и качественных методов исследования.

Общие положения методики исследования

Инструментарий для проведения глубинного интервью с целью исследования внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения следующих групп информантов:

- 1) многодетные родители;
- 2) бездетные супруги;
- 3) женщины, которые решились на рождение детей без заключения брака, в том числе не планирующие поддерживать отношения с отцом ребенка;
- 4) супруги, только заключившие брак (молодые семьи) и планирующие родительство;
- 5) последователи идеи чайлдфри.

Метод исследования – глубинное личное интервью (метод отбора информантов – целенаправленный, метод «снежного кома»).

Проектирование выборки (целенаправленный метод отбора) – рекрутинг информантов произведен через социальные сети (как личные социальные связи, так и интернет-сообщества в социальных сетях); в выборку включены представители разных возрастных групп (поколений), проживающие в разных регионах (модели, типизированные регионы):

– 1945–1969 года рождения (взросление совпало с периодом застоя 1964–1985 гг., можно сказать о стабильности в СССР);

– 1970–1984 года рождения (взросление совпало с периодом перестройки 1985–1999 гг., можно сказать о трансформации государства);

– 1985–1993 года рождения (взросление совпало с периодом модернизации 2000-х гг., можно сказать об экономической нестабильности и стабилизации);

– 1994–2002 года рождения (взросление начинается с 2012 и еще не окончено, можно сказать о стабилизации государственных систем).

В каждом регионе первоначально достаточно опросить 25 человек (табл. 1).

Таблица 1 – Структура выборки

Table 1 – Sample structure

Группы респондентов	Год рождения, пол							
	1945 – 1969		1970 – 1984		1985 – 1993		1994 – 2002	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
многодетные родители	1	1	1	1	1	1	1	1
бездетные супруги	1	1	1	1				
женщины, которые решились на рождение детей без заключения брака	—	1	—	1	—	1	—	
супруги, только заключившие брак (молодые семьи)					1	1	1	1
последователи идеи чайлдфри			1	1	1	1		
Всего по региону: 25 чел. (11 муж., 14 жен.)	2	3	3	4	3	4	3	3

Возможно проведение интервью в публичных местах, вне дома, где информанты будут чувствовать себя более свободно (возможно, пандемия повлияет на то, что интервью нужно будет проводить дистанционно), но с обязательной аудио- или видеофиксацией [6; 15]. Все информанты должны быть отобраны из материально благополучных семей, независимо от принадлежности к социальному и профессиональному слою (уровень материального благополучия информантов задается как медианный по региону).

Сравнивая мотивацию, инструментальные и терминальные ценности данных акторов, предполагается выявить, какие факторы повлияли на формирование демографических установок, выбор тех или иных демографических практик, как эти практики реализуются, удовлетворены ли акторы полученными результатами, будут описаны основные паттерны внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения выделенных групп информантов, а также будут выявлены

трудности и перспективы деторождения, специфические условия формирования репродуктивных установок, отношение к проводимой на федеральном и региональном уровнях семейно-демографической политики.

Для изучения репродуктивной мотивации многодетных родителей целесообразно использовать методику реконструкции жизненного пути семьи.

Процедуры осевого кодирования должны быть ориентированы на сравнение реальных практик и стереотипов, транслируемых СМИ, формирующих образ семьи и детности в семье, что позволит обратиться к интерпретации. Интервью помогает информантам систематизировать свой опыт в отношении репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения.

Исследовательская задача – выявить некоторые типичные черты жизненных историй информантов, которые помогли бы объяснить формирование репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения, определить эффективные и ограниченно эффективные практики (эффективность будет рассматриваться через результаты принятых решений, которые информанты оценивают положительно).

Представим возможные варианты гайд-интервью с различными группами респондентов: многодетными родителями; бездетными супругами; женщинами, которые решились на рождение детей без заключения брака; супругами, только заключившими брак (молодые семьи) и планирующими родительство; последователями идеи чайлдфри.

Гайд-интервью с многодетными родителями

1. Как познакомились Ваши родители? Счастливы ли жили вместе/причина развода? Что они вкладывали в понятие счастья? Как заботились о детях? О здоровье? Переезжали ли из одного населенного пункта в другой? С чем были связаны переезды? Как семья переживала переезды? (исследовательский вопрос: чему научил пример родительской семьи в отношении репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения).

2. Ждали ли Ваше рождение близкие, кто именно? Сколько у Вас сестер/братьев? Как ждали их появления? Какие отношения с братьями/сёстрами сейчас? Как часто встречаетесь? (исследовательский вопрос: существует ли взаимосвязь родительского поведения, гендерных установок).

3. Мечтали ли Вы о супружестве? Как Вы представляли супружество, и как вышло на самом деле? Планы в молодости в отношении брака/детей/их количества? Отношение к материнству/ многодетному материнству в юности/молодости и сейчас?

4. Как происходило вступление в брак (как познакомились, жили ли вместе до заключения брака, говорили ли о детях, что планировали и что вышло)?

5. Как протекала беременность? Кто помогал во время беременности? Кто помогал при рождении детей? Кто помогает сейчас?

6. Как Вы сделали выбор в пользу многодетности? Как решились на рождение второго, третьего и последующих детей? Как произошло принятие решения/известия о ребенке/детях Вами и супругом? Планировались ли рождения?

7. Что Вам принесла многодетность? С какими трудностями столкнулись? Отчего получили радость? Как воспринимают Вашу семью окружающие?

8. Как Вы заботитесь о своем здоровье? Спорт? Плановые медицинские осмотры? Сколько лет Вы мечтаете прожить? Здоровы ли Ваши дети? Здоровы ли родители?

9. Были ли в Вашей семье потери ребенка? Прерывание беременности? Как это случилось?

10. Как складывается Ваша карьера? Произошло ли менять место жительства? Как повлияла многодетность на трудоустройство?

11. Получали ли Вы помощь от государства/региона? Как повлияли на Ваше решение меры государственной/региональной поддержки? Какая помощь необходима Вашей семье?

12. Как Вы опишите материальные возможности Вашей семьи? Есть ли у Вас собственное жилье? Как Вы распределяете семейный бюджет, кто вносит основной вклад в семей-

ный бюджет? Помогают ли родственники? Ваше образование и образование супруга?

13. Как Вы проводите свой досуг? Отдыхаете? Ваше отношение к религии?

14. Хотите ли Вы, чтобы у Ваших детей были многодетные семьи?

Гайд-интервью с бездетными супругами

1. Как познакомились Ваши родители? Счастливы ли жили вместе/причина развода? Что они вкладывали в понятие счастья? Как заботились о детях? О здоровье? Переезжали ли из одного населенного пункта в другой? С чем были связаны переезды? Как семья переживала переезды? (исследовательский вопрос: чему научил пример родительской семьи в отношении репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения).

2. Ждали ли Ваше рождение близкие, кто именно? Сколько у Вас сестер/братьев? Как ждали их появления? Какие отношения с братьями/сестрами сейчас? Как часто встречаетесь? (исследовательский вопрос: существует ли взаимосвязь родительского поведения, гендерных установок).

3. Мечтали ли Вы о супружестве? Как Вы представляли супружество, и как вышло на самом деле? Планы в молодости в отношении брака/детей/их количества?

4. Как происходило вступление в брак (как познакомились, жили ли вместе до заключения брака, говорили ли о детях, что планировали и что вышло)?

5. Как случилось, что у Вас нет детей?

6. Были ли попытки рождения ребенка? Почему они были неудачными?

7. Пользовались ли Вы репродуктивными технологиями? Почему они оказались неэффективными? Как работает медицина в РФ?

8. Как Вы заботитесь о своем здоровье? Спорт? Плановые медицинские осмотры? Сколько лет Вы мечтаете прожить? Здоровы ли родители?

9. Сталкиваетесь ли с негативным отношением со стороны близких людей?

10. Задумывались ли Вы об опеке или усыновлении ребенка?

11. Как Вы опишите материальные возможности Вашей семьи? Есть ли у Вас собствен-

ное жилье? Как Вы распределяете семейный бюджет, кто вносит основной вклад в семейный бюджет? Помогают ли родственники? Ваше образование и образование супруга? Какая помощь необходима Вашей семье?

12. Как складывается Ваша карьера? Произошло ли менять место жительства?

13. Как Вы проводите свой досуг? Отдыхаете? Ваше отношение к религии?

Гайд-интервью с женщинами, которые решились на рождение детей без заключения брака

1. Как познакомились Ваши родители/причина развода? Счастливы ли жили вместе? Что они вкладывали в понятие счастья? Как заботились о детях? О здоровье? Переезжали ли из одного населенного пункта в другой? С чем были связаны переезды? Как семья переживала переезды? (исследовательский вопрос: чему научил пример родительской семьи в отношении репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения).

2. Ждали ли Ваше рождение близкие, кто именно? Сколько у Вас сестер/братьев? Как ждали их появления? Какие отношения с братьями/сестрами сейчас? Как часто встречаетесь? (исследовательский вопрос: существует ли взаимосвязь родительского поведения, гендерных установок).

3. Мечтали ли Вы о супружестве? Как Вы представляли супружество, и как вышло на самом деле? Планы в молодости в отношении брака/детей/их количества?

4. Как получилось, что Вы не встретили спутника жизни, который смог бы стать отцом Вашему ребенку? Были ли попытки соединить с кем-то жизнь?

5. Как Вы сделали выбор в пользу рождения ребенка без партнера? Как решились на рождение? Что повлияло на принятие Вами решения? Были ли использованы репродуктивные технологии или беременность спланирована естественным путем?

6. Знает ли отец ребенка о его рождении или Вы сразу расстались с ним, как только узнали о беременности? Поддерживает ли отец ребенка контакт с Вами и/или ребенком?

7. Как Ваше решение оценили Ваши близкие? Как протекала беременность? Кто помо-

гал во время беременности? Кто помогал при рождении ребенка? Кто помогает сейчас? Есть ли у Вас партнер сейчас?

8. Что Вам принесло материнство? С какими трудностями столкнулись? От чего получили радость? Как воспринимают Вашу семью окружающие?

9. Как Вы заботитесь о своем здоровье? Спорт? Плановые медицинские осмотры? Сколько лет Вы мечтаете прожить? Здоров ли Ваш ребенок? Здоровы ли родители?

10. Думаете ли Вы о рождении еще одного ребенка? Были ли до рождения ребенка/после рождения ребенка неудачные беременности, роды или аборт?

11. Как складывается Ваша карьера? Проходило ли менять место жительства? Как повлияло материнство на трудоустройство?

12. Как Вы опишите материальные возможности Вашей семьи? Есть ли у Вас собственное жилье? Как Вы распределяете семейный бюджет, кто вносит основной вклад в семейный бюджет? Помогают ли родственники? Ваше образование и образование супруга?

13. Получали ли Вы помощь от государства/региона? Как повлияли на Ваше решение меры государственной/региональной поддержки? Какая помощь необходима Вашей семье?

14. Как Вы проводите свой досуг? Отдыхаете? Ваше отношение к религии?

*Гайд-интервью с супругами,
только заключившими брак (молодые семьи)
и планирующими родительство*

1. Как познакомились Ваши родители? Счастливы ли жили вместе/причина развода? Что они вкладывали в понятие счастья? Как заботились о детях? О здоровье? Переезжали ли из одного населенного пункта в другой? С чем были связаны переезды? Как семья переживала переезды? (исследовательский вопрос: чему научил пример родительской семьи в отношении репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения).

2. Ждали ли Ваше рождение близкие, кто именно? Сколько у Вас сестер/братьев? Как ждали их появления? Какие отношения с братьями/сестрами сейчас? Как часто встречаетесь? (исследовательский вопрос: существует

ли взаимосвязь родительского поведения, гендерных установок).

3. Мечтали ли Вы о супружестве? Как Вы представляли супружество, и как вышло на самом деле? Ваши планы в отношении брака/детей/их количества? Отношение к материнству/ многодетному материнству? Просят ли Ваши близкие Вас быстрее родить/не спешить с рождением ребенка?

4. Как происходило вступление в брак (как познакомились, жили ли вместе до заключения брака, говорили ли о детях, что планировали и что вышло)?

5. Как Вы опишите материальные возможности Вашей семьи? Есть ли у Вас собственное жилье? Как Вы распределяете семейный бюджет, кто вносит основной вклад в семейный бюджет? Помогают ли родственники? Ваше образование и образование супруга?

6. Как Вы планируете беременность? Какие факторы будут значимым при решении о рождении ребенка? Идеальное и оптимальное количество детей в семье?

7. Рассчитываете ли Вы на помощь от государства/региона? Как повлияют на Ваше решение меры государственной/региональной поддержки? Какая помощь необходима Вашей семье?

8. Как Вы заботитесь о своем здоровье? Спорт? Плановые медицинские осмотры? Сколько лет Вы мечтаете прожить? Здоровы ли Ваши дети? Здоровы ли родители?

9. Как складывается Ваша карьера? Проходило ли менять место жительства?

10. Как повлияло супружество на образ Вашей жизни? Не жалеете ли Вы, что вступили в брак?

11. Как Вы проводите свой досуг? Отдыхаете? Ваше отношение к религии?

*Гайд-интервью
с последователями идеи чайлдфри*

1. Как познакомились Ваши родители? Счастливы ли жили вместе/причина развода? Что они вкладывали в понятие счастья? Как заботились о детях? О здоровье? Переезжали ли из одного населенного пункта в другой? С чем были связаны переезды? Как семья переживала переезды? (исследовательский вопрос: чему научил пример родительской семьи в отношении репродуктивного, матримониального,

самосохранительного и миграционного поведения).

2. Ждали ли Ваше рождение близкие, кто именно? Сколько у Вас сестер/братьев? Как ждали их появления? Какие отношения с братьями/сёстрами сейчас? Как часто встречаетесь? (исследовательский вопрос: существует ли взаимосвязь родительского поведения, гендерных установок).

3. Мечтали/мечтаете ли Вы о супружестве? Как Вы представляли/представляете супружество? Планы в юности/молодости в отношении брака/детей/их количества и планы на сегодняшний день?

4. Есть ли у Вас партнер? Собираетесь ли Вы заключать брак с ним (как познакомились, жили ли вместе до заключения брака, говорили ли о детях, что планировали и что вышло)?

5. Как Вы слышали о движении чайлдфри? Что Вам близко в этом движении? Основные аргументы против рождения детей?

6. Сталкиваетесь ли с негативным отношением к Вашим убеждениям со стороны близких людей?

7. Были ли попытки рождения ребенка? Были ли прерывания беременности?

8. Как Вы заботитесь о своем здоровье? Спорт? Плановые медицинские осмотры? Сколько лет Вы мечтаете прожить? Здоровы ли родители?

9. Задумывались ли Вы об опеке или усыновлении ребенка?

10. Как складывается Ваша карьера? Проходилось ли менять место жительства? Как влияет рождение ребенка на карьеру, по Вашему мнению?

11. Как Вы опишите материальные возможности Вашей семьи? Есть ли у Вас собственное жилье? Как Вы распределяете семейный бюджет, кто вносит основной вклад в семейный бюджет? Помогают ли родственники? Ваше образование? Как влияет рождение ребенка на материальное положение, по Вашему мнению?

12. Как Вы проводите свой досуг? Отдыхаете? Как влияет на проведение досуга рождение детей, по Вашему мнению? Ваше отношение к религии?

13. Есть ли у Вас домашние животные? Как давно? Что дает общение с домашними животными?

Предложенный инструментарий для проведения глубинного интервью способствует изучению таких элементов внутренней мотивации, как потребности и мотивы, ценности, интеракции репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения. Между тем, продолжаются исследования не только в области разработки теоретического инструментария для проведения глубинного интервью по изучаемым темам, но и по его апробации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. (2020). Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 200–217.

2. Белановский С.А. (2018). Глубокое интервью и фокус-группы : Учебное пособие. М. 530 с.

3. Васильева Е.Н., Ростовская Т.К. (2020). Многодетные и двухдетные семьи в современной России: перспективы нейтрализации следующей волны депопуляции // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Федераль-

ный научно-исследовательский социологический центр, Институт социально-политических исследований. С. 103–107.

4. Горшков М.К. (2020). Прикладная социология + практикум в ЭБС : Учебник и практикум для вузов / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги, Б.З. Докторов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт. 334 с.

5. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Архангельский В.Н. (2021). Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2020 / отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова ; ФНИСЦ РАН. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА». 214 с.

6. Саралиева З.Х. (2015). Жизненные миры современной российской семьи : Монография /

З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 264 с.

7. Климантова Г.И. (2019). Национальный проект «Демография»: возможности и социальные риски в его реализации // Апгрейд социальных проектов: этапы стартапа. Обновление 2025 : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. С. 8–12.

8. Климантова Г.И. (2018). Семья в системе социокультурных ценностей современной России // Отечественный журнал социальной работы. № 3 (74). С. 126–130.

9. Климантова Г.И., Черняк Е.М., Щегорцов А.А. (2020). Методология и методы социологического исследования : Учебник для бакалавров. 3-е изд. Москва. 256 с.

10. Кучмаева О.В. (2019). Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни // Экономика. Налоги. Право. Т. 12. № 2. С. 70–82.

11. Кучмаева О.В., Золотарева О.А. (2020). Статистические показатели и методы в социологических исследованиях // I Российско-Иранский социологический форум : Сборник тезисов докладов участников форума. Москва. С. 355–367.

12. Осипов Г.В. [и др.] (2020). Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году : Коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской ; отв. ред. В.К. Левашов. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА». 532 с.

13. Ростовская Т.К., Архангельский В.Н., Князькова Е.А. (2020). Взаимосвязь брачного и репродуктивного поведения // II Всероссийский демографический форум с международным участием : Материалы форума. Москва. С. 127–130.

14. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. (2020). Концептуальные подходы к проведению Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» как инструменту мониторинга результативности демографической политики // Вестник Южно-российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Т. 13. Вып. 3. С. 89–100.

15. Ростовская Т.К., Толмачев Д.П. (2020). Со-

циальные коммуникации населения старшего возраста в г. Москва в условиях COVID-19 // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. № 3 (COVID-19 и мобильность), июнь. С. 174–183.

16. Сотникова Н.Н., Костюков К.И., Свечинская Т.А. (2020). Современная социально-демографическая ситуация в Ставропольском крае // Alma mater (Вестник высшей школы). № 11. С. 109–116.

17. Шабунова А.А., Ростовская Т.К. (2020). О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 4. С. 38–57.

18. Шабунова А.А., Ростовская Т.К. (2020). О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 4. С. 38–57.

19. Явон С.В. (2018). Семейные ценности молодежи : Монография / С.В. Явон. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 150 с.

20. Bagirova A., Shubat O. (2020). Modelling the relationship between demographic structures of the Russian population. Proceedings of the European Council for Modelling and Simulation (ECMS), vol. 34, no. 1, pp. 73–77.

21. Bagirova A., Voroshilova A., Yuzhakova E. (2020). The demographic situation in the mirror of social media: Mixed-methods analysis. Proceedings of the 7th European Conference on Social Media (ECSM), pp. 43–51.

22. Balabanov S.S., Nauk B., Saraliev Z.K.-M. (2009). A typology for the motives to have or not to have children, *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 3, pp. 129–136.

23. Saraliev Z.K.-M., Petrova I.E., Egorova N.Y. (2014). Parenthood and parenting in modern Russia, *Asian Social Science*, vol. 11, no. 3, pp. 255–261.

24. Shubat O., Bagirova A. (2019). Dynamics modeling and the study of birth rate determinants in Russian regions. Proceedings of the European Council for Modelling and Simulation (ECMS), vol. 33, no. 1, pp. 65–70.

25. Shubat O.M. (2019). Regional convergence of fertility in Russia, *Economy of Region*, vol. 15, no. 3, pp. 736–748.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); rostovskaya.tamara@mail.ru.

Васильева Екатерина Николаевна – доктор социологических наук, доцент; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); Волгоградский государственный университет (400062, Россия, Волгоград, пр-кт Университетский, 100); vasilevaen@volsu.ru.

Князькова Екатерина Александровна – кандидат политических наук; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); Российский государственный гуманитарный университет (125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6); eapavlova@bk.ru.

TOOLS FOR IN-DEPTH INTERVIEW TO ANALYZE INNER MOTIVATION OF REPRODUCTIVE, MATRIMONIAL, SELF-PRESERVING AND MIGRATION BEHAVIOR

Т.К. Rostovskaya^{4a}, Е.Н. Vasileva^{5a,b}, Е.А. Knyazkova^{6a,c}

^aFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Institute for Demographic Research

^bVolgograd State University

^cRussian State University for the Humanities

ABSTRACT:

Today it has become especially relevant to study motivation of reproductive, matrimonial, self-preserving and migration behaviors from two perspectives: as independent types of behavior and as elements of the system of demographic behavior. It is caused by the demand from the Russian government to reach the targets of the national project “Demography” and to cope with the demographic consequences of COVID-19 pandemic, as a result of which 51 thousand people died in Russia (as of December 2020). The final impact of the pandemic on the birth rate and reproductive behavior transformation can be assessed later after the birth of the so-called “pandemic” children.

The trends in reproductive, matrimonial, self-preserving and migration behaviors of Russians discussed in the article are revealed on the basis of data obtained in the all-Russian sociological study “Demographic well-being of Russia”, which made the basis for the national demographic report of 2020.

This article provides an overview of different approaches to in-depth interview and the results of in-depth interview design used to analyze intrinsic motivation of reproductive, matrimonial, self-preserving and migration behaviors.

The materials for the study include general provisions of research methodology and an interview guide, that is a manual for interviewers containing a number of questions aimed at revealing intrinsic motivation of reproductive, matrimonial, self-preserving and migration behaviors of parents having many children, childless couples, women who gave birth to children without registration of marriage, newly married couples who are planning to have children and supporters of childfree lifestyle (people who choose not to have children).

⁴RSCI AuthorID: 767943, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018

⁵RSCI AuthorID: 240731, ORCID: 0000-0002-0460-5539, ScopusID: 55611633800, ResearcherID: K-6216-2013

⁶RSCI AuthorID: 785242, ORCID: 0000-0001-7313-8754, ScopusID: 57202401926, ResearcherID: AAV-2422-2020

Application of the method of in-depth interview to assess reproductive, matrimonial, self-preserving and migration behaviors of Russians significantly expands the methodology of all-Russian sociological study “Demographic well-being of Russia”, it identifies and analyzes unique cases and complicated situations having their impact on a person’s behavior, as well as their intrinsic motives and incentives that cannot be revealed with the help of other methods.

The paper might be of interest to demographic experts and practical sociologists who are involved in development of qualitative research methods and other specialists responsible for making managerial decisions in the field of demography on the regional and municipal levels.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 20-18-00256 “Demographic behavior of population in the context of national security of Russia”.

KEYWORDS: in-depth interview, reproductive behavior, matrimonial behavior, self-preserving behavior, migration behavior, interview guide.

FOR CITATION: Rostovskaya T.K., Vasileva E.N., Knyazkova E.A. (2021). Tools for in-depth interview to analyze inner motivation of reproductive, matrimonial, self-preserving and migration behavior, *Management Issues*, no. 1, pp. 103–117.

REFERENCES

1. Arkhangelsky V.N., Kalachikova O.N. (2020). Mother’s age at birth of her first child: dynamics, regional differences, determination, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 13, no. 5, pp. 200–217.
2. Belanovsky S.A. (2018). In-depth interviews and focus groups. Moscow, 530 p.
3. Vasilyeva E.N., Rostovskaya T.K. (2020). Large and two-child families in modern Russia: prospects for neutralizing the next wave of depopulation, State youth policy: national projects 2019–2024 in the social development of youth. In: Proceedings of the Russian scientific and practical conference. Federal Research Sociological Center, Institute for Social and Political Research, pp. 103–107.
4. Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Doktorov B.Z. (2020). Applied Sociology + Workshop in EBS: Textbook and Workshop for Universities. 3rd ed., rev. and add. Moscow, Yurayt. 334 p.
5. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Arkhangelsky V.N. (2021). Demographic well-being of Russian regions. National demographic report – 2020. Moscow, PTH “PERSPECTIVE”, 214 p.
6. Saraliev Z.Kh., Blonin V.A., Egorova N.Yu. (et al.) (2015). The life worlds of the modern Russian family. Nizhny Novgorod, Publishing house of NNSU, 264 p.
7. Klimantova G.I. (2019). National project “Demography”: opportunities and social risks in its implementation. In: Proceedings of the Russian scientific and practical conference with international participation “Upgrade of social projects: stages of a startup. Update 2025”, pp. 8–12.
8. Klimantova G.I. (2018). Family in the system of socio-cultural values of modern Russia, *Domestic journal of social work*, no. 3 (74), pp. 126–130.
9. Klimantova G.I., Chernyak E.M., Shchegortsov A.A. (2020). Methodology and methods of sociological research. 3rd ed. Moscow, 256 p.
10. Kuchmaeva O.V. (2019). The ideal model of a family in the eyes of Russians and a strategy to increase the value of a family lifestyle, *Economics. Taxes. Right*, vol. 12, no. 2, pp. 70–82.
11. Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. (2020). Statistical indicators and methods in sociological research. In: Collection of abstracts of the participants of the 1st Russian-Iranian sociological forum. Moscow, pp. 355–367.
12. Osipov G.V. [et al.] (2020). Russian society and state in the context of a pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020. Moscow, PTH “PERSPECTIVE”, 532 p.
13. Rostovskaya T.K., Arkhangelsky V.N., Knyazkova E.A. (2020). The relationship between marriage and reproductive behavior. In: Proceedings of the 2nd Russian Demographic Forum with International Participation. Moscow, pp. 127–130.
14. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. (2020). Conceptual approaches to conducting the All-Russian sociological research “Demographic well-being of Russia” as a tool for monitoring the effectiveness of demographic policy, *Bulletin of the South Rus-*

sian State Technical University (NPI), Series: Socio-economic sciences, vol. 13, iss. 3, pp. 89–100.

15. Rostovskaya T.K., Tolmachev D.P. (2020). Social communications of the elderly population in Moscow in the conditions of COVID-19, *Scientific Review*, Series 1. Economics and Law, no. 3 (COVID-19 and Mobility), June, pp. 174–183.

16. Sotnikova N.N., Kostyukov K.I., Svechinskaya T.A. (2020). Modern socio-demographic situation in the Stavropol Territory, *Alma mater (Bulletin of the higher school)*, no. 11, pp. 109–116.

17. Shabunova A.A., Rostovskaya T.K. (2020). On the need to develop a model of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 13, no. 4, pp. 38–57.

18. Shabunova A.A., Rostovskaya T.K. (2020). On the need to develop a model of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 13, no. 4, pp. 38–57.

19. Yavon S.V. (2018). Family values of youth. Moscow, Publishing house of the Moscow Humanitarian University, 150 p.

20. Bagirova A., Shubat O. (2020). Modelling the relationship between demographic structures of the Russian population. Proceedings of the European Council for Modelling and Simulation (ECMS), vol. 34, no. 1, pp. 73–77.

21. Bagirova A., Voroshilova A., Yuzhakova E. (2020). The demographic situation in the mirror of social media: Mixed-methods analysis. Proceedings of the 7th European Conference on Social Media (ECSM), pp. 43–51.

22. Balabanov S.S., Nauk B., Saralieva Z.K.-M. (2009). A typology for the motives to have or not to have children, *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 3, pp. 129–136.

23. Saralieva Z.K.-M., Petrova I.E., Egorova N.Y. (2014). Parenthood and parenting in modern Russia, *Asian Social Science*, vol. 11, no. 3, pp. 255–261.

24. Shubat O., Bagirova A. (2019). Dynamics modeling and the study of birth rate determinants in Russian regions. Proceedings of the European Council for Modelling and Simulation (ECMS), vol. 33, no. 1, pp. 65–70.

25. Shubat O.M. (2019). Regional convergence of fertility in Russia, *Economy of Region*, vol. 15, no. 3, pp. 736–748.

AUTHORS' INFORMATION:

Tamara K. Rostovskaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); rostovskaya.tamara@mail.ru.

Ekaterina N. Vasileva – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); Volgograd State University (100, Universitetskiy Av., Volgograd, 400062, Russia); vasilevaen@volsu.ru.

Ekaterina A. Knyazkova – Ph.D. of Political Sciences; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia); eapavlova@bk.ru.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН В РОССИИ

В.Ю. Леденева^{1а}, Б.Т. Бегасилов^б

^аФедеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
Институт демографических исследований

^бУниверситет Нархоз

АННОТАЦИЯ:

В статье проанализирована роль религиозного фактора в вовлечении мигрантов в социокультурную, языковую и этнорелигиозную среду принимающего сообщества, влияние религиозных практик на процессы их интеграции в России. Проведен теоретический анализ транснациональных изменений миграционных процессов в условиях современной глобализации. Современные мигранты порождают новые социальные пространства, формируют и поддерживают многослойные отношения, создают новые модели поведения и транснациональные практики, включая религиозные, которые могут способствовать или, наоборот, препятствовать интеграции мигрантов в новое общество.

Цель статьи – показать, способствует ли религиозная активность транснациональных мигрантов-мусульман их адаптации и интеграции в принимающее общество или, наоборот, создает ситуации, при которых не только не происходит адаптация мигрантов, но, более того, формируется конфликтная среда. На основе вторичного анализа социологических исследований и проведенных авторами экспертных опросов выявлены факторы социокультурной адаптации мигрантов, уровень религиозной активности и связанные с этим риски проявления конфликтных ситуаций.

Результатом исследования является определение основных типовых групп мигрантов по степени их религиозности, а также вывод о том, что религиозность может являться сдерживающим фактором интеграции и зависит от степени религиозной активности мигрантов, поскольку в кругу «своих» (диаспоры или иные религиозные структуры) они не практикуют использование русского языка. Отмечается, что при отсутствии адекватной государственной миграционной политики религиозный фактор может стать причиной обособления мигрантов, формирования негативных стереотипов по отношению к ним со стороны местного населения.

Методологически статья основана на данных федеральных и региональных социологических исследований и экспертных опросов с представителями этнических и религиозных общественных организаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мигранты, религиозный фактор, миграционная политика, адаптация, интеграция, транснационализм, диаспоры.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Леденева В.Ю., Бегасилов Б.Т. (2021). Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России // Вопросы управления. № 1. С. 118–130.

Постановка проблемы

Современный подход к изучению миграции стал причиной появления совершенно новых исследований, которые поставили вопрос о концептуализации миграции через теории транснационализма. Иммигранты XXI века одновременно принадлежат двум общинам: своей исторически родной и новой, чуждой, – однако постепенно они включаются в повсе-

дневные институты страны, в которую они мигрировали. Таким образом, мигранты обеспечивают связь со странами своего происхождения и новой родиной через создание новых социальных практик и институтов.

Транснациональные пространства являются многослойными и многолокальными и включают в себя не только отправляющую и принимающую страны, но и другие части ми-

¹AuthorID РИНЦ: 366610, ORCID: 0000-0002-9478-2917, ScopusID: 57208709009

ра, которые связывают иммигрантов одной и той же нации или одной и той же религии.

В интенсивно развивающемся транснациональном сообществе актуализируется проблема религиозной идентичности, поскольку принадлежность человека к определенной социокультурной группе априори подчеркивает его принадлежность в религиозной общине. Для транснациональных мигрантов религиозный фактор в процессе интеграции в новое общество имеет жизненное значение, т. к. позволяет, с одной стороны, существенно не разрывать родственные, земляческие и религиозные связи со своей родиной, с другой – интегрироваться в определенную религиозную среду. Кроме того, транснациональные взаимосвязи являются для мигрантов ресурсом бесконфликтного проживания в местном сообществе, что при результативном государственном управлении влияет на качество жизни в обществе и снижает социальную напряженность.

Цель исследования – определить роль религиозной идентичности и религиозных практик в интеграции транснациональных мигрантов в российское общество. Для достижения цели поставлено несколько задач: первая состоит в выявлении особенностей религиозной активности или неактивности мигрантов, принятия ими определенных правил поведения. Вторая задача – выяснить, как религиозные особенности мигрантов и их соответствие религиозным обычаям влияют на формирование социальных сетей и интеграцию в принимающее сообщество. Статья основана на вторичных данных федеральных и региональных социологических исследований и экспертных опросов с представителями этнических и религиозных общественных организаций.

Теоретическая основа исследования

Теоретическим основанием исследования выступает теория транснационализма и миграционных сетей. Концепции транснационализма рассматривают миграцию через понимание сущности трансмигрантов, которые живут своей жизнью в транснациональном социальном пространстве и развивают новые структурированные идентичности как для страны происхождения, так и для страны назначения [1, с. 456]. Транснационализм был

определен Линдой Баш и др. как «процессы, которые связывают происхождение мигрантов и общества, в которых они обосновались, формируют и поддерживают многослойные социальные отношения» [2, с. 24]. Транснационализм и религиозная идентичность объединены общей природой [3, с. 988]. Лучшее всего это отражает изменяющийся опыт современных мигрантов: с одной стороны, мигранты сохраняют индивидуальную и коллективную идентичность и основывают свои транснациональные сети на восприятии, что идентичность является общей и обычно связана с культурными и языковыми качествами места происхождения, с другой – создают новую идентичность с иными, не близкими по культуре и религии людьми, но в одном социальном мире [4, с. 227]. Как мигранты идентифицируют себя с той или иной социальной группой? Что позволяет мигрантам интегрироваться в принимающее сообщество или, наоборот, присоединиться к диаспоральным сетям [5, с. 172]?

В теории социальных сетей миграционные сети определяются как «межличностные связи, которые соединяют мигрантов, бывших мигрантов и немигрантов в стране исхода и назначения отношениями родства, дружбы и общего места происхождения. Мигранты неизбежно связаны с немигрантами, и последние опираются на обязательства, вытекающие из родственных и дружеских отношений, для получения доступа к работе и другим формам помощи» [6, с. 448].

Вопросы, связанные с религией и религиозной идентичностью мигрантов, рассматривались российскими учеными [7, с. 6]. Религиозная идентичность представляет объединение тех, кто признает особую систему ценностей, традиций, ритуалов, подразумеваемая сверхэмпирическую действительность [8, с. 17] Религиозная идентичность включает несколько компонентов: когнитивный, этико-аксиологический/ценностный, эмоциональный/аффективный, экзистенциально-психологический и поведенческий [9, с. 79]. Однако эти работы не были сфокусированы на религиозных институтах, таких как общины мигрантов, диаспоры, мечети, региональное лидерство, Духовное Управление мусульман. В исследованиях не изучались транснациональ-

ные исламские сети и мусульманские общины, которые подвергаются диверсификации в условиях конфликтности двух поколений мигрантов: старшего и более молодого. Ни в одном из исследований не освещена роль культурной и религиозной транснациональности современных мигрантов, в то время как успешные транснациональные стратегии включают в себя пересекающиеся культурные, социальные и религиозные навыки адаптации к различным социально-пространственным условиям.

Адаптация и интеграция мигрантов в социум стала жизненно важной задачей, решение которой требует новых управленческих подходов. Потенциалом сглаживания социальных различий и сближения людей разного происхождения наделён интеграционный вариант мейнстриминга – стратегии, предполагающей осуществление инклюзивных инициатив в рамках общей политики принимающих государств, адресуемой всем их жителям, включая мигрантов [10, с. 153]. Пристальное внимание к проблемам адаптации и интеграции мигрантов со стороны отечественных исследователей объясняется тем, что в понятийном аппарате не существует единого понимания этих терминов. Это связано, с первую очередь, со специфическими особенностями межкультурного взаимодействия разных групп мигрантов в России.

Адаптация и обустройство мигрантов на новом месте рассматривается как двойственный процесс приживаемости мигрантов к новым социальным экономическим и биологическим условиям жизни [11, с. 6]. Адаптация мигрантов – процесс приспособления мигрантов к условиям пребывания/проживания на территории вселения, в ходе которого мигранты стремятся освоиться в новой для них обстановке. Интеграция мигрантов – это процесс встраивания мигрантов в систему политических, социально-экономических, информационно-правовых и иных связей и отношений граждан страны приема, осуществляемый в рамках миграционного законодательства и административных процедур получения гражданства страны приема [12, с. 13]. Адаптация – необходимое, но недостаточное условие интеграции [13, с. 444]. В то же время

интеграцию изучают как процесс встречного движения принимающего социума и мигрантов [14, с. 219].

Адаптацию мигрантов необходимо применять исключительно к категориям возвратных мигрантов (трудовые мигранты, беженцы и др.) на стадии их временного пребывания в стране [15, с. 220], интеграцию – только к категориям безвозвратных мигрантов (добровольные переселенцы, беженцы и др.) [16, с. 2172].

Любой социальный процесс имеет и обратную сторону, тем более если речь идет о поликультурных и полирелигиозных обществах. Не все группы мигрантов готовы адаптироваться и интегрироваться в принимающее сообщество, некоторые либо не в состоянии принять нормы поведения и ценности нового общества, либо сознательно игнорируют любые попытки принимающего общества помочь им адаптироваться. Нарушение адаптационных процессов, отчуждение от внешней среды мы рассматриваем как дезадаптацию. Дезадаптация является отклонением от адаптационных процессов и отчуждением от принимающего сообщества. В результате чего мигранты чаще испытывают депрессию и беспокойство, что приводит к размышлениям о смысле жизни. Именно в этот момент усиливается религиозная активность мигрантов, а религиозные практики помогают им преодолеть проблемы, вызванные миграцией.

В России проводится немного исследований о влиянии религиозного фактора на адаптацию/дезадаптацию мигрантов-мусульман [17, с. 82]. В целом, вопросы адаптации достаточно подробно освещены российскими учеными. Однако они касаются, в основном, трех видов адаптации: экономической (жилищное обустройство мигранта, наличие работы), социокультурной (знание русского языка, традиций и культуры России) и правовой (легализация и стабильность правового статуса) [18, с. 108].

В рамках исследования остановимся на оценке роли диаспоры в формировании религиозной идентичности мигрантов. Основной чертой диаспоры является связь с родиной: коллективная память о родине, ее местонахождение, история и достижения, сильное этническое сознание, которое основано на

чувстве дискриминации и проблемных отношений с принимающими сообществами [19, с. 513]. Диаспорический иммигрант не просто идентифицируется как член этнической группы, он сильно привязан к этой общине [20]. В стране назначения важна роль диаспоральных организационных связей, которые выступают основной движущей силой механизма миграции и становятся источником ресурсов (финансовых, информационных, административных) [21, с.116].

Сегодня новые диаспоры превращаются в новый тип транснациональных сообществ [22, с. 294], а пространство диаспоры становится транснациональным пространственным типом [23, с. 490].

Методы и данные

В сентябре 2020 года был проведен опрос членов экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН)². Эксперты отметили значительную роль диаспор в повседневной жизни мигрантов в России. В последние годы качественно изменилась работа диаспор, в том числе: усиление их ответственности за поведение своих соотечественников, прибывших из-за рубежа; активность в области адаптации и интеграции; ответственность за освоение мигрантами русского языка на курсах, организованных диаспорой; участие диаспор в мероприятиях по противодействию нелегальной миграции.

В то же время, по результатам социологического мониторинга, ежегодно проводимого ВЦИОМ, россияне продолжают испытывать неприязнь к мигрантам-мусульманам.

В ноябре 2019 г. по заказу ФАДН ВЦИОМ провел общероссийский опрос о состоянии межнациональных отношений в России. Отдельным блоком рассматривалось отношение россиян к религии, вере и к мигрантам³.

В целом, неприязнь к представителям других религий/религиозных течений испытывают лишь 7,8 % россиян. Среди православных доля людей с религиозными предубеждениями

составляет 9,2 %, среди мусульман – 1,6 %, среди представителей других конфессий – 7,2 %. В качестве объектов неприязни чаще всего упоминаются «исламисты» и «мусульмане». Однако отмечено, в сравнении с православными мусульмане проявляют более открытые, толерантные установки в отношении людей других национальностей.

89 % россиян не испытывают негатива к представителям иных религий/религиозных течений, что говорит о высоком уровне религиозной толерантности в России.

В то же время россияне отметили интенсивность религиозной активности мигрантов. Действия мигрантов не провоцируют конфликтность в межнациональных и межрелигиозных отношениях, но, по мнению большинства опрошенных, необходим контроль, позволяющий предупредить ее возможную радикализацию.

Масштабы присутствия мигрантов особенно настораживают наименее обеспеченные круги населения – тех, кто может реально конкурировать с мигрантами на рынке и кто, скорее, проигрывает, чем выигрывает от их присутствия. Исследования показывают, что вовлечение мигрантов в религиозные практики отражается на их трудовой деятельности [24, с. 121]. Успешные на рынке труда мигранты предпочитают «своих» по принципу родства и религии. В то же время исследования обнаруживают связь религиозной активности мигрантов и нелегального бизнеса, построенного на родственных и религиозных связях.

Чем больше мигрантов, тем более критически оценивают ситуацию респонденты в области межнациональных конфликтов и чаще допускают вероятность серьезных конфликтов на межнациональной почве, что становится препятствием для интеграции мигрантов в локальные социумы. Уже многие годы мигрантофобии направлены, в первую очередь, на мигрантов из среднеазиатских государств. Согласно опросу ВЦИОМ, в ответах на вопрос, въезд в Россию представителей каких стран

²Всего опрошено 49 чел. в 20 регионах Российской Федерации.

³Объем – 2000 человек. Репрезентативная выборка национального масштаба основана на данных статистики (переписи населения) и состоит из 200 кластеров (единиц выборки). Выборка является многоступенчатой, стратифицированной и случайной с элементом целенаправленного отбора. Выборка репрезентирует не только население в целом, но и основные национальные группы, представленные в отобранных кластерах и Российской Федерации в целом.

является нежелательным, на первых двух местах – представители Таджикистана и Узбекистана, на третьем – Украины, на четвертом – США, на пятом – Китая; выходцы из Киргизии – на девятом месте.

Местное население в большинстве своем воспринимает мигрантов как носителей чуждой культуры, источник распространения преступлений, причину потери рабочих мест и снижения оплаты труда, угрозу распространения инфекционных заболеваний. В свою очередь и мигранты, видя негативное отношение к себе со стороны основной массы местного населения, ведут себя порой дерзко по отношению к нему, попирают местные традиции, культуру и законы страны приема. Таким образом, отсутствие у иммигрантов глубоких социальных корней на новом месте жительства, труднопреодолимые культурные и социально-экономические барьеры между ними и местным населением вынуждают мигрантов объединяться, чтобы коллективно решать общие проблемы.

Пандемия 2020 г. внесла серьезные коррективы в регулирование миграционных потоков. После принятия ограничительных мер и закрытия границ в марте 2020 г., численность внешних мигрантов в Российской Федерации сократилась более чем в два раза. Предстоит еще проанализировать официальные данные о динамике миграционных потоков в период карантина, поэтому обратимся к цифрам отчетного периода 2019 года.

По данным Главного управления по вопросам миграции МВД (ГУВМ МВД)⁴ в 2019 году на миграционный учет было поставлено 19 518 304 чел., что на 9 % больше, чем в 2018 году. В миграционных картах цель въезда «Работа» указали 5 478 249 чел. Если сравнить данные ГУВМ МВД о выдаче разрешительных документов на работу в 2019 году, мы получим следующие цифры:

- оформлено разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, всего – 126 879;
- оформлено патентов иностранным гражданам и лицам без гражданства, всего – 1 767 254 чел.

Таким образом, если сложить эти цифры, официальные документы на работу получило 1 894 133 человек, всего лишь 34 % от общего количества мигрантов, заявивших цель въезда «Работа», тогда как 3 584 116 человек (66 %), скорее всего, официально не оформляли разрешительные документы на работу и осуществляют трудовую деятельность на территории Российской Федерации незаконно. Это очень важный момент для нашего исследования, т. к. вопрос легализации мигрантов – это первоначальный и обязательный этап их пребывания в России, от которого зависит как будет складываться трудовая деятельность мигранта, какие у него будут возможности и какую стратегию он выберет для бесконфликтного пребывания в принимающем сообществе адаптационную или дезадаптационную.

Из основных мусульманских стран СНГ: Киргизии, Таджикистана и Узбекистана – было поставлено на миграционный учет 8 550 162 чел., что составляет примерно 43 % от общего количества въехавших мигрантов. Из них цель въезда «Работа» указали 3 740 427 чел. К сожалению, статистические данные на официальных порталах не позволяют отследить количество легально трудоустроенных мигрантов из стран Центральной Азии, мы можем только констатировать общую тенденцию трудоустройства мигрантов, значительное количество которых пребывает и работает на территории Российской Федерации нелегально, вне правовых практик. По заявлениям официальных представителей ГУВМ МВД, нелегальных мигрантов в России около 3 миллионов чел.

Как правило, вновь прибывшие трудовые мигранты из стран Средней Азии не имеют опыта жизни в инокультурной среде, что приводит к росту социальной и межнациональной напряженности. Среди основных проблем, этому способствующих, следующие:

- мигранты отрываются от привычного социального окружения и оказываются в иной этнокультурной и языковой среде;
- у иностранцев отсутствует мотивация к адаптации в условиях развитой сети этнических диаспор с высоким уровнем социальной автономии;

⁴Официальные данные ГУВМ МВД // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/>.

– создаются формы пространственной сегрегации и анклавизации в результате выбора мигрантами стратегии совместного расселения для сохранения традиционной религиозной модели поведения;

– правовой нигилизм иностранных граждан и присутствие в их среде нелегальных мигрантов создает благоприятную среду для формирования теневой экономики и коррупционных проявлений;

– члены семей мигрантов (чаще дети) испытывают проблемы, способствующие их дезадаптации, а для второго поколения, изначально оторванного от родины, данные проблемы проявляются значительно острее.

По мнению экспертов ФАДН, особую обеспокоенность вызывают территории, в которых «анклавно» проживают представители Средней Азии и Закавказья, а сами территории постепенно превращаются в очаги распространения несвойственных этим народам форм ислама. Отмечается рост числа представителей нетрадиционного ислама, ориентированных на другие мусульманские ценности, чем представители традиционного ислама. Это ведет к разрыву семейных связей, к локальным столкновениям на религиозной почве. Религиозно активные мигранты стремятся отстаивать правоту своей религии и религиозный образ жизни в стране приема.

В таком контексте чаще всего негативное отношение местного населения проявляется к представителям таких национальностей, как киргизы, таджики, узбеки, в меньшей степени – казахи, азербайджанцы и армяне. Негативное восприятие мигрантов превалирует и, скорее всего, это связано с «накопительным эффектом», вследствие которого возможны социальная напряженность и межэтнические конфликты. В данной ситуации отчуждение мигрантов от принимающего сообщества является гораздо более частым сценарием, чем адаптация или интеграция.

В целях выявления религиозных практик и анализа эффективности механизмов социальной адаптации мигрантов-мусульман Уральским государственным горным университетом в марте – апреле 2018 года был проведен

социологический опрос мигрантов из стран Центральной Азии и Азербайджана⁵. Не затрагивая социальные характеристики респондентов, обратимся к выводам авторов исследования, касающихся религиозных практик мигрантов. По результатам исследования, больше 79 % опрошенных считают себя верующими, но либо соблюдают не все обряды (44 %), либо не соблюдают их вовсе (35 %) [25, с. 168]. 24 % опрошенных мигрантов строго соблюдают пятикратное совершение намаза, около 30 % заявили, что совершают намаз не постоянно, 43 % вообще не совершают ежедневный намаз. Только 5 % опрошенных посещают мечети чаще чем один раз в неделю, 17 % посещают мечети только во время пятничного намаза. Однако нельзя делать вывод, что остальные мигранты не проводят религиозные обряды. Они совершают намаз дома или на рабочем месте. 37 % опрошенных ответили, что посещают мечеть только во время крупных праздников, и 38 % вообще не посещают или делают это очень редко. К официальным имамам мечетей обращаются 28 % мигрантов. Почти 90 % опрошенных трудовых мигрантов ответили, что не употребляют в пищу свинину. 66 % считают обязательным ношение хиджаба для мусульманок (против – чуть более 30 %).

Таким образом, авторы исследования констатируют, что ислам является важной частью жизни мигрантов, 100 % опрошенных считают себя верующими и признают значимость религиозных традиций. От 20 до 30 % опрошенных стараются придерживаться религиозных обрядов, предписываемых исламом. Их количество увеличивается примерно в два раза во время месяца Рамадан. Даже не полностью придерживаясь религиозных обрядов, большинство по религиозным соображениям не употребляет алкоголь, хотели бы совершить хадж, поддерживает ношение хиджаба женщинами, празднование Маулида ан-Наби и др. традиций. В то же время от 10 до 20 % мигрантов выбирают светский образ жизни, который является характерным для принимающего общества (не соблюдают религиозных обрядов, употребляют алкоголь и свинину), но при этом не порывают с исламской традицией.

⁵Опрос проведен в марте – апреле 2018 г. в г. Екатеринбурге методом квотной случайной выборки. Общее количество опрошенных составило 200 человек.

Взаимоотношения мигрантов-мусульман и их российских единоверцев

Избежать проблем мигрантам-мусульманам в период первичной адаптации могут помочь российские мусульмане, которые подскажут, как лучше подготовиться к проживанию в российских реалиях. Тема взаимоотношений мигрантов-мусульман и их российских единоверцев поддерживается во многом за счет активных действий коренных мусульман, помогающих приезжающим в страну мигрантам-единоверцам адаптироваться к российским условиям.

Как же российские мусульмане относятся к своим единоверцам из бывших советских республик? Прежде всего нужно сказать, что наши соотечественники исламской веры не едины и могут сильно отличаться друг от друга. В состав уммы входят люди различных национальностей, и живут они в абсолютно разных регионах, отличающихся экономическим благополучием. К тому же в стране сложилась сложная система религиозной власти. Наряду с двумя конкурирующими организациями – старым Центральным духовным управлением мусульман и новым Советом муфтиев – которые примерно равны по влиянию, имеются также много локальных духовных управлений и лидеров, в основном, на Северном Кавказе.

Российские мусульмане живут у себя дома, и у них нет другой родины. Многовековые религиозные традиции сформировали в России мультикультурное общество. Однако российские мусульмане с некоторым предубеждением относятся к внешним мигрантам-мусульманам, что связано, скорее всего, с низкооплачиваемой работой мигрантов. В целом, это обычная ситуация, когда местные жители независимо от религиозной принадлежности выражают негативное отношение к приезжим рабочим.

В отличие от православных россиян мусульманероссияне: татары, башкиры и жители кавказских республик – имеют возможность встретиться с мигрантами на проповедях в мусульманских мечетях. В последние годы из-за наплыва мигрантов многие имамы испытывают обеспокоенность: если раньше мечетей в Москве было достаточно, то теперь они заняты, в основном, приезжими, и

исламскому духовенству приходится подстраиваться под новых верующих. Это не приводит к особым конфликтам, но является причиной для скрытого недовольства тем фактом, что старые привычки уходят в прошлое. Наблюдения показывают, что жители кавказских республик относятся к людям из Средней Азии более доброжелательно, чем уроженцы-мусульмане с Урала или Поволжья. Татары и башкиры считают себя европейцами, в то время как кавказцы не отрицают, что они люди восточные и потому ближе воспринимают азиатские обычаи, особенно в том, что касается веры и бытового общения. Они не склонны проводить параллели «свой – чужой» и считают мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии своими единоверцами.

Свое отношение к нуждам мигрантов из Центральной Азии проявило руководство российских мусульман в период закрытия границ. Так, во время первой волны коронавируса, когда приезжие лишились источников пропитания, но не могли уехать, отечественные мусульманские общины оказывали всестороннюю помощь, обеспечивали продуктами, тем самым выполняя свой долг по отношению к единоверцам. Общность с единоверцами — один из основных показателей религиозной идентичности.

Сетевые сообщества и типология групп мигрантов

Ввиду отсутствия у этнических общин в России развитой инфраструктуры для «своих» основным механизмом адаптации выступают родственные, клановые и национальные связи, то есть сетевые группы. Участие мигрантов в социальных сетях и сетевых сообществах происходит, когда они стоят перед выбором и делают этот выбор в пользу этнического сообщества, а не принимающего общества. Абразивное отношение со стороны принимающего общества является основной причиной сильной солидарности внутри групп мигрантов, что приводит к сплоченным сообществам мигрантов. Этот сценарий отчуждения довольно распространен. Только 8 % всех мигрантов из Центральной Азии окружены русскими на рабочем месте, почти 60 % работают в среде мигрантов и около 30 % работают в смешанной среде. Небольшое чис-

ло рабочих-мигрантов достаточно интегрированы, имеют русских друзей, доступ к медицинским и другим услугам, посещают местные культурные мероприятия. Эти тенденции меняются в последнее десятилетие очень медленно [26, с. 165].

Религиозные верования и обычаи могут служить стабилизаторами для иммигрантов, чтобы приспособиться к своему новому дому. На раннем этапе мигранты ищут жилье и работу, школьное образование для детей, способы изучения языка принимающей страны и места для общения через родственные и дружественные связи. Мечети и другие религиозные учреждения могут оказывать неоценимую помощь в решении практических вопросов новичков.

Анализ отечественных социологических исследований, собственные исследования авторов статьи и опыт взаимодействия с общественными религиозными организациями, позволяет утверждать, что существует как минимум три категории мигрантов, которые характеризуются разным отношением к религии в целом и к исламу в частности. В ходе региональных встреч по проблемам адаптации и интеграции трудовых мигрантов авторами было опрошено 56 представителей этнических общественных и религиозных организаций, диаспор, а также женщин и мужчин из числа трудовых мигрантов в России. Частота религиозных практик и знание религиозных правил явились основой для классификации групп. Различные типы религиозной идентичности в каждой группе предоставляют разные ресурсы и разные ограничения на интеграцию.

Первая наиболее адаптивная группа мало интересуется религиозными вопросами и безразлична к религиозным верованиям. Эти мигранты не следуют исламским правилам и традициям, за исключением похорон. В эту группу могут входить мигранты разных национальностей, но наблюдения показывают, что киргизов в ней больше, чем таджиков и узбеков.

Опыт работы с киргизскими общественными организациями показал, что среди киргизов достаточно много образованных и культурно воспитанных мигрантов, особенно женщин. Нерелигиозные мигранты обычно приезжают из большого города, и многие из них

имеют высшее образование. У себя на родине они, как правило, занимали должности, соответствующие среднему статусу, например, учителя в школе. Приезжая в Россию, они прилагают все усилия для интеграции в российское общество. Они говорят на хорошем русском языке и легко общаются. Они стараются соблюдать законодательство и мотивированы на скорейшую адаптацию своей семьи, что проявляется в огромном желании выучить русский язык, особенно это важно для детей. Одна из киргизок объяснила это так: «Я не хочу, чтобы мой ребенок отставал в школе по программе, и не хочу, чтобы над ним смеялись дети, если он будет плохо говорить по-русски». Ислам не играет никакой важной роли в расширении их сетей общения и взаимной поддержки.

Следующая группа мигрантов имеет некоторую приверженность к исламским традициям, например, отмечают большие праздники и время от времени ходят в мечеть (в основном в праздничные дни). Их социальное происхождение очень разнообразно, но большинство из них приезжают из больших и малых городов и имеют высшее образование и (или) профессиональный опыт работы. Люди этой группы могут быть далее разделены между теми, кто стал более религиозным в результате миграции в Россию, и теми, кто стал менее религиозным. Однако, если в этой группе мигранты испытывают отчуждение, тоску по прежней жизни, лишения из-за потери прежнего социального окружения, они могут испытывать депрессию и, в конечном итоге, обратиться к Богу. Религия помогает им преодолеть проблемы, вызванные миграцией, а ислам служит моральной поддержкой, уменьшая бремя их отчуждения. Они могут полностью дезадаптироваться в российском обществе и интегрироваться в мусульманское общество, что повышает их религиозность.

И, наконец, третья группа, в которую входят мусульманские сильно религиозные мигранты. Они соблюдают все религиозные традиции, постятся, отмечают все мусульманские праздники и часто ходят в мечети. Эти мигранты были религиозными до того, как они переехали в Россию – обычно из небольших городов и деревень. Их социальное происхож-

дение менее разнообразно: большинство из сельской местности и имеют низкий уровень образования. Они создают небольшие комнаты для молитвы несколько раз в день. Как правило, эти мигранты образуют сообщества или сети, в которых их совместные усилия часто успешно решают различные проблемы, возникающие в результате миграции. Эти сообщества позволяют формировать новые религиозные практики, объединяющие те, которые происходят из родных стран, и те, которые происходят в результате адаптации к особенностям России. Религия объединяет как новых мусульман-мигрантов, так и тех, кто уже достаточно долго находится в России.

Мы можем утверждать, что исламское общество создает необходимые границы деятельности для мигрантов и позволяет им ориентироваться в окружающей реальности. Эквивалентом хорошей репутации человека является соблюдение им норм исламской этики и практики преданного служения, такие как ежедневная молитва.

Миграция рабочей силы является благоприятной почвой для развития транснациональных религиозных сетей. Мигранты создают краткосрочные социальные связи и часто работают в неформальном сегменте рынка труда, поэтому они испытывают острое отсутствие доверия. В свою очередь, религиозные сети решают проблемы трудоустройства и жизнеобеспечения мигрантов, а исламская этика воздействует на развитие мигрантских религиозных сетей.

Рост мигрантских сетей, замкнутых этнических сообществ, поддерживающих и воспроизводящих определенную социально-культурную среду, происходит во всех федеральных округах, но особенно интенсивно в Центральном Федеральном округе (Тульская, Калужская области).

К сожалению, государство пока не справляется с решением задач по адаптации и интеграции мигрантов-мусульман в России. Отсутствует нормативно-правовая база регулирования этой сферы, поэтому основную ответственность в этом направлении несут мусульманские организации и религиозные общины

мусульман, которые организуют собственную альтернативную религиозную инфраструктуру. В Духовном собрании мусульман России (ДСМР) отмечали, что именно в сфере трудовой миграции сфокусированы наиболее серьезные проблемы и вызовы общественно-политического и социально-экономического характера. В связи с этим в июле 2020 года ДСМР запустил межрегиональный проект «Центр правовой защиты и культурной адаптации мигрантов», к которому подключились уже 24 региона России, открывших в рамках проекта горячие линии. По словам эксперта, мигрантам помогают и советом на расстоянии, и на местах – в приходах и мечетях⁶.

Не хватает информационно-консультационных центров поддержки мигрантов. Альтернативой центрам выступает религиозная инфраструктура, которую создают сами мигранты – «параллельные миры», где мигранты решают свои насущные проблемы, развлекаются, лечатся, учатся и молятся.

Религиозная община мигрантов-мусульман не является основной в силу интенсивности изменения миграционных потоков, но, безусловно, ислам и религиозная идентичность являются одними из основных факторов для самооценки мигранта и понимания своего положения в стране пребывания.

Заключение

Анализ религиозных практик мигрантов-мусульман из стран Средней Азии в Россию позволили выявить основные причины их слабкой интеграции в российское общество, чем, например, культурно близких нам мигрантов из Украины или Молдовы.

Раскрыта роль религиозного фактора в жизни мигрантов из Центральной Азии в России. Религия является важным контекстом формирования солидарности между мигрантами разных национальностей и стран. Посещение мечети может служить ресурсом для интеграции мигрантов через социальные сети. Религия также выполняет психологические функции, повышая способность противостоять отчуждению, формируя чувство принадлежности к тесному сообществу и помо-

⁶Мусульмане в России должны помогать работать с мигрантами // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201219/migranty-1590052950.html>.

гая выживать в российской среде. Одна из основных причин закрытости мусульманских мигрантских сообществ связана с политикой правительства. Без социокультурного, языкового и правового образования или программ интеграции невозможно достичь гармоничного развития общества. Образование также оказывает важное влияние на процесс интеграции. Более образованные люди всегда лучше понимают другие культуры, и их адаптация к различиям проходит быстрее.

Концептуальными остаются вопросы формирования модели управления миграционными процессами, направленной на решение проблем интеграции мигрантов как фактора современной этнической мобильности, а также реализация эффективных практик противодействия формированию этнических анклавов. Авторитетное слово священников и мусульманских духовных лидеров, побуждающих

к миру и согласию, способно стать существенным стимулятором межэтнического согласия.

Главный вывод исследования заключается в особом значении религиозного фактора в жизни трудовых мигрантов. Растущая напряженность среди мигрантов из-за несправедливого обращения на рабочем месте, слабой интеграции и нетерпимости российских граждан может стать источником консолидации мигрантов на общем фоне. Этот фон может быть религиозным, но использовать его можно в политических целях. Это необходимо учитывать при формировании и реализации государственной миграционной политики. Полученные результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти при разработке программ и мероприятий, направленных на социокультурную адаптацию мигрантов и их интеграцию в российское общество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Glick-Schiller N. (2005). Transnational social fields and imperialism: Bringing a theory of power to transnational studies, *Anthropological Theory*, vol. 5, no. 4, pp. 439–461.
- Basch L., Glick Schiller N., Szanton-Blanc C. (1994). *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. Langhorne, PA: Gordon and Breach, 329 p.
- Vertovec S. (2004). Migrant transnationalism and modes of transformation, *International Migration Review*, vol. 38, no. 3, pp. 970–1001. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00226.x.
- Heisler M.O. (2001). Now and then, here and there: Migration and the transformation of identities, borders, and orders, In: Albert M., Jacobson D. & Lapid Y. (eds.). *Identities, Borders, Orders*. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 225–248.
- Bradatan C., Popan A., Melton R. (2010). Transnationality as a fluid social identity, *Social Identities*, vol. 16, no. 2, pp. 169–178.
- Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal, *Population and development review*, vol. 19, no. 3, pp. 431–466.
- Yusupova G. (2013) The Influence of Islam on Social Networks of Low-Skilled Migrants from Central Asia to Russia. MPC Analytical and Synthetic Note 2013/01, 7 p.
- Мчедлов М.П. (2008). Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия ее объективного анализа // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М. : Институт социологии РАН. С. 13–33. ISBN 978-5-89697-154-2.
- Вавилова Е.Ю., Хандулова Е.Н. (2018). Религиозная идентичность: современные подходы // *Инновационная наука*. № 7-8. С. 78–81.
- Ивахнюк И.А. (2020). Интеграция иммиграционных обществ: обновление подходов // *Вестник Российской академии наук*. № 2. С. 148–159.
- Ионцев В.А. (2018). Вопросы теории и практики адаптации и интеграции мигрантов на Евразийском пространстве // *Теория и методология исследования миграционный процессов*. С. 5–10.
- Леденева В.Ю., Кононов Л.А. (2021). Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России : Монография. М. : РУДН. 296 с. : ил.
- Мукомель В.И. (2016). Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к

оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся. М. : Новый хронограф. Вып. 14. С. 411–467.

14. Мухаметшина Н.С. (2019). Модель социальной интеграции, адаптации и аккультурации трудовых мигрантов в современном мире // Самарский научный вестник. № 4. С. 218–221.

15. Юдина Т.Н. (2004). Социология миграции: к формированию нового научного направления : Монография. М. : Дашков и Ко. 333 с.

16. Kononov L.A., Ledeneva V.Yu. (2019). Development of theoretical provisions on the adaptation and integration of migrants, *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, vol. 12, no. 12, pp. 2170–2181. DOI: 10.17516/1997-1370-0413.

17. Солодова Г.С. (2010). Мигранты-мусульмане – установки и практики в контексте российского общества // Вестник НГУ. Серия: Философия. Т. 8. Вып. 3. С. 77–83.

18. Рязанцев С.В. (2018). Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. № 1. С. 105–111.

19. Cohen R. (1996) Diasporas and the nation-state: From victims to challengers, *International Affairs*, vol. 72, no. 3, pp. 507–520.

20. Özkul D. (2012). Transnational migration Research, *Sociopedia.isa*, January, 2012. DOI: 10.1177/2056846012111.

21. Антошук И.А., Леденева В.Ю. (2019). Из России в Великобританию: о механизмах ми-

грации молодых ученых в области компьютерных наук // Социологические исследования. № 2. С. 108–118. DOI: 10.31857/S013216250004015-9.

22. Guarnizo L.E. (1997). The emergence of a transnational social formation and the mirage of return migration among Dominican transmigrants, *Identities*, vol. 4, no. 2, pp. 281–322.

23. Dahlman C. (2004). Diaspora. In: Duncan J., Johnson N. & Schein R. (eds.). *A Companion to Cultural Geography*. Oxford: Blackwell, pp. 485–498.

24. Кириллова А.И. (2016). Вовлеченность в религиозные практики как фактор интеграции мигрантов // Социологические исследования. № 2. С. 119–128.

25. Старостин А.Н., Холикова Ш.А. (2018). Религиозные практики мигрантов из Центральной Азии и Азербайджана в Свердловской области (по материалам социологического исследования) // VII Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Челябинск : Челябинский государственный университет. С. 160–178.

26. Олимов М.А., Олимова С.К. (2019). Трансформация идентичности в миграции: этничность и религия (на примере таджикской трудовой миграции в России) // Вестник Томского государственного университета. История. № 59. С. 158–167.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); vy.ledeneva@yandex.ru.

Бегасилов Бакытжан Тастыбаевич – Университет Нархоз (050035, Казахстан, Алматы, ул. Жандосова, 55); bakytzhan.begassilov@narхоз.kz.

INFLUENCE OF RELIGIOUS FACTOR ON THE INTEGRATION OF MUSLIM MIGRANTS IN RUSSIA

V.Yu. Ledeneva^{7a}, B.T. Begassilov^b

^aFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Institute for Demographic Research

^bNarxoz University

ABSTRACT:

The article analyzes the role of the religious factor in the involvement of migrants in the socio-cultural, linguistic and ethno-religious environment of the host community and the influence of religious practices on their integration into the Russian society. A theoretical analysis of transnational changes in migration processes in the context of modern globalization is carried out. Modern migrants create new social environment, form and maintain multi-layered relationships, create new patterns of behavior and transnational practices, including religious ones, which can facilitate or, conversely, hinder their integration into a new society.

The purpose of the article is to find out if religious activity of transnational Muslim migrants helps their adaptation to and integration into the host society, or, on the contrary, it creates situations in which not only the adaptation of migrants becomes impossible, but there appears a conflict. On the basis of a secondary analysis of sociological research and expert polls conducted by the authors, the factors of sociocultural adaptation of migrants, the level of religious activity and the associated risks of manifestation of conflict situations have been revealed.

The result of the study is identification of the main typical groups of migrants according to the degree of their religiosity, as well as the conclusion that religiosity is a constraining factor in integration: religious migrants adapt to society with the help of the diaspora or religious groups, but they practically do not integrate into society, since they do not speak the Russian language and do not know Russian culture and traditions. It is noted that in the absence of an adequate state migration policy, the religious factor can become the reason for the isolation of migrants and formation of negative stereotypes about them on the part of the local population.

Methodologically, the article is based on the data from federal and regional sociological and expert polls with representatives of ethnic and religious public organizations.

KEYWORDS: migrants, religious factor, migration policy, adaptation, integration, transnationalism, diaspora.

FOR CITATION: Ledeneva V.Yu., Begassilov B.T. (2021). Influence of religious factor on the integration of Muslim migrants in Russia, *Management Issues*, no. 1, pp. 118–130.

REFERENCES

1. Glick-Schiller N. (2005). Transnational social fields and imperialism: Bringing a theory of power to transnational studies, *Anthropological Theory*, vol. 5, no. 4, pp. 439–461.
2. Basch L., Glick Schiller N., Szanton-Blanc C. (1994). *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. Langhorne, PA: Gordon and Breach, 329 p.
3. Vertovec S. (2004). Migrant transnationalism and modes of transformation, *International Migration Review*, vol. 38, no. 3, pp. 970–1001. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00226.x.
4. Heisler M.O. (2001). Now and then, here and there: Migration and the transformation of identities, borders, and orders, In: Albert M., Jacobson D. & Lapid Y. (eds.). *Identities, Borders, Orders*. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 225–248.
5. Bradatan C., Popan A., Melton R. (2010).

⁷RSCI AuthorID: 366610, ORCID: 0000-0002-9478-2917, ScopusID: 57208709009

Transnationality as a fluid social identity, *Social Identities*, vol. 16, no. 2, pp. 169–178.

6. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal, *Population and development review*, vol. 19, no. 3, pp. 431–466.

7. Yusupova G. (2013) The Influence of Islam on Social Networks of Low-Skilled Migrants from Central Asia to Russia. MPC Analytical and Synthetic Note 2013/01, 7 p.

8. Mchedlov M.P. (2008). General questions of religious identity. To the formulation of the problem, the conditions for its objective analysis. In: Mchedlov M.P. (ed.). Religion in the self-consciousness of the people (the religious factor in identification processes). Moscow: Institute of Sociology RAS, pp. 13–33. ISBN 978-5-89697-154-2.

9. Vavilova E.Yu., Khandulova E.N. (2018). Religious Identity: Modern Approaches, *Innovative Science*, no. 7-8, pp. 78–81.

10. Ivakhnyuk I.A. (2020). Integration of immigration societies: updating approaches, *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 148–159.

11. Iontsev V.A. (2018). Issues of theory and practice of adaptation and integration of migrants in the Eurasian space, *Theory and methodology of the study of migration processes*, pp. 5–10.

12. Ledeneva V.Yu., Kononov L.A. (2021). State and municipal regulation of the adaptation and integration processes of migrants in modern Russia. Moscow: RUDN, 296 p.

13. Mukomel V.I. (2016). Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to assessing performance and the role of the host society, *Reforming Russia*, no. 14, pp. 411–467.

14. Mukhametshina N.S. (2019). Model of social integration, adaptation and acculturation of labor migrants in the modern world, *Samara Scientific Bulletin*, no. 4, pp. 218–221.

15. Yudina T.N. (2004). Sociology of Migration: Towards the Formation of a New Scientific Direction. Moscow: Dashkov and Co, 333 p.

16. Kononov L.A., Ledeneva V.Yu. (2019). Development of theoretical provisions on the adaptation

and integration of migrants, *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, vol. 12, no. 12, pp. 2170–2181. DOI: 10.17516/1997-1370-0413.

17. Solodova G.S. (2010). Muslim migrants – attitudes and practices in the context of Russian society, *Herald of NSU. Series: Philosophy*, vol. 8, no. 3, pp. 77–83.

18. Ryazantsev S.V. (2018). Integration of migrants in the context of Russia's foreign migration policy, *Sociological studies*, no. 1, pp. 105–111.

19. Cohen R. (1996) Diasporas and the nation-state: From victims to challengers, *International Affairs*, vol. 72, no. 3, pp. 507–520.

20. Özkul D. (2012). Transnational migration Research, *Sociopedia.isa*, January, 2012. DOI: 10.1177/2056846012111.

21. Antoshchuk I.A., Ledeneva V.Yu. (2019). From Russia to Great Britain: on the mechanisms of migration of young scientists in the field of computer science, *Sociological studies*, no. 2, pp. 108–118. DOI: 10.31857/S013216250004015-9.

22. Guarnizo L.E. (1997). The emergence of a transnational social formation and the mirage of return migration among Dominican transmigrants, *Identities*, vol. 4, no. 2, pp. 281–322.

23. Dahlman C. (2004). Diaspora. In: Duncan J., Johnson N. & Schein R. (eds.). *A Companion to Cultural Geography*. Oxford: Blackwell, pp. 485–498.

24. Kirillova A.I. (2016). Involvement in religious practices as a factor in the integration of migrants, *Sociological studies*, no. 2, pp. 119–128.

25. Starostin A.N., Kholikova Sh.A. (2018). Religious practices of migrants from Central Asia and Azerbaijan in the Sverdlovsk region (based on sociological research). In: Proceedings of the Russian scientific-practical conference (with international participation) “VII Rasulev readings: Islam in the history and modern life of Russia”. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, pp. 160–178.

26. Olimov M.A., Olimova S.K. (2019). Identity transformation in migration: ethnicity and religion (on the example of Tajik labor migration in Russia), *Bulletin of the Tomsk State University. History*, no. 59, pp. 158–167.

AUTHORS' INFORMATION:

Viktoriya Yu. Ledeneva – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); vy.ledeneva@yandex.ru.

Bakytzhan T. Begassilov – Narxoz University (55, Zhandosova St., Almaty, 050035, Kazakhstan); bakytzhan.begassilov@narxoz.kz.

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ В УСЛОВИЯХ ПРЕКАРНОЙ ЗАНЯТОСТИ

И.В. Воробьева^{1а}

^аРоссийский государственный гуманитарный университет

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена изучению особенностей трудовой занятости российских ученых и получению представлений о степени распространения в этой сфере труда негативных характеристик, позволяющих говорить о ее прекаризации.

На сегодняшний день целый ряд направлений в сфере науки исследований и разработок находится в определенной стагнации, а развитие науки тормозится из-за недостаточного финансирования, устаревших технологий, кадровых проблем отрасли. Кроме того, прекаризация труда, характерная ранее для людей с низким уровнем образования, выполняющих простую рутинную работу, получила свое распространение и в сфере интеллектуального труда, в том числе в сфере науки.

Исследование базируется как на совокупности теоретических разработок, определяющих критерии прекарной занятости, так и на результатах аналитических отчетов и данных всероссийского исследования «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества», на основе которых производится оценка научной инфраструктуры, достаточности мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых, делается попытка осмысления трудовой занятости российских ученых.

Анализ труда работников научной сферы позволяет говорить о том, что несмотря на некоторые признаки прекаризации труда научных сотрудников, говорить об их полном причислении к этому классу преждевременно. Базовые признаки прекарного труда, такие как неформальная занятость, отсутствие социальных гарантий и депрофессионализация в научной отрасли, распространены незначительно. Однако, другие признаки прекаризации – нестабильность, неопределенность, негарантированность, нестандартное рабочее время, дополнительная занятость, неудовлетворенность условиями и размером оплаты труда в среде ученых и пр. – получили значительное распространение. Кроме того, излишняя бюрократизация и стандартизация этой сферы буквально заставляют ученых производить формальные показатели результативности своей деятельности, иногда в ущерб реальному качеству работы. Это в свою очередь формирует у научных сотрудников представление о бессмысленности и бесполезности своего труда.

Если данные негативные тенденции в этой сфере сохранятся, ученые (особенно те, которые относятся к гуманитарным и социальным направлениям) становятся однозначными кандидатами в прекарии. На государственном уровне необходимы самые серьезные меры по сохранению и развитию российской науки.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья выполнена при поддержке РНФ, проект № 18-18-00024.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прекариат, прекарная занятость, прекаризация, наука, ученые.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воробьева И.В. (2021). Российские ученые в условиях прекарной занятости // Вопросы управления. № 1. С. 131–142.

Несмотря на то, что в последние годы публикуется большое число работ, посвященных как новому социальному классу – прекариату, так и прекаризации труда и занятости отдельных категорий работников и сфер занятости,

в научной литературе не выработан единый подход к определению и измерению этого явления. Появление новых гибких форм занятости, снижение государственного контроля за регулированием социально-трудовых отноше-

¹AuthorID РИНЦ: 654506, ResearcherID: Q-7430-2016

ний привело к тому, что в некоторых сферах, стабильных на первый взгляд, возникают явления, которые могут быть свидетельством широкого распространения прекаризации и особенно скрытых ее форм.

Теоретические подходы к изучению прекарной занятости

Определение критериев прекарной занятости и выявление численности работников, вовлеченных в такие отношения, остаётся актуальной задачей, которая по-прежнему не имеет однозначного подхода. В статистических отчетах и работах отечественных исследователей отражены разные подходы к определению параметров прекаризованной занятости. Как следствие, различаются данные и о численности работников, отнесенных к этой группе. Например, О. И. Шкаратан относит к прекариату 27 % работающих россиян [1, с. 109]. В. Н. Бобков полагает, что признаками неустойчивой занятости обладают в той или иной мере 85 % наемных работников [2, с. 25]. Позиция, изложенная в работах Ж. Т. Тощенко и Р. И. Анисимова, предполагает, что в прекарные трудовые отношения в разной степени включено 82 % граждан или 59 млн работающих россиян. К видам прекарных отношений они относят работу на основе устной договоренности (без трудового договора), работу по срочным договорам (до одного года), дополнительную (вторичную занятость) и нестандартный рабочий день [3, с. 101].

Несмотря на некоторую разницу в подходах, большинство исследователей склоняются к мысли о том, что прекаризация наемного труда получила широкое распространение во всех сферах экономики, а прекаризация трудовых отношений имеет тенденцию к увеличению [4–16].

К прекариату принято относить слои населения, представители которого находятся в нестабильном социально-экономическом состоянии, обладают «усеченным статусом» [17, с. 23]. При этом характеристиками прекаризации становятся неустойчивость, негарантированность, неформальность занятости, следствием которых являются низкий размер оплаты труда, ее неопределенность и непрозрачность, ухудшение условий труда, депро-

фессионализация и отсутствие трудовой и профессиональной перспективы, правовая и социальная незащищенность. Более широкий подход, представленный в работах отечественных исследователей говорит о таком признаке прекаризации, как нестандартное рабочее время, к чему относят сверхзанятость или недозанятость [18, с. 79]. Нестандартное рабочее время – явление, широко распространенное в сфере нематериального производства, в том числе в сфере науки и образования. Значительная часть работников этих сфер вынуждены работать либо на неполную ставку, либо, наоборот, перегружены дополнительными обязанностями, часть которых выполняется сверх рабочего времени и никак не учитывается работодателем.

Прекаризацию труда можно рассмотреть и через призму субъективных оценок работником собственного положения: неудовлетворенность работой, чувство уязвимости, незащищенности, страх потери работы и др. [18, с. 79]. Таким образом, признаками прекаризации обладают более широкие слои и группы работников, чем кажется на первый взгляд.

Анализ сферы научного труда позволяет сделать вывод, что ученые становятся кандидатами в прекариат. Риски прекаризации для них заключаются в самой специфике организации научной сферы. Эксперты полагают, что сегодня наука находится в состоянии кризиса, по многим направлениям – упадка, в лучшем случае – застоя [19, с. 9].

В качестве базовых факторов, тормозящих развитие российской науки и прекаризирующих сферу труда работников этой категории, можно выделить следующие: экономическое отставание России; догоняющее развитие и запаздывающая модернизация; сырьевая ориентация страны; устаревшие технологии; недофинансирование науки; неравномерная структура науки; утрата конкурентоспособности страны; изменение баланса стабильности и инноваций; запаздывание с ответами на технологические вызовы [20, с. 625].

Совокупность этих факторов порождают такие черты, как неустойчивость, нестабильность, негарантированность и даже бесперспективность работы в этой сфере.

Состояние российской науки: численность организаций, финансирование, кадры

Прекаризация труда ученых началась еще в 90-е гг. XX в., когда из уважаемой и привилегированной группы они, впрочем, как и многие другие группы интеллигенции, превратились в «интеллектуальных рабов» системы образования постиндустриального общества [21, с. 34].

Негативные процессы в сфере науки наблюдаются и в настоящее время. Например, происходит уменьшение числа организаций, занятых исследованиями и разработками. С 1990 г. происходит сокращение числа конструкторских бюро, проектных и проектно-исследовательских организаций, промышленных предприятий и высших учебных заведений, которые занимаются исследованиями. Так, с 1990 по 2005 гг. в 8,7 раз уменьшилось количество проектных организаций, в 4,1 раза – конструкторских, в 1,8 раза – научно-исследовательских подразделений на промышленных предприятиях [19, с. 20–22]. Эта тенденция продолжилась и в 2010-х гг. По состоянию на 1 июня 2019 г. в РФ число организаций, выполняющих научные исследования, составило 3 822, что на 128 меньше, чем в 2018 г.²

Финансирование российской науки находится на неудовлетворительном уровне. В 1990-е гг. наука была брошена на произвол и доведена до нищенского уровня. Лишь с 2020 г. по отношению к науке наметился поворот (и то несоизмеримый с прошлым). Динамика затрат на научные исследования и разработки за эти годы выглядит следующим образом: они в постоянных ценах выросли вдвое – с 76,7 млрд. руб. в 2000 г. до 153,1 млрд. руб. в 2018 г.³

В настоящий момент 67 % научных исследований и разработок финансируются из государственного бюджета, еще 29,5 % – за счет предпринимательского сектора, 2,3 % – из иностранных источников, 1,1 % – из иных⁴.

Эксперты подчеркивают, что ежегодные затраты по финансированию науки в реальных ценах увеличиваются, однако, принимая во внимание инфляцию, среднегодовой рост ассигнований составляет не более 15 %. Этих средств едва хватает на содержание науки, а вот для развития их недостаточно [19, с. 126].

При этом эксперты отмечают отставание России по многим показателям и качественным характеристикам науки от уровня более развитых стран. Россия занимает десятое место в рейтинге ведущих стран мира по объему внутренних затрат на исследования и разработки в расчете по паритету покупательной способности национальных валют. В настоящий момент удельный вес затрат на науку в ВВП составляет (1,1 %). В этом направлении Россия существенно отстает от ведущих стран мира, находясь на 34 месте. Еще ниже находятся российские позиции по индикатору внутренних затрат на исследования и разработки в расчете на одного исследователя (в эквиваленте полной занятости) – 47 место (93 тыс. долл. США)³.

Сами ученые, говоря о недостаточности финансирования науки, обращают внимание общественности на не столько уровень оплаты их труда, сколько на недостаточность оснащения, оборудования и пр., что не позволяет конкурировать с международной наукой и выдавать конкурентоспособные научные продукты⁴. Эта невозможность существенно снижает уровень удовлетворенности трудом и результатами своей деятельности, а ученого превращает в подобие робота, производящего устаревшие и никому ненужные продукты.

Следствием ограниченной научной политики становится невостребованность результатов научных исследований со стороны бизнеса и производства. Отсутствие рыночного интереса со стороны производства и бизнеса и базовая поддержка в основном с государственной стороны выглядят как искусственная до-

²Наука. Технологии. Инновации: 2020 : Краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ «ВШЭ», 2020.

³Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых». URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/Work_materials_discussion/sp.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

⁴Итоги реформы РАН глазами ученых // ИнтерФакс. 2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/678745> (дата обращения: 12.01.2021).

тация нерентабельной сферы, когда при отсутствии реальных заказов, происходит попытка ее поддержания с помощью административных ресурсов. Кроме того, полная зависимость науки от заказчика-государства, ставит ее в подчиненное положение, в том числе на идеологическом уровне.

Сегодняшняя оценка «полезности» науки во многом строится на экономической основе, возможностях этой науки производить технологии и инновации. Данный подход пытаются применить и для гуманитарных и социальных наук. По этому принципу распределяются государственные приоритеты в поддержке и финансировании. При этом, в обществе происходит примитивизация самого места науки, сужение задач науки и потеря ее мировоззренческой функции.

Недостаточность материальной и финансовой поддержки научных организаций приводит и к тому, что российская наука, особенно по целому ряду направлений, буквально «варится в собственном соку». Ученые не всегда имеют возможность стажировок, обмена, представления результатов научных трудов на международных конференциях. Затруднены даже публикации в ведущих международных журналах или возможность приглашения для работы иностранных ученых. Это, разумеется, приводит к потере идентичности, утрате профессиональных связей и пр.

Средний возраст исследователей колеблется в пределах 47 лет. С 2010 г. происходит некая тенденция роста числа исследователей в возрасте 30–39 лет (с 59 910 до 60 634 чел.), но при этом сокращается число исследователей в возрасте до 29 лет³. Сохраняется негативная тенденция прихода в науку выпускников университетов, связавших свою профессиональную карьеру с наукой: в 2017 г. их численность не превышала 1 %⁵. В сфере науки наблюдается тенденция старения кадров высокой квалификации. К 2018 г. среди имеющих докторскую степень 37 % приходится на возраст 70 лет и старше, 32 % – на 60–69 лет. Доля

докторов наук от 50 до 59 лет составляет 18,8 %, от 40 до 49 лет – 9,8 %. Ученых до 40 лет, имеющих докторскую степень, всего 2 %. Даже среди кандидатов наук доля ученых старше 50 лет составляет 48,7 %².

Таким образом, наблюдается естественный уход старшей категории исследователей и недостаточное воспроизводство молодых кадров, которые не просто уезжают работать за рубеж, но и утекают в другие смежные сферы деятельности. Начиная с 1990-х гг. из России уехали ок. 150 тыс. научных сотрудников и преподавателей вузов. По приблизительным подсчетам, за последние 20–30 лет страну покинули примерно 70–80 % ведущих математиков и 50 % ведущих физиков-теоретиков. Эксперты говорят, что определенную проблему представляет не сама по себе «утечка мозгов» за рубеж, а уход наиболее способных ученых, преподавателей в сферы занятости, где их интеллектуальный потенциал не может быть раскрыт и использован полностью. Это связано с существенным падением популярности и престижа научного труда, значительно более низким уровнем дохода в этой области по сравнению с деятельностью в других отраслях⁶. Кроме того, «сокращение численности научных кадров из-за ухода в другие структуры и сферы, отсутствие притока молодежи в науку по своим масштабам и отрицательным последствиям причиняет вред больший, чем отъезд молодых ученых за рубеж на постоянное место жительства» [19, с. 236]. При том, надо отметить, что отъезд исследователей за границу продиктован не только более высокой зарплатой, но и ухудшением условий для занятия фундаментальной наукой, условиями труда (оборудование, техника, реактивы и пр.).

При отсутствии организованных каналов привлечения молодежи Россию ожидает серьезный кадровый голод в научной среде [22]. Дефицит кадров может произойти в том числе и потому, что научная деятельность связана со сложностью и длительностью подготовки работников для этой сферы, при которой отно-

³Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ реализации мер государственной поддержки молодых российских ученых в 2016–2017 годах и истекшем периоде 2018 года». URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/7ca/7ca48ca43e12713710903f632da51a35.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

⁶Безмозглая Россия. Почему наши ученые уезжают на Запад // Версия. URL: <https://versia.ru/pochemu-nashi-uchyonnye-uezzhayut-na-zapad> (дата обращения: 14.01.2021).

Таблица 1 – Социально-правовое оформление занятости (% от числа опрошенных)⁸

Table 1 – Social and legal registration of employment (% of the number of respondents)

Варианты ответов	Отрасль					
	Наука	Промышленность	Сельское хоз-во	Строительство	Транспорт	Торговля, быт. обл.
Имеют бессрочный договор	72,0	53,7	61,3	47,0	34,7	48,7
Имеют временный договор более 1 года	21,3	22,0	15,7	21,7	28,0	16,7
Имеют временный договор менее 1 года	1,3	5,0	6,0	7,0	8,0	5,7
Работают без трудового договора	4,7	19,0	16,3	22,7	27,0	26,0
Иное (например, заключили договор с одной организацией, но работаете в другой)	0,7	0,3	0,7	1,7	2,3	3,0

сительно стабильная оплата труда не компенсирует затраченных усилий, а уровень оплаты значительно уступает уровню оплаты зарубежным исследователям или аналогичным позициям в сфере бизнеса и управления.

Условия труда российских ученых

Важное значение играют и условия труда ученых. С одной стороны, по формальным показателям труд ученых сохраняет ряд позитивных характеристик: стабильная оплата труда, официальное трудоустройство, бессрочный трудовой договор, наличие социальных гарантий и пр. На первый взгляд эти показатели существенно превышают положение работников многих отраслей (табл. 1).

Основная часть работников научной сферы говорят о том, что могут рассчитывать на оплату больничных листов и оплату отпуска, 94 % – на оплату отпуска по уходу за ребенком, 88 % – имеют возможность взять отгул, 78,3 % – гарантированную оплату за время вынужденной остановки работы.

В научной сфере в основном превалирует официальная оплата труда – о неофициальной форме оплаты говорят менее 2 % работников, 19 % иногда получают «зарплату в конверте»

(полную или частично), а 73,3 % научных работников сказали, что в своей работе с этим не сталкивались⁹.

За январь–сентябрь 2019 г. средняя заработная плата научных сотрудников составила 94 725 руб., что значительно превышает за тот же период зарплату таких категорий из смежных близких отраслей, как преподаватели образовательных организаций высшего профессионального образования – 86 053 руб., врачи и работники медицинских организаций – 79 075 руб., работники учреждений культуры – 40 322 руб.¹⁰ При этом реальная зарплата ученых имеет существенный разброс по регионам: от 37 238 руб. в Калмыкии до 123 746 руб. в Москве. Кроме того, она существенно варьируется в зависимости от того, в чьем подчинении – федеральном или субъекта федерации – находится организация. С учетом зарплаты иного персонала средняя ее сумма по отрасли в целом выглядит скромнее – 53 272 руб. (данные за 2018 г.). Но даже более скромная средняя зарплата персонала, занятого исследованиями и разработками, все равно превышает среднюю по экономике в целом и по отдельным отраслям (табл. 2)².

⁷Всероссийское исследование «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (2019–2020 гг.). Объем выборочной совокупности – 900 человек, с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте 18 лет и старше, в соответствии со статистическими данными Росстата (на 01.01.2019 г. и в среднем по 2018 г.; на 01.10.2020 г. и в среднем по 2019 г.). Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, поселки городского типа (в 2019 г. – ПГТ, в 2020 г. – Г), села (пропорции вычислены по Росстату). На последнем этапе отбора и опроса респондентов квот интервьюерами соблюдались по 3 социально-профессиональным группам населения: транспорт, торговля и бытовое обслуживание, строительство (в 2019 г.) и наука, промышленность и сельское хозяйство (в 2020 г.).

⁸Источник: Прекариат-2019⁷, Прекариат-2020⁷.

⁹Всероссийское исследование «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (2020).

¹⁰Средняя заработная плата научных сотрудников в организациях государственной и муниципальной форм собственности по субъектам Российской Федерации за январь–сентябрь 2019 г. URL: <http://www.gks.ru/storage/mediabank/02-20-11.xlsx> (дата обращения: 14.01.2021).

Таблица 2 – Среднемесячная заработная плата персонала, занятого исследованиями и разработками

Table 2 – Average monthly salary of research and development personnel

Показатель	Год				
	2000	2010	2016	2017	2018
Среднемесячная заработная плата, руб.	2322,9	25043,5	43539,5	48833,6	53272,0
В процентах к заработной плате: в экономике в целом (= 100 %)	104,5	119,5	118,6	124,7	121,8
В обрабатывающих производствах (= 100 %)	98,2	131,3	125,9	126,8	130,8
В строительстве (= 100 %)	88,0	118,3	134,7	145,0	138,3

Таблица 3 – Источники, из которых формируются доходы (% от числа опрошенных)¹¹

Table 3 – Sources from which income is generated (% of the number of respondents)

Варианты ответов	Отрасль					
	Наука	Промышленность	Сельское хоз-во	Строительство	Транспорт	Торговля, быт. обл.
Заработная плата на основн. месте работы	99,3	98,0	96,0	96,3	94,7	95,0
Собственный бизнес	0,7	1,0	3,3	3,0	5,0	5,0
Подработка, совместительство	29,0	29,7	19,0	31,7	39,7	15,7
Пенсия	7,0	2,3	9,3	4,3	4,0	4,7
Помогают родственники, друзья	6,3	9,3	11,3	8,7	6,0	14,7
Сдают в аренду жилье, дачу, иную недвижимость	7,7	6,3	1,3	6,0	6,0	5,7
Получают проценты от сбережений, акций	3,0	2,0	2,3	1,0	1,3	0,3
Обеспечивают себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство)	13,3	27,7	49,3	19,7	17,3	24,3
Другое	1,7	0,3	1,0	0,0	0,3	1,0

При этом, показатели нельзя назвать полностью благополучными и отражающими и уровень образования и квалификации, и те «вложения» в виде долгих лет учебы, которые учеными были сделаны. Кроме того, в статистике учитываются и зарплаты руководящих сотрудников, которые значительно опережают оплату труда рядовых сотрудников отрасли.

По данным Всероссийского исследования «Прекариат-2020», главным источником дохода для научных сотрудников является заработная плата на основном месте работы – так ответили 99,3 % работников. При этом дополнительная (вторичная) занятость в этой среде достаточно распространена. Треть ученых на регулярной основе практикуют различные подработки и совместительство, еще 35 % делают это время от времени. Практика дополнительной занятости может быть рассмотрена как недостаточность основного заработка для покрытия жизненных нужд, но, конечно, может быть продиктована и желанием расширения

возможностей, ролевого репертуара ученого, когда многие из них практикуют подработку в качестве преподавателей или работают исследователями по смежным проектам. Для 13,3 % дополнительный доход дают огород и подсобное хозяйство, 8 % сдают в аренду недвижимость, 7 % дополнительно к зарплате получают пенсию (табл. 3).

При оценке представления о справедливости оплаты труда мнения разделились: 37,7 % считают, что работа не всегда оплачивается справедливо, 29 % говорят о несправедливой оценке своего труда, но примерно столько же (28 %) отмечают справедливость этой оплаты (табл. 4).

Только 17,7 % работников считают, что их материальное положение стало лучше. Каждый второй (46,7 %) полагает, что за последние три года изменений в собственном материальном положении не произошло, 35,7 % говорят о его ухудшении.

¹¹Источник: Прекариат-2019⁷, Прекариат-2020⁷.

Таблица 4 – Оценка справедливости оплаты труда (% от числа опрошенных)¹²

Table 4 – Assessment of fairness of wages (% of the number of respondents)

Варианты ответов	Отрасль					
	Наука	Промышленность	Сельское хоз-во	Строительство	Транспорт	Торговля, быт. обл.
Справедливо	28,0	11,7	15,0	21,0	16,7	17,3
Не всегда справедливо	37,7	52,0	47,7	45,7	49,3	41,0
Несправедливо	29,0	29,0	29,0	26,7	26,3	33,3
Затруднились ответить	5,3	7,3	8,3	6,7	7,7	8,3

Таким образом, в среде ученых распространены ощущения о несправедливости оплаты их труда [23], низкой зарплате, недостаточной прозрачности стимулирования труда. Хотя такая оценка носит субъективный характер, она, однако, свидетельствует о наличии определенной неудовлетворенности ученых своей работой: условиями и организацией труда. Неслучайно пятая часть говорит о беспомощности и невозможности повлиять на происходящее, практически столько же – о страхе перед будущим, 21 % – о несправедливости. 22,3 % в качестве одного из направлений жизненных планов мечтают о том, чтобы найти новые источники повышения своего дохода. Более 20 % ученых отмечают отсутствие перспектив в карьере. О невозможности покрытия жизненных потребностей основной зарплатой можно косвенно судить и по наличию кредитных обязательств: 22,7 % имеют потребительский кредит, 15,7 % пользуются кредитной картой, 10,3 % имеют долги перед родными и друзьями.

Нестабильность и неустойчивость занятости, высокий риск потери работы являются важными критериями отнесения к прекариату. При этом, в научной среде сохраняется достаточно стабильная трудовая занятость и продолжительность работы на одном месте: 85,3 % не меняли работу за последние 3 года, 13 % сделали это 1 раз. Для большинства ученых продолжительная работа на одном месте связана, в том числе, с ее спецификой: длительность самого процесса научной работы, не дающей сиюминутного результата, долговременное становление научных коллективов, научных школ и направлений и пр.

Можно сказать, что при относительно негативной оценке условиями труда ученые сохра-

няют высокий уровень удовлетворенности содержанием своей работы. Примерно 70 % ученых говорят, что удовлетворены своей работой и о том, что эта работа их устраивает. Наиболее важными характеристиками в работе, которой занимаются специалисты научной сферы, стали: оплата труда (68,3 %), интересное содержание работы (50,7 %), условия труда (44 %). Между тем, удовлетворенность работой и содержанием труда составляет часть психологического и профессионального ядра личности ученого. В этой среде, несомненно, можно говорить о профессиональной приверженности и профессиональном призвании работника. Как ни парадоксально, это делает их еще более уязвимыми перед работодателями. Потерять работу, которая нравится и при этом определяет научный и жизненный интерес значительно хуже, чем неинтересную и рутинную. Это, помимо всего прочего, используется работодателями для оправдания ухудшения условий труда, заставляя научных работников смириться и с увеличением нагрузки, и со снижением уровня оплаты труда, и с расширением дополнительных обязанностей.

Среди сотрудников научной сферы опасение потерять работу высказывают 24 %, в группе исследователей – 20,8 %, среди вспомогательного научного персонала – 63,6 %. Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, высокий образовательный и квалификационный уровень сотрудника, его уникальные умения являются защитой и обеспечивают востребованность. С другой – в случае потери работы в результате реорганизации, сокращения и пр. ученые-исследователи могут оказаться в значительно более уязвимом положении, чем другие группы, привыкшие к нестабильности и частому смену работы. И это будет отно-

¹²Источник: Прекариат-2019⁷, Прекариат-2020⁷.

ситься даже к, казалось бы, уникальным специалистам. Определенная научная «колея», в которую попадает ученый, много лет занимаясь определенной научной темой или направлением, делает его специалистом в узкой области или сфере, и при выпадении из нее он может оказаться совершенно невостребованным да и попросту некомпетентным в других темах, сферах, отраслях.

Выводы и предложения

Таким образом, не отвечая основным показателям принадлежности к прекариату, таким как неформальная занятость и отсутствие социальных гарантий, ученые, тем не менее, обладают некоторыми признаками прекаризации труда, например, имея нестандартное рабочее время и вторичную занятость. Кроме того, о существующих признаках прекаризации труда ученых можно судить и на основе субъективных оценок работником собственного положения: неудовлетворенность условиями труда при достаточно высоком уровне удовлетворенности его содержанием, неудовлетворенность уровнем оплаты труда, чувство уязвимости, незащищенности, страх потери работы и др. Разумеется, говорить о том, что ученые безусловно относятся к новому социальному классу – прекариату, преждевременно. Но некоторые признаки прекаризованной занятости проникают и в эту среду [24]. Если раньше в прекариат попадали люди, не имеющие достаточного образовательного и социального капитала, то теперь его ряды могут легко пополняться людьми образованными, но либо невостребованными новой экономической системой, либо не умеющими к ней приспособиться. Попытка рассматривать сферы науки и образования исключительно с позиции производительности и получения максимальной прибыли, жесткая конкуренция, необходимость соответствовать формальным, иногда не вполне разумным рейтингам неизбежно приведут к выбыванию «неуспешных» людей из научной сферы, которые из кандидатов в прекариат могут стать стабильными участниками этого класса. Причем эта неуспешность необязательно будет таковой с позиции содержания науки, скорее – с позиции невостребованности такого знания жесткой экономической си-

стемой, неспособности «выдавать» своевременный регламентированный «продукт», который просто невозможен в целом ряде научных направлений.

Переход части ученых в прекарный класс может быть рассмотрен как серьезная социальная проблема, поскольку приведет к потере значительной части интеллектуалов, которые утратят свои профессиональные навыки и профессиональную идентичность. Речь может идти об исчезновении целых научных школ и направлений, воспроизводство и восстановление которых впоследствии будет невозможно.

Современные экономические и политические процессы, происходящие в обществе, усиление цифровизации, потребность в новых знаниях и технологиях не позволяют сомневаться в том, что роль науки как стратегического ресурса страны будет усиливаться, а научные возможности и потенциал страны будет рассматриваться как основание лидерства на международной арене. Это потребует от государства решения важных и насущных проблем отрасли, которые, увы, не решены и по сей день, несмотря на некоторые предпринимаемые усилия.

Важным вопросом остается преодоление технологической отсталости российской экономики, развитие промышленности. Поскольку сфера науки не существует в вакууме, она напрямую зависит от промышленности, производства, культуры. Развитие науки может осуществляться только через становление и укрепление этих связанных с ней направлений. Решение этой проблемы стало бы возможным ключом и к решению вопроса невостребованности отечественных научных разработок со стороны бизнеса и иных коммерческих структур.

На государственном уровне необходимо принятие мер по увеличению бюджетных инвестиций и финансирования на развитие научной инфраструктуры. При отсутствии соответствующего прогрессивного оборудования нельзя рассчитывать на передовые результаты труда. Кроме того, нужны научные кадры, способные с этим оборудованием работать.

Необходима дополнительная поддержка как перспективных, но «западающих» отраслей науки, где у России наметилось отстава-

ние, так и гуманитарного знания, отставание в котором, возможно, и не выглядит столь критичным, но в долгосрочной перспективе может дать весьма негативный эффект. В сегодняшних реалиях оценка приоритета науки, а значит и финансирование зависит от ее возможности производить наглядные и, главное, продаваемые и применимые технологии. Вне всякого сомнения, это важно, однако при этом вытеснение гуманитарной и социальной науки на периферию стратегических интересов может иметь необратимые последствия.

Должно развиваться и налаживаться более тесное сотрудничество с передовыми европейскими и мировыми научными школами, в том числе на уровне конференций, стажировок, иных форм академической мобильности и пр.

На федеральном уровне необходимо разработать комплекс мер по развитию кадрового потенциала науки, в том числе на ранних стадиях вхождения. Многие эксперты полагают, что становление молодых ученых и их профессиональное развитие затруднено, особенно в регионах. Исключения составляют лишь несколько высокотехнологических развитых центров.

Государство должно предпринять действия по повышению статуса российского ученого [25, с. 263], привлекательности и элитарности этой профессии, в том числе в части увеличения уровня заработной платы отечественных исследователей, решения их жилищных вопросов, грантовой поддержки молодых ученых и пр.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. (2015). Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. № 12. С. 99–110.
2. Бобков В.Н. (2014). Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ : Монография / В.Н. Бобков [и др.] ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Экономический факультет. М. : ТЕИС. 94 с.
3. Тощенко Ж.Т., Анисимов Р.И. (2019). Прекарный труд в России: состояние и тенденции // Экономическое возрождение России. № 2 (60). С. 93–103.
4. Анисимов Р.И. (2019). Прекаризованная занятость в России: опыт определения основных индикаторов // Социологические исследования. № 9. С. 64–72.
5. Тощенко Ж.Т. (2020). Прекарная занятость – феномен современной экономики // Социологические исследования. № 8. С. 3–13.
6. Кученкова А.В., Колосова Е.А. (2018). Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 288–305.
7. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. (2015). Прекариат как новое явление в современной социальной структуре / Наемный работник в современной России. М. : Новый Хронограф. С. 121–138.
8. Воробьева И.В. (2018). Влияние неформальной занятости на политические установки россиян // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 4 (14). С. 87–97.
9. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. (2013). Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. № 3. С. 5–15.
10. Капелюшников Р.И. (2012). Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом «Высшей школы экономики». 84 с.
11. Михайлова М.Н. (2015). Прекаризация трудовых отношений // Теория и практика общественного развития. № 20. С. 52–54.
12. Вередюк О.В. (2013). Неустойчивость занятости: теоретические основы и оценка масштабов в России // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Вып. 1. С. 25–32.
13. Гасюкова Е.Н., Карачаровский В.В., Ястребов Г.А. (2016). Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // Общественные науки и современность. № 3. С. 48–63.
14. Кученкова А.В. (2019). Прекаризация занятости: к методологии и методам измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 19 (1). С. 134–143.

15. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения : Коллективная монография / Под ред. Бобкова В.Н. М. : КНО-РУС, 2018. 342 с.

16. Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от прото-класса к новому классу : Монография / Ж.Т. Тощенко ; Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М. : Наука. 360 с.

17. Стэндинг Г. (2014). Прекариат: новый опасный класс / Гай Стэндинг ; [перевод с английского Н. Усовой]. Москва : Ад Маргинем Пресс. 326 с.

18. Прекариат: становление нового класса : Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.

19. Шереги Ф.Э., Стриханов М.Н. (2006). Наука в России: социологический анализ. М. : ЦСП. 456 с.

20. Великая Н.М. (2019). Социокультурные угрозы и возможности устойчивого развития / Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году : Коллективная монография. Москва. С. 619–664.

21. Воронина А.А. (2016). К проблеме неустойчивой занятости научно-педагогических работников / История науки и техники в современной системе знаний : Шестая ежегодная конференция кафедры Истории науки и техники (8 февраля 2016 г.). Екатеринбург : УМЦ УПИ. С. 34–38.

22. Молодые ученые российской провинции: профессиональный потенциал и возможности его реализации : Коллективная монография / Под ред. В.В. Гаврилюк. Тюмень : ТюмГНГУ, 2014. 215 с.

23. Немировский В.Г. (2017). Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // Социологические исследования. № 9. С. 40–47.

24. Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки : Коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с.

25. Воробьева И.В. (2012). Социальный статус современного российского ученого (на примере преподавателей вузов) // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. № 2 (82). С. 260–267.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент; Российский государственный гуманитарный университет (125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6); vorobyova.irina@list.ru.

RUSSIAN SCHOLARS UNDER THE CONDITIONS OF PRECARIOUS EMPLOYMENT

I.V. Vorobyova^{13a}

^aRussian State University for the Humanities

ABSTRACT:

The article discusses peculiarities of Russian scholars' employment in order to get an insight into the degree of the negative trends affecting this area of labor which make it possible to talk about its precarization.

Nowadays, a number of scientific areas in research and development are stagnating; evolvement of science is slowed down due to insufficient funding, outdated technologies and lack of qualified personnel in the industry. Besides, precarization of work, which previously affected people with the low level of education fulfilling simple and routine tasks, has spread over the intellectual sphere, including different fields of science.

This research is based on a number of theoretical provisions determining the criteria of precarious employment, as well as the results of analytical reports and the data of the all-Russian research project "The

¹³RSCI AuthorID: 654506, ResearcherID: Q-7430-2016

Precariat: a new phenomenon in the socio-economic structure of society”. Proceeding from this information, the paper analyzes scientific infrastructure, sufficiency of motivational practices, promotion of the work of the leading scholars and assessment of employment peculiarities of Russian scholars.

Analysis of the peculiarities of scholars’ work suggests that despite some signs of precarization of academic activity today, it is impossible to classify researchers as the precariat yet. The basic features of precarious work, such as informal employment, absence of social guarantees and deprofessionalization in the scientific industry, are insignificant. However, some other signs of precarization have got widespread, including instability, uncertainty, absence of guarantees, irregular working hours, extra work, dissatisfaction with the working conditions and remuneration among scholars, and others. Moreover, excessive bureaucracy and standardization of the sphere has literally forced researchers to adjust results of their activity to the standards, sometimes at the expense of the quality of their work. This fact stimulates the ideas of meaninglessness and uselessness of their work in the minds of researchers.

If these negative tendencies remain unchanged, scholars (especially those of the Humanities and social sciences) may enter the precariat. It is time for the state to take serious actions aimed at preservation and development of the Russian science.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 18-18-00024.

KEYWORDS: precariat, precarious employment, precarization, science, scholars.

FOR CITATION: Vorobyova I.V. (2021). Russian scholars under the conditions of precarious employment, *Management Issues*, no. 1, pp. 131–142.

REFERENCES

1. Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasyukova E.N. (2015). Precarious: theory and empirical analysis (based on surveys in Russia, 1994–2013), *Sociological Research*, no. 12, pp. 99–110.
2. Bobkov V.N. (2014). Employment and social precarization in Russia: an introduction to analysis. Lomonosov Moscow State, Faculty of Economics. Moscow, TEIS. 94 p.
3. Toshchenko Zh.T., Anisimov R.I. (2019). Precarious labor in Russia: state and trends, *Economic revival of Russia*, no. 2 (60), pp. 93–103.
4. Anisimov R.I. (2019). Precarized employment in Russia: experience in determining the main indicators, *Sociological studies*, no. 9, pp. 64–72.
5. Toshchenko Zh.T. (2020). Precarious employment – a phenomenon of modern economics, *Sociological research*, no. 8, pp. 3–13.
6. Kuchenkova A.V., Kolosova E.A. (2018). Differentiation of workers by the nature of the instability of their employment, *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 3, pp. 288–305.
7. Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. (2015). Precaria as a new phenomenon in the modern social structure. In: Hired worker in modern Russia. Moscow, New Chronograph, pp. 121–138.
8. Vorobieva I.V. (2018). The influence of informal employment on the political attitudes of Russians, *Vestnik RGGU. Series “Philosophy. Sociology. Art history”*, no. 4 (14), pp. 87–97.
9. Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. (2013). New social groups in modern stratification systems of global society, *Sociological Science and Social Practice*, no. 3, pp. 5–15.
10. Kapelyushnikov R.I. (2012). Informal employment in Russia: what do alternative definitions say? Moscow, Publishing house of the Higher School of Economics. 84 p.
11. Mikhailova M.N. (2015). Precarization of labor relations, *Theory and practice of social development*, no. 20, pp. 52–54.
12. Veredyuk O.V. (2013). Employment volatility: theoretical foundations and assessment of the scale in Russia, *Bulletin of St. Petersburg State University, Series 5*, iss. 1, pp. 25–32.
13. Gasyukova E.N., Karacharovskiy V.V., Yastrebov G.A. (2016). Different precariat: on the sources and forms of instability of the social status of individuals and groups, *Social sciences and modernity*, no. 3, pp. 48–63.
14. Kuchenkova A.V. (2019). Precarization of employment: to methodology and measurement methods, *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Sociology*, no. 19 (1), pp. 134–143.
15. Bobkova V.N. (ed.) (2018) Precarious employment in the Russian Federation: theory and

methodology for identifying, estimating and the reduction vector. Moscow, KNORUS, 342 p.

16. Toshchenko Zh.T. (2018). *Precaria: from proclass to a new class*. Moscow, Nauka, 360 p.

17. Standing G. (2014). *Precarity: New Dangerous Class*. Moscow, Ad Marginem Press, 326 p.

18. Toshchenko Zh.T. (ed.) (2020). *The precariat: the formation of a new class*. Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing, 400 p.

19. Sheregi F.E., Strikhanov M.N. (2006). *Science in Russia: Sociological Analysis*. Moscow, TsSP, 456 p.

20. Velikaya N.M. (2019). Socio-cultural threats and opportunities for sustainable development. In: *Breakthrough strategy and digital reality in Russia. Socio-political situation and demographic situation in 2019*. Moscow, pp. 619–664.

21. Voronina A.A. (2016). To the problem of precarious employment of scientific and pedagogical

workers. In: *Proceedings in the Sixth annual conference of the Department of History of Science and Technology “History of science and technology in the modern system of knowledge”* (February 8, 2016). Ekaterinburg, UMC UPI, pp. 34–38.

22. Gavriilyuk V.V. (ed.) (2014) *Young Scientists of the Russian Province: Professional Potential and Possibilities for Its Realization*. Tyumen, TyumGNGU, 215 p.

23. Nemirovsky V.G. (2017). Ideas of justice in the context of the estate structure of modern Russian society, *Sociological studies*, no. 9, pp. 40–47.

24. Toshchenko Zh.T. (ed.) (2018). *How are you, intelligentsia? Sociological essays*. Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing, 360 p.

25. Vorobieva I.V. (2012). Social status of a modern Russian scientist (on the example of university teachers), *Vestnik RGGU, Series: Philosophy. Sociology. Art criticism*, no. 2 (82), pp. 260–267.

AUTHORS' INFORMATION:

Irina V. Vorobyova – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia); vorobyova.irina@list.ru.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

ДОСТУПНОСТЬ И КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ COVID-19: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ УСИЛИЯ В РАСЧЕТЕ НА БУДУЩЕЕ

В.В. Комлева^{1а}

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

В статье описываются основные проблемы высшего образования в условиях пандемии COVID-19 и обосновывается, что новые проблемы имеют обострение застаревших причин. Эти причины связаны с глубинным социальным, экономическим, культурным, политическим неравенством. Особый вид неравенства – цифровое. Оно создает существенные барьеры для доступности и качества обучения в условиях пандемии и в перспективе приведёт к ещё большей дифференциации населения. Научная задача, позволяющая решить проблему, заключается в поиске новых подходов к государственной политике в области высшего образования. Авторы предлагают принять за методологическую основу исследования комплексный подход Ван Дейка и использовать модель цифровой доступности Ван Дейка для анализа правительственных решений Европейского Союза в области будущего высшего образования. Эмпирическую базу исследования составили новейшие практики государственных решений зарубежных стран, документы и статистические данные. На примере Европейского Союза показано, как правительства стран пытаются удержать конкурентоспособность своих образовательных систем в посткоронавирусный период и пересматривают стратегии и планы развития высшего образования. Авторами выявлено, что новые государственные стратегии связаны не только с цифровизацией образовательной среды, но и с развитием мотивации, цифровых компетенций трудовых ресурсов в связке с развитием цифровой, зеленой, инновационной экономики будущего. Предполагается, что новые планы и стратегии Европейского Союза в области высшего образования являются конкурирующими стратегиями и направлены на сохранение высоких позиций в мировой иерархии стран и обеспечение конкурентоспособности не только на европейском, но и на мировом образовательном пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доступность образования, качество образования, европейское образовательное пространство, цифровизация образования, неравенство, цифровое неравенство, Европейский Союз, последствия COVID-19.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Комлева В.В. (2021). Доступность и качество высшего образования в условиях COVID-19: правительственные усилия в расчете на будущее // Вопросы управления. № 1. С. 144–155.

Доступность и качество высшего образования являются неоспоримым конкурентным преимуществом любого государства, стремящегося не только занять высокие позиции в мировой иерархии стран, но и стремящегося обеспечить интеллектуальное воспроизводство и устойчивое инновационное развитие своей страны. В условиях пандемии COVID-19 все страны столкнулись с серьёзными проблемами обеспечения доступа к образованию и с проблемами качества электронного обу-

чения студентов. Осмысление происходящих процессов привело правительства всех стран к выводу, что возврата к прошлым моделям уже не будет. Правительства стран вместе с академическим сообществом обсуждают новые модели и стратегии развития высшего образования в будущем.

В статье представлен обобщенный и систематизированный зарубежный опыт решения проблем доступности и качества высшего образования в условиях COVID-19 и на при-

¹AuthorID РИНЦ: 348926

мере Европейского Союза показано, как правительства стран пытаются удержать конкурентоспособность своих образовательных систем, пересматривая стратегии и планы развития высшего образования в посткоронавирусный период.

Новые проблемы по старым причинам

Новые проблемы, с которыми столкнулось высшее образование в условиях COVID-19, лишь отчасти являются новыми. Они стали следствием глубинных противоречий и причин, на которые еще десятилетия назад обращали внимание многочисленные исследователи и о которых мы не раз писали в наших материалах [1–3]. Вместе с тем, правительства стран оказались неготовыми к быстрому и эффективному ответу на вызовы, возникшие в новой социальной реальности. Научное мышление и прогнозные оценки ученых не нашли выражения в управленческом мышлении и в принятых планах и государственных стратегиях. Уже этот факт показывает наличие критически значимой системной проблемы практически всех стран – отсутствие связи принимаемых политических решений с результатами научных исследований, с рекомендациями, которые разрабатывают ученые. Частные проблемы в высшем образовании стали следствием наличия этой большой системной проблемы.

Первая проблема – усиление неравенства среди студентов и преподавателей, спровоцированного цифровым разрывом, разной степенью доступности интернета, возможностью иметь необходимое для обучения или преподавания оборудованное рабочее место. Риски этого отмечались учеными еще до COVID-19 [4]. На территориях с ограниченным доступом к интернету и низкой пропускной способностью широкополосного доступа возможности онлайн-обучения резко ограничены, особенно в сельских районах. Задолго до COVID-19 исследователи цифровой доступности отмечали высокую значимость в информационном обществе технических возможностей подклю-

чения к интернету, обеспечения необходимого уровня доходов малообеспеченных групп населения, роли уровня образования, возраста, пола, этнической принадлежности и региона проживания. Первые общенациональные опросы в развитых странах еще в конце 1990-х годов показали растущий разрыв «в доступе между людьми с высоким и низким доходом или образованием и этническими группами большинства по сравнению с этническими меньшинствами»². В 2000 году П. Норрис на основе исследований в 179 странах мира сделал вывод, что «глобальное разделение очевидно между промышленно развитыми и развивающимися обществами. В каждой стране был очевиден социальный разрыв между богатыми и бедными, а касаясь региональных разрывов в недостаточно развитых странах отмечалась существенная разница между столичными территориями и провинциями. И в online-сообществе появились свидетельства демократического разрыва между теми, кто использует и не использует интернет-ресурсы для вовлечения, мобилизации и участия в общественной жизни» [5]. Почти через 20 лет после исследований П.Норриса, результаты ОЭСР в 2018 году показали, что многие дома с низким доходом не имеют доступа к компьютерам. Данные Евростата за 2019 год показывают, что доступ к широкополосному интернету значительно различается по странам ЕС: от 74 % домохозяйств в квартале с самым низким доходом до 97 % в квартале с самым высоким доходом³. Но во многих домохозяйствах с низкими доходами нет доступа к компьютерам совсем⁴. Для сравнения: в США четверть населения не имеет дома широкополосного доступа в интернет, а почти пятая часть населения не имеет смартфона. Среди американцев с низкими доходами эти цифры еще выше: 44 % людей не имеют домашнего широкополосного доступа в интернет, а 29 % не имеют смартфонов [6]. Критический анализ качества и результатов современного онлайн-обучения в России представлен в статье А. В. Дождикова [7].

²Falling through the Net: defining the digital divide // NTIA (National Telecommunications and Information Administration). URL: <http://www.ntia.doc.gov/ntiahome/fttn99/contents.html>.

³EU action plan for digital skills for all broadly welcomed. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20201003010729135>.

⁴Digital economy and society statistics – households and individuals. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Digital_economy_and_society_statistics_-_households_and_individuals.

В Европе более 1 из 5 молодых людей не могут достичь базового уровня цифровых навыков. В 2018 году менее 40 % преподавателей чувствовали себя готовыми использовать цифровые технологии в обучении (этот процент существенно варьируется по странам ЕС). Поэтому к началу пандемии большая часть преподавателей и академического персонала оказалась не готовой. При этом кризис COVID-19 приводит к беспрецедентному переходу к онлайн-обучению и использованию цифровых технологий⁵. Существует разрыв между городом и деревней: в сельской местности доступ к интернету ниже, чем в городе и пригородах. Особенно силен этот разрыв в Греции, Болгарии, Португалии, Словении и Румынии. В этих стран, в целом, доступность интернет ниже, чем в среднем по ЕС. Попытки сдержать распространение вируса COVID-19 привели к массовому закрытию школ и зданий университетских городков. Пострадали более 100 миллионов учащихся, преподавателей, работников образования в Европе и во всем мире⁶. Таким образом, становится общепризнанным, что переход университетов к экстренному дистанционному обучению обострил существующие социально-экономические разломы в высшем образовании и обществе в целом. В основном это связано с различными институциональными ресурсами и социально-экономическим положением студентов [8].

Вторая проблема – неравенство, спровоцированное разным уровнем цифровых навыков. Отметим, что среди многочисленных исследований цифрового неравенства, проведенных еще до COVID-19, исследования роли навыков немногочисленны. Речь идет о таких факторах доступности, как приобретение операционных навыков пользователем компьютера; развитие и практическое применение информационных навыков; овладение стратегическими навыками, то есть способностью использовать компьютер и сетевые источники как средство для достижения определенных целей в обществе. Весьма интересное исследо-

вание проблем навыков было проведено Эстер Харгиттай и ее коллегами [9; 10]. В исследовании представлены результаты тестирования групп пользователей, которым была поручена задача поиска заданных типов информации в интернете, и выявленные явные диспропорции в зависимости от возраста, пола и образования испытуемого. Только половина экспериментальной группы была в состоянии выполнить все задачи в первом эксперименте. В условиях пандемии отсутствие навыков работы с компьютером и пользования ресурсами интернета вызвало серьезные препятствия в доступности и качестве высшего образования.

С проблемой навыков связана и проблема недостаточности квалификации преподавателей и академического персонала в разработке электронных курсов обучения и методики онлайн-обучения. По мнению экспертов, помимо проблем цифрового разрыва, колледжи и университеты будут бороться за быстрый запуск качественных программ дистанционного обучения. Многим не хватает опытных разработчиков учебных программ, достаточных образовательных ресурсов, адекватного понимания специфики и нюансов онлайн-образования и сильного институционального потенциала для его предоставления.

Третья проблема – приостановка обучения. В ряде стран студенты, проживающие в кампусах, были выселены и столкнулись с необходимостью аренды жилья, на которое не достаточно денег; получения платной медицинской помощи за пределами кампусов (закрывшихся по причине COVID-19), также требующей дополнительных финансовых затрат. Оставшись вне кампусов, студенты потеряли возможность бесплатной медицинской помощи⁷. Часть студентов принимает решение не продолжать обучение (как правило, это наиболее бедные и уязвимые категории студентов). Кроме того, есть примеры, когда университеты просто закрывались «до уведомления» (Национальный университет науки и технологий Зимбабве, Министерство высшего обра-

⁵Digital Education Action Plan (2021-2027). Resetting education and training for the digital age. – URL: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en

⁶Digital education action plan. Public consultation. – URL: <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12453-Digital-Education-Action-Plan/public-consultation>

⁷Putting fairness at the heart of higher education – URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200417094523729>

зования Малайзии приостановило онлайн-обучение вместе с мероприятиями на территории кампуса). Как следствие, студенты оставались без обучения.

Четвертая проблема – академический протест. Цифровой переход не получил всеобщего признания в академической среде, его не всегда поддерживают студенты, часть которых не согласна получать онлайн-образование даже временно в условиях пандемии. Бойкоты онлайн-платформ и забастовки студентов проходят не только в Тунисе или Чили, но в Великобритании, Испании, США. В России (как, например, и в Великобритании) появились обращения студентов снизить (и даже вернуть) им плату за обучение, так как онлайн-обучение – это не то, за что они заплатили.

Пятая проблема – психологические барьеры. В подавляющем большинстве методики преподавания и дидактические материалы направлены на непосредственное взаимодействие преподавателя и студентов. Резкий переход на новые технологии не сопровождался резким изменением педагогических подходов. Для ряда студентов стало непосильным изучение того объема информации, который ранее они могли обсудить с преподавателем во время занятий. Из-за нахождения длительное время в условиях опосредованного общения с группой и преподавателями в относительно замкнутом домашнем пространстве часть студентов начала переживать психологические проблемы: проявились психологические срывы, депрессии. Американские исследователи рассматривают проблему влияния COVID-19 на психическое здоровье студентов [11]. Кроме того, новая ситуация обнажила наличие латентной проблемы – «компьютерной тревоги». Еще в начале 2000-х годов исследователи описали это явление как чувство дискомфорта, стресса или страха, возникающее при столкновении с компьютерами. Эта тревога ещё называется технофобией – боязнью технологии в целом и недоверие к её благоприятным последствиям. Исследования этой проблемы в Калифорнийском университете показали, что «более 30 % новых интернет-пользователей сообщили, что они были технофоб-

ными, и то же самое отметили 10 % опытных пользователей интернета»⁸. Компьютерное беспокойство и технофобия характерны особенно для пожилых людей, людей с низким уровнем образования и части женского населения. Эти явления не полностью исчезают с накоплением компьютерного опыта [12, с. 221–235].

Фактор тревоги особенно важен в контексте роли мотивационных факторов доступности. Прежде чем получить физический доступ, должна возникнуть потребность иметь компьютер, подключённый к интернету, и быть вовлечённым в электронную среду. Анализ ситуации показывает, что кроме «неимущих» существуют также и «нежелающие» по причинам отсутствия необходимости или значительных возможностей использования, отсутствие времени или симпатии, отказа от среды (интернет и компьютерные игры рассматриваются как «опасные» вещи) [13]. Особенно среды дистанционного обучения рассматривались российскими авторами (К. А. Мележик, А. Д. Петренко и др. [14]).

Таким образом, мы видим, что проблемы, ставшие значимыми в настоящее время, ставились исследователями значительно раньше, но оставались на периферии внимания большей части правительств и стран.

Усилия правительств сейчас

Обобщение первого опыта правительств разных стран в отношении высшего образования в условиях COVID-19 позволяет выделить основные направления правительственных усилий. В большинстве европейских стран они продолжают следовать принципам либеральной философии образования, для российского читателя весьма обстоятельно представленных в работе В. А. Куренного [15]. В исследованиях Европейской ассоциации университетов рассматривается влияние кризиса COVID-19 на высшее образование в Европе, переход к экстренному дистанционному обучению и преподаванию, влияние ситуации на интернационализацию и мобильность, а также влияние на исследования [16]. Эти же проблемы поднимаются и в исследованиях Международной ассоциации университетов [17–19].

⁸The UCLA Internet report: Surveying the digital future, year three / University of California, Los Angeles ; Center for Communication Policy. Los Angeles, 2003. URL: <http://www.ccp.ucla.edu/pages/internet-report.asp>.

Первое направление правительственных мер – финансовая помощь. Сюда входят финансовые стимулы и моратории на студенческие ссуды (например, в Австралии, Дании, Германии, Тайване, США, странах ЕС), пакеты экономической помощи, которые включают поддержку высшего образования. Это поможет государственным университетам сохранить занятость административного и академического персонала, поддержать студентов и оплатить технологии, которые могут обеспечить быстрый переход к онлайн-образованию. Правительства Канады и США приняли решение о прекращении выплат всех студенческих ссуд на шесть месяцев, чтобы поддержать безработных выпускников и людей с ограниченными доходами. Многие правительства предоставляют университетам целевое финансирование исследований, чтобы помочь определить эффективные лекарства для лечения пациентов с COVID-19 и разработать вакцину. Страны Северной Европы финансируют исследования в области социальных наук с целью изучения и смягчения социальных последствий пандемии. Подробный отчет о воздействии пандемии COVID-19 на финансирование университетов и о последствиях, ожидаемых в будущем, опубликовала Европейская ассоциация университетов [20].

Второе направление правительственных мер – обеспечение большей гибкости требований к обеспечению качества. Ряд стран приостановил или перенес сроки аккредитации и лицензирования, перешли на «виртуальные посещения» из-за закрытия университетов или ограничений на поездки, а также сделали более гибкими требования, касающиеся онлайн-образования. Действительно, во многих странах действуют строгие правила в отношении онлайн-образования. Например, в России сохраняются одинаковые требования в отношении помещений и оборудования для получения лицензии на образовательную деятельность в формате онлайн и в обычном формате с привязкой к аудиториям. Некоторые страны налагают дополнительные ограничения, отражая негативное восприятие дистанционного обучения. Например, когда в Перу в 2014 году закон о высшем образовании дисквалифицировал от должности деканов факультетов,

профессоров, получивших докторские степени посредством онлайн-образования. В целом же, надзорные органы во многих странах в настоящее время ослабляют свои критерии обеспечения качества, чтобы поддержать быстрый переход к онлайн-образованию. Некоторые из них выпустили специальные рекомендации для университетов.

Третье направление правительственных мер – наращивание потенциала для предоставления онлайн-образования и инициативы для облегчения перехода к онлайн-обучению. Страны усилили возможности широкополосной связи, чтобы облегчить доступ в интернет для всех студентов. Ряд стран предоставил субсидированные интернет-пакеты для студентов университетов и бесплатное подключение к национальным исследовательским сетям для всех университетов. В ряде стран были предложены ускоренные курсы – как для ученых, так и для студентов – по использованию цифровых платформ и применению эффективных методов онлайн-обучения. В результате ученые и студенты во всем мире имеют доступ к бесплатным курсам на многих языках. Они могут использовать цифровые платформы для виртуальных встреч и видеоконференций. Они могут воспользоваться бесплатными онлайн-программами обучения. И они могут использовать виртуальные лаборатории для моделирования и экспериментов. Некоторые телекоммуникационные компании предложили бесплатные или сильно субсидируемые интернет-пакеты для студентов и преподавателей и освободили сайты, содержащие открытые образовательные ресурсы, от платы за передачу данных.

В условиях COVID-19 особенно жестко проверяется устойчивость современных университетов. Многие из них оказались в кризисной ситуации. По мнению экспертов, лучшие университеты мира вряд ли пострадают от долгосрочных негативных последствий. По мнению Филипа Альтбаха и Ханса де Вит «исследовательские университеты и высококачественные учебные заведения, признанные во всем мире и на национальном уровне и имеющие стабильные потоки доходов, такие как Индийские технологические институты и элитные американские частные гуманитарные

колледжи и т. институты по всему миру, восстановятся быстрее и выйдут из кризиса относительно невредимыми» [21].

Но для большинства высших учебных заведений, особенно частных, которые полностью зависят от платы за обучение, финансовое выживание будет серьезной проблемой во время глубокой рецессии, которую предсказывают многие экономисты. Вполне реально ожидать, что многие частные университеты закроются.

Миллионы студентов с ограниченными ресурсами могут оставить высшее образование или перейти в более доступные государственные учебные заведения. Колледжи и университеты с высокой долей иностранных студентов также будут уязвимы к колебаниям спроса.

Правительственные стратегии образования будущего в ЕС

Многие страны ищут варианты, как обеспечить доступность и качество высшего образования в постковидную цифровую эпоху [22–24]. Очевидно, что и качество, и доступность нельзя отождествлять технологическим детерминизмом. Ряд современных ученых еще до пандемии COVID-19 предлагали сосредоточиться на социальных, психологических и культурных условиях цифровой доступности. Концепции физического доступа были дополнены и расширены многофакторными моделями, концепциями цифровых навыков и компетенций [25].

Наибольший объяснительный потенциал в современных условиях имеет модель Ван Дейка [12, с. 221–235]. Принимая за основу модель расширенного доступа Ван Дейка (позволяющую учитывать совокупность взаимосвязанных социальных, психических, экономических, технологических причин), становится ясным, что правительственные усилия только по обеспечению технического интернет-доступа, создания разных образовательных платформ и другие технические решения не приводят к трансформации общества в цифровое. Доступу к технологической базе предшествует мотивационный фактор, наличие соответствующих навыков и экономические возмож-

ности. С этих позиций проанализируем усилия Европейского Союза.

Правительства практически всех стран с конкурентоспособным высшим образованием намерены изменить стратегии развития высшего образования. 30 сентября 2020 года Европейская комиссия опубликовала сообщение «Достижение европейского образовательного пространства к 2025 году». В нем изложены ключевые действия ЕС в области образования на следующие пять лет. ЕС признает жизненно важный вклад образования в самобытность Европы, ее будущее и долгосрочную устойчивость ее сообществ. [26]

Европейская комиссия объявила о пересмотре Плана действий в области цифрового образования с упором на общеевропейское расширение возможностей подключения, инфраструктуры и сотрудничества, а также обеспечение доступа к цифровым навыкам для всех.

Принятие Плана стало ответом на результаты детального анализа статистических данных о развитии цифрового пространства Европы. В июне – сентябре 2020 года в ЕС были проведены общественные консультации (анкетный опрос). Выяснилось, что почти 60 % респондентов до кризиса не использовали дистанционное и онлайн-обучение. Более 60 % считают, что улучшили свои цифровые навыки во время кризиса, и более 50 % респондентов хотят делать это дальше. 95 % считают, что кризис COVID-19 является точкой невозврата в технологиях образования и обучения, но ресурсы и контент онлайн-обучения должны быть более актуальными, интерактивными и простыми в использовании⁹.

Осмысливая происходящее, в ЕС разрабатывается «План действий в области цифрового образования на 2021–2027 годы: переход образования в цифровую эпоху». Этот план является частью пакета, который включает инициативы, направленные на усиление вклада образования и профессиональной подготовки в восстановление Европейского союза после кризиса, связанного с COVID-19, и на построение «зеленой и цифровой Европы». Европейский План предполагает более

⁹Digital Education Action Plan (2021–2027). Resetting education and training for the digital age. URL: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en.

тесное сотрудничество между государствами-членами ЕС и заинтересованными сторонами, чтобы «сделать системы образования и обучения действительно пригодными для цифровой эпохи». Цифровые технологии рассматриваются как «мощные инструменты для перехода к зеленой экономике». При этом отмечается, что еще сохраняется «цифровой разрыв между городом и деревней», что особенно явным стало во время кризиса COVID-19¹⁰.

Европейские инициативы в цифровом образовании не рассматриваются как экстренный режим, а оцениваются как дальновидные стратегии и действия после кризиса, которые имеют первостепенное значение для устойчивости и инноваций¹¹. План действий является частью реакции ЕС на кризис COVID-19, но его руководящие принципы нацелены на то, чтобы сделать систему образования и обучения подходящими для цифровой эпохи (за счет высококачественного и инклюзивного цифрового образования). Базовые цифровые навыки рассматриваются как часть основных передаваемых навыков для всех активных граждан.

План рассматривается как начало стратегического диалога со странами-членами ЕС с целью подготовки предложений к 2022 г. о факторах, способствующих успешному цифровому образованию и использованию финансирования ЕС, государственного и частного финансирования. В настоящее время финансирование инициатив планируется запрашивать у программы *Erasmus*, Европейского социального фонда, Европейского фонда регионального развития и политик интеллектуальной специализации, *Connecting Europe Facility*, программ *Digital Europe* и *Horizon Europe*.

В соответствии с планом государства-члены ЕС должны будут разработать руководящие принципы цифровой педагогики, основанные на передовой практике и опыте, и максимально использовать поддержку ЕС в отношении доступа в интернет, покупки цифрового оборудования и приложений и платформ электронного обучения для школ и, в

частности, для студентов из неблагополучных групп, а также для студентов и преподавателей с ограниченными возможностями. В плане говорится, что «обучение рабочих и соискателей работы в Европе цифровыми навыками будет иметь решающее значение для восстановления экономики в ближайшие годы. В дополнение к цифровым навыкам цифровая экономика требует также дополнительных навыков, таких как адаптируемость, навыки общения и сотрудничества, решение проблем, критическое мышление, творчество, предпринимательство и готовность учиться»¹¹.

Среди практических шагов, предложенных в плане действий, – Европейский сертификат цифровых навыков (EDSC), который может быть признан и принят правительствами, работодателями и другими заинтересованными сторонами по всей Европе. Для улучшения сотрудничества в области цифрового образования на уровне ЕС планируется создать Европейский центр цифрового образования для поддержки государств-членов через сеть национальных консультационных служб по обмену опытом и передовой практикой в области цифрового образования. В рамках инициативы европейских университетов планируется создание виртуальных и очных межуниверситетских кампусов ЕС и внедрение инновационных моделей цифрового высшего образования. Введение европейских студенческих карточек будет играть ключевую роль в безопасном электронном обмене, а проверка данных о студентах и академических записей упростит управление мобильностью студентов. Все мероприятия «Плана действий в области цифрового образования на 2021–2027 годы: переход образования в цифровую эпоху» направлены на более тесное сотрудничество и преодоление фрагментации политик стран-членов ЕС.

В этой связи обратим внимание на отчет европейских исследователей о результатах экспертного интервью руководителей университетов, проведенного в 2020 году. В отчете представлен анализ мнений об использовании цифровых технологий в европейских уни-

¹⁰Digital Education Action Plan (2021–2027). Resetting education and training for the digital age. URL: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en.

¹¹EU action plan for digital skills for all broadly welcomed. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20201003010729135>.

верситетах за последние семь лет и о стратегическом восприятии цифровизации, ее влиянии на различные области институциональной жизни, ожиданиях на будущее, об изменениях, ускоренных текущей пандемией [27].

Важным направлением в ЕС становится стимулирование университетов к разработке новых (переработке прежних) стратегий развития университетов. В Европейском Союзе 60 % высших учебных заведений еще до COVID-19 имели в своем стратегическом планировании положения об онлайн-обучении, но только одна треть предоставляла полные онлайн-курсы. Лучшее всего были подготовлены университеты, специализирующиеся на бизнес-исследованиях, экономике и образовании, а также более крупные учебные заведения с широкой дисциплинарной сферой. В области науки и техники менее 3 % программ были полностью доступны в режиме онлайн¹².

В настоящее время стратегические приоритеты начинают пересматриваться. Университеты будут учитывать развертывание постоянно растущего набора цифровых технологий (приложений, платформ, программного обеспечения) для улучшения и расширения образования и обучения и будут формировать у всех студентов цифровые компетенции (знания, навыки и установки). Так как государства-члены ЕС несут ответственность за содержание обучения и организацию своих систем образования и профессиональной подготовки, то действия на уровне ЕС могут способствовать развитию качественного и инклюзивного образования и обучения, поддерживая сотрудничество; обмен передовой практикой, рамками, исследованиями; рекомендации и другие инструменты.

В ЕС делают ставку на широкое международное сотрудничество в области цифрового образования. Действия направлены на продвижение «глобального сотрудничества с одновременным достижением его стратегических целей в приоритетных регионах, особенно в западных Балканах, Африке и регионах соседства Восточного партнерства и Южно-

го Средиземноморья»¹³. Поддерживает ЕС и усилия стран Восточного партнерства в рамках инициативы *EU4Digital*, и усилия развития Африканско-европейского альянса.

Таим образом, рассмотрев действия и новые планы ЕС по развитию высшего образования, отметим охват практически всех сфер и факторов доступности, описанных в модели Ван Дейка и его коллег. Предположительно, в перспективе ЕС сумеет трансформировать европейское образовательное пространство под новые общественные потребности и сумеет связать трансформацию в образовании с трансформацией экономики и социальной модели ЕС.

Выводы

Удивительно, что, несмотря на разный уровень социально-экономического и цифрового развития стран, все они столкнулись с примерно одинаковыми проблемами в условиях COVID-19. Система высшего образования пострадала одной из первых, но и одна из первых встала на путь поиска оптимального выхода из сложной ситуации. Меры, принимаемые правительствами разных стран, сводились к социально-экономической, психологической, методической поддержке студентов, преподавателей, академического персонала. Параллельно университеты наращивали свои цифровые возможности, и искали пути преодоления цифрового неравенства.

Трансформация общественных отношений в условиях COVID-19 обострила проблему неравенства во всех его проявлениях. Цифровое неравенство стало следствием не столько технической невозможности подключить интернет, сколько следствием социального, экономического, политического, культурного, а в ряде стран и расового, неравенства. Эта критически значимая для современного мира проблема будет обостряться в ближайшем будущем, и будет определять общественно-политические дестабилизации в разных странах.

В условиях COVID-19 обострилась конкуренция на мировом образовательном пространстве. В настоящее время страны, претен-

¹²Universities not ready for online learning – U-Multirank. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200609183303614>.

¹³Digital economy and society statistics – households and individuals U action plan for digital skills for all broadly welcomed. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20201003010729135>.

дующие на лидерство в международном образовательном пространстве, озабочены уже не сегодняшним днем, а будущим. Принимаемые меры направлены на наращивание конкурентных преимуществ в постковидный период. Цифровая трансформация ускоряется быстрыми темпами с развитием новых технологий, таких как искусственный интеллект, робототехника, облачные вычисления и блокчейн. Цифровые технологии и образование могут дать людям возможность сфокусироваться и принять участие в формировании будущего мира. Тот, кто сумеет включиться в новые инициативы, останется конкурентоспособным и востребованным.

Весьма показательны в этом отношении Европейский союз и новые стратегии развития

общего европейского образовательного пространства. Идея цифровой трансформации европейского образования – это не идея про равенство и справедливость, это идея про конкуренцию. Развитие глобальных цифровых платформ, развитие цифровых компетенций не только у выпускников университетов, но и людей преклонного возраста, связь университетов и цифровой и «зеленой» экономики, расширение международных партнерств и другие проекты и инициативы – все это позволит высшему образованию ЕС остаться лидером мирового образования. Несомненно, неравное развитие стран-членов ЕС будет препятствовать полномасштабной реализации инициатив, но образовательные системы более развитых стран ЕС снова будут в выигрыше.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комлева В.В., Егоров В.К., Жуликова О.В., Билье Ж.К., Фраттини Ф. (2020). Доступность высшего образования для иностранных граждан в России и зарубежных странах: социально-экономический аспект. М. : Дело.
2. Комлева В.В., Жуликова О.В. (2020). Обеспечение доступности высшего образования для иностранных граждан: опыт Испании. М. : Дело.
3. Комлева В.В. (2020). Экспортный потенциал российского высшего образования // Этносоциум. № 5 (143). С. 9–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43977581>.
4. Van Dijk J. (2020) *The Digital Divide*. Cambridge; Medford: Polity Press.
5. Norris P. (2001) *Digital Divide, Civic Engagement Information Poverty and the Internet Worldwide*. New York: Cambridge University Press. 303 p.
6. Nguyen M.H., Gruber J., Fuchs J. (2020). Changes in Digital Communication During the COVID-19 Global Pandemic: Implications for Digital Inequality and Future Research, *SAGE Journals*, September 9. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2056305120948255>.
7. Дождиков А.В. (2020). Онлайн-обучение как e-learning: качество и результаты (критический анализ) // Высшее образование в России. Т. 29. № 12. С. 21–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-21-32.
8. Post COVID-19: opportunity for universities to have a rethink. URL: <https://theconversation.com/post-covid-19-opportunity-for-universities-to-have-a-rethink-149474>.
9. Hunsaker A., Hargittai E. (2020). Age-Related Differences in Home Experiences and Worries During COVID-19. URL: <https://osf.io/preprints/socarxiv/gbzcr/>.
10. Hargittai E. (2020) Covid-19 Study on Digital Media and the Coronavirus Pandemic. URL: <http://webuse.org/covid/>.
11. Son C., Hegde S., Smith A.; Wang X., Sasangohar F. (2020). Effects of COVID-19 on College Students' Mental Health in the United States: Interview Survey Study. URL: <https://www.jmir.org/2020/9/e21279/>.
12. Van Dijk, Jan A.G.M. (2006). Digital Divide Research, Achievements and Shortcomings, *Poetics*, no. 34, pp. 221–235.
13. Falling through the Net: defining the digital divide. National Telecommunications and Information Administration, 1999. URL: <http://www.ntia.doe.gov/ntiahome/ftn99/contents.html>.
14. Melezhik K.A., Petrenko A.D., Khrabskova D.M. (2020). Reflective Hyperconnectivity of Social Networks Virtual Space as a Factor in the Design of Distant Learning Environment, vol. 29, no. 10, pp. 46–55. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-46-55.
15. Куренной В.А. (2020) Философия либерального образования: принципы // Вопросы образования. № 1. С. 8–39. URL: <https://vo.hse>

.ru/data/2020/04/09/1554549785/Kurennoy%20RUS.pdf.

16. European higher education in the Covid-19 crisis. URL: <https://www.eua.eu/resources/publications/939:european-higher-education-in-the-covid-19-crisis.html>.

17. Marinoni G., van't Land H., Jensen T. (2020). First Global Survey Report on the impact of COVID-19 on Higher Education around the World. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf.

18. Regional and National Perspectives on the Impact of COVID-19 on Higher Education. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid-19_regional_perspectives_on_the_impact_of_covid-19_on_he_july_2020_.pdf.

19. COVID-19 impact on Higher Education: Institutional and Students' Perspectives. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/joint_paper_iau_and_esn_-_institutional_and_students_perspectives_of_covid-19_impact_on_higher_education.pdf.

20. Bennetot Pruvot E., Estermann T., Kupriyanova V., Stoyanova H. (2020). Public Funding Observatory 2020/2021: Part 1 – Financial and economic impact of the Covid-19 crisis on universities in Europe. URL: https://www.eua.eu/downloads/publications/pfo%20part%201_ppt%20-%20im.pdf.

21. Altbach P.G, de Wit H. (2020). Post pandemic outlook for HE is bleakest for the poorest. University World News. April 4. URL: [https://www.univer](https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200402152914362)

[sityworldnews.com/post.php?story=20200402152914362](https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200402152914362).

22. Perspectives on the new European Research Area from the university sector. European University Association. URL: https://www.eua.eu/downloads/publications/eua%20policy%20input_perspective%20on%20era%20from%20the%20university%20sector.pdf.

23. Schiermeier Q., Else H., Mega E. R., Padma T.V., Gaiand N. (2020). What it's really like to do science amid COVID-19. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02815-2>.

24. Di Pietro G., Biagi F., Costa P., Karpiński Z., Mazza J. (2020). The likely impact of COVID-19 on education: Reflections based on the existing literature and international datasets. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC121071/jrc121071.pdf>.

25. Gui M., Argentin G. (2011). Digital skills of internet natives: Different forms of digital literacy in a random sample of northern Italian high school students, *SAGE Journals*, March 8. DOI: 10.1177/2056305120948255.

26. EUA response to the European Commission Communication on achieving the European Education Area by 2025 (2020). URL: <https://www.eua.eu/downloads/publications/eea.pdf>.

27. Gaebel M., Zhang T., Stoeber H., Morrisroe A. (2020). Digitally enhanced learning and teaching in European higher education institutions. Survey report. URL: <https://www.eua.eu/downloads/publications/digi-he%20survey%20report.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Комлева Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, доцент; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, 84); komleva@ranepa.ru.

ACCESSIBILITY AND QUALITY OF HIGHER EDUCATION UNDER THE COVID-19 PANDEMIC: GOVERNMENTAL EFFORTS WITH AN EYE TO THE FUTURE

V.V. Komleva^{14a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

The article describes the main problems of higher education under the COVID-19 pandemic and argues that new problems have aggravated old reasons. These reasons are related to profound social, economic,

¹⁴RSCI AuthorID: 348926

cultural, and political inequalities. A special kind of inequality is digital inequality, which creates significant barriers to accessibility and quality of learning in a pandemic environment and, in the long term, will lead to an even greater differentiation of the population. The scientific challenge to solve the problem is to find new approaches to public policy in the field of higher education. The authors propose to take Van Dijk's comprehensive approach as a methodological basis for the research and to use Van Dijk's digital accessibility model to analyze governmental decisions of the European Union in the field of the future of higher education. The empirical basis of the study was formed by the latest practices of governmental decisions of foreign countries, documents, and statistical data. The example of the European Union shows how governments are trying to keep their educational systems competitive in the post-coronavirus period and revise strategies and plans for higher education development. The authors revealed that the new state strategies are not only related to the digital transformation of the educational environment, but also to the development of motivation, digital competencies of the workforce in conjunction with the development of a digital, green and innovative economy of the future. It is assumed that the new plans and strategies of the European Union in the field of higher education are competing strategies and are aimed at maintaining a high position in the world hierarchy of countries and ensuring competitiveness not only in the European but also in the global educational space.

KEYWORDS: accessibility of education, quality of education, the European educational space, digital transformation of education, inequality, digital inequality, the European Union, consequences of COVID-19.

FOR CITATION: Komleva V.V. (2021). Accessibility and quality of higher education under the COVID-19 pandemic: governmental efforts with an eye to the future, *Management Issues*, no. 1, pp. 144–155.

REFERENCES

1. Komleva V.V., Egorov V.K., Zhulikova O.V., Bilie J.K., Frattini F. (2020). Accessibility of higher education for foreign citizens in Russia and foreign countries: socio-economic aspect. Moscow: Business.
2. Komleva V.V., Zhulikova O.V. (2020). Making Higher Education Accessible to Foreign Citizens: The Spanish Experience. Moscow: Business.
3. Komleva V.V. (2020). Export potential of Russian higher education, *Ethnosocium*, no. 5 (143), pp. 9–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43977581>.
4. Van Dijk J. (2020) *The Digital Divide*. Cambridge; Medford: Polity Press.
5. Norris P. (2001) *Digital Divide, Civic Engagement Information Poverty and the Internet Worldwide*. New York: Cambridge University Press. 303 p.
6. Nguyen M.H., Gruber J., Fuchs J. (2020). Changes in Digital Communication During the COVID-19 Global Pandemic: Implications for Digital Inequality and Future Research, *SAGE Journals*, September 9. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2056305120948255>.
7. Dozhnikov A.V. (2020). Online learning as e-learning: quality and results (critical analysis), *Higher education in Russia*, vol. 29, no. 12, pp. 21–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-21-32.
8. Post COVID-19: opportunity for universities to have a rethink. URL: <https://theconversation.com/post-covid-19-opportunity-for-universities-to-have-a-rethink-149474>.
9. Hunsaker A., Hargittai E. (2020). Age-Related Differences in Home Experiences and Worries During COVID-19. URL: <https://osf.io/preprints/socarxiv/gbzcr/>.
10. Hargittai E. (2020) Covid-19 Study on Digital Media and the Coronavirus Pandemic. URL: <http://webuse.org/covid/>.
11. Son C., Hegde S., Smith A., Wang X., Sasangohar F. (2020). Effects of COVID-19 on College Students' Mental Health in the United States: Interview Survey Study. URL: <https://www.jmir.org/2020/9/e21279/>.
12. Van Dijk, Jan A.G.M. (2006). Digital Divide Research, Achievements and Shortcomings, *Poetics*, no. 34, pp. 221–235.
13. Falling through the Net: defining the digital divide. National Telecommunications and Information Administration, 1999. URL: <http://www.ntia.doc.gov/ntiahome/fttn99/contents.html>.
14. Melezhik K.A., Petrenko A.D., Khrabskova D.M. (2020). Reflective Hyperconnectivity of Social Networks Virtual Space as a Factor in the Design of Distant Learning Environment, vol. 29, no. 10,

pp. 46–55. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-46-55.

15. Kurennoy V.A. (2020) Philosophy of Liberal Education: Principles, *Education Issues*, no. 1, pp. 8–39. URL: <https://vo.hse.ru/data/2020/09.04.1554549785/Kurennoy%20RUS.pdf>.

16. European higher education in the Covid-19 crisis. URL: <https://www.eua.eu/resources/publications/939:european-higher-education-in-the-covid-19-crisis.html>.

17. Marinoni G., van't Land H., Jensen T. (2020). First Global Survey Report on the impact of COVID-19 on Higher Education around the World. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf.

18. Regional and National Perspectives on the Impact of COVID-19 on Higher Education. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid-19_regional_perspectives_on_the_impact_of_covid-19_on_he_july_2020_.pdf.

19. COVID-19 impact on Higher Education: Institutional and Students' Perspectives. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/joint_paper_iau_and_esn_-_institutional_and_students_perspectives_of_covid-19_impact_on_higher_education.pdf.

20. Bennetot Pruvot E., Estermann T., Kupriyaynova V., Stoyanova H. (2020). Public Funding Observatory 2020/2021: Part 1 – Financial and economic impact of the Covid-19 crisis on universities in Europe. URL: https://www.eua.eu/downloads/publications/pfo%20part%201_ppt%20-%20im.pdf.

21. Altbach P.G, de Wit H. (2020). Post pandemic outlook for HE is bleakest for the poorest. Univer-

sity World News. April 4. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200402152914362>.

22. Perspectives on the new European Research Area from the university sector. European University Association. URL: https://www.eua.eu/downloads/publications/eua%20policy%20input_perspective%20on%20era%20from%20the%20university%20sector.pdf.

23. Schiermeier Q., Else H., Mega E. R., Padma TV., Gaiind N. (2020). What it's really like to do science amid COVID-19. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02815-2>.

24. Di Pietro G., Biagi F., Costa P., Karpiński Z., Mazza J. (2020). The likely impact of COVID-19 on education: Reflections based on the existing literature and international datasets. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC121071/jrc121071.pdf>.

25. Gui M., Argentin G. (2011). Digital skills of internet natives: Different forms of digital literacy in a random sample of northern Italian high school students, *SAGE Journals*, March 8. DOI: 10.1177/2056305120948255.

26. EUA response to the European Commission Communication on achieving the European Education Area by 2025 (2020). URL: <https://www.eua.eu/downloads/publications/eea.pdf>.

27. Gaebel M., Zhang T., Stoeber H., Morrisroe A. (2020). Digitally enhanced learning and teaching in European higher education institutions. Survey report. URL: <https://www.eua.eu/downloads/publications/digi-he%20survey%20report.pdf>.

AUTHORS' INFORMATION:

Valentina V. Komleva – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Vernadsky Av., Moscow, 119571, Russia); komleva@ranepa.ru.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

К.В. Воденко^{1а}

^аЮжно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова

АННОТАЦИЯ:

В современных условиях поиска императивов развития государственной политики в сфере высшего образования актуализируется проблема ее регионализации. Данное обстоятельство, как представляется автору, требует формирования и развития критериев академического лидерства как показателя реализации в сфере высшего образования взаимосвязанных функций роста человеческого капитала в регионе и создания региональной инновационной среды.

В статье реализуется научная задача по системному анализу регионализации государственной политики в сфере высшего образования как цели достижения академического лидерства.

Методология исследования основывается на пространственном, социоресурсном, субъектно-деятельностном подходах, которые под различным ракурсом исследуют регионализацию государственной политики в сфере высшего образования и академическое лидерство. Исследование базируется на работах ведущих ученых-экспертов в сфере развития высшего образования в современных социально-экономических условиях.

Основные результаты научного исследования заключаются в обосновании идеи о взаимосвязанности государственной политики в сфере высшего образования и производства академических знаний. Автор статьи показывает, что перемена вектора государственной политики в сфере высшего образования на академическое лидерство создает возможности использования регионального потенциала в высшем образовании и способствует формированию стратегии акторов высшего образования, направленных на академическое лидерство, как возможность творческой внутренней мотивации и высококвалифицированного интеллектуального труда.

Автор приходит к выводу о том, что в качестве важного вектора государственной образовательной политики является выделение региональной специфики высшего образования в российском обществе в контексте поддержания и обеспечения новых образовательных и профессиональных стратегий молодежи. Также отмечается важность оценки академических знаний как способности достижения высокой профессиональной квалификации, развитие межрегионального сотрудничества с учетом конкретных результатов по производству академических знаний в региональных вузах.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6) на тему «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления индустрии 4.0».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: регионализм, государственная политика в сфере высшего образования, академическое лидерство, академические знания, человеческий капитал, внутренняя мотивация деятельности, акторы высшего образования.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воденко К.В. (2021). Регионализация государственной политики в сфере высшего образования в контексте становления академического лидерства // Вопросы управления. № 1. С. 156–168.

¹AuthorID РИНЦ: 289484, ORCID: 0000-0002-5283-0466, ScopusID: 56669747300, ResearcherID: L-4112-2016

Актуальность и постановка проблемы исследования

Российское высшее образование основывается на принципе региональности, т. е. в количественном аспекте подавляющее большинство российских вузов сосредоточены в регионах и в качественном разрезе, так как, несмотря на лидерские позиции вузов в столицах, основные социальные миссии высшего образования приходится на региональные вузы. Несмотря на то, что последнее десятилетие стало свидетелем негативных тенденций в высшем образовании в российских регионах (отсталость материально-технической базы, разрыв в поколениях кадрового состава, проблемы недофинансирования), в целом есть необходимость рассматривать высшее образование в регионах как основной источник накопления и роста в стране интеллектуального, научного и образовательного потенциалов [1].

Требуется оценка и осмысление государственной образовательной политики, которая характеризуется разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, в сфере высшего образования проявляются формальности вузовского диплома и узкие образовательные, культурные и профессиональные горизонты, создающие в совокупности эффект профессиональной некомпетентности. В высшем образовании на региональном уровне очевидным становится дефицит устойчивого вектора развития, неразработанность стратегии обеспечения высшего образования на региональном уровне, планирования и проектирования на среднесрочный и долгосрочный периоды.

Российское высшее образование нуждается в разработке национальных рейтинговых показателей, ориентирующихся на регионализацию государственной образовательной политики. Включение в международные образовательные стандарты создает синдром отставания, который имеет следствием укоренение в массовом сознании и, к сожалению, на профессиональном уровне, впечатление потерянности и безнадежности. По такому сценарию российское высшее образование обречено на медленную деградацию и угасание, и как альтернатива предлагается политика «заимствования», перевода финансовых ресурсов в сфере высшего образования на развитие «цен-

тров» с приглашенными зарубежными специалистами, закупкой образовательных технологий, выпуском «элитного меньшинства». В результате государственная образовательная политика перестает быть ориентированной на национальную модель высшего образования и является формой «переноса интеллектуального колониализма».

Но если принимать во внимание, что Россия держится и прирастает регионами, реальный запрос в сфере высшего образования состоит в регионализации государственной политики, переносе основных направлений деятельности в российский регион с целью добиться равновесия в возможностях допуска к качественному образованию на региональном уровне и наращиванию потенциала человеческого капитала в региональном развитии. Для этого необходимо проведение эффективного реформирования системы высшего образования в регионах на основе преемственности с предшествующим опытом развития образовательной системы, формирования действенных организационных структур, поддержка социальной миссии высшей школы, возвращение к традициям воспитательной работы со студенческой молодежью.

Для регионализации государственной политики в сфере высшего образования выбор состоит в том, чтобы реализовать стабильные изменения, избавить систему высшего образования от конъюнктурных целей, сократить избыточную бюрократизацию образовательной деятельности, помочь региональным вузам в налаживании межрегионального и международного сотрудничества через включение в действующие образовательные программы [24; 25]. Как отмечается, базовым условием реализации государственной образовательной политики является универсализация социально-педагогических укладов, связанных с механизмом взаимодействия с рынком труда, принципами устройства внутренней жизни, мотивациями профессиональной активности и образцами профессионального поведения акторами высшего образования.

Можно согласиться с данным положением, так как разрывы между образовательными структурами в столицах и регионах являются менее болезненными по сравнению с неод-

нородностью сферы высшего образования на региональном уровне, с тем, что с неоднородностью связаны социальные риски, неопределенности жизненных и профессиональных траекторий выпускников высшей школы. Заявленный процесс универсализации не может быть основан на введении дополнительных контрольных и упорядочивающих процедур, что создало бы дублирующий бюрократический эффект в управлении системой высшего образования.

Речь идет о другом – о перенаправленности развития системы высшего образования на достижение академического лидерства как качества высшего образования в регионах, связанного с моделью социальной эффективности и профессиональной компетентности, со сращенностью науки и образования, конкурентноспособностью на общероссийском и международном уровнях через показатели востребованности, престижности, инвестиционной привлекательности [3; 9; 17].

Как уже отмечалось ранее, термин «академическое лидерство» введен в научно-исследовательский оборот российской социально-гуманитарной мысли в рамках происходящих перемен в сфере высшего образования и в контексте формирования и развития теории социального лидерства [4; 5; 6].

Государственная образовательная политика в этом смысле проходит период регионализации, так как становится необходимым включение в систему высшего образования сложившихся социально-экономического и культурно-исторического контекста, обращения к механизмам региональной идентичности, формирования чувства ответственности акторов высшей школы, что достижимо при условии перевода государственной образовательной политики на схему встречного движения к регионам.

Информационная база, методология и методы исследования

Рассматривая теоретико-методологический инструментальный анализ и обоснования регионализации государственной политики в сфере высшего образования, можно сказать, что показательной является постановка вопроса о стратегическом, идеологическом, финансово-организационном и технологиче-

ском аспектах реализации желаемой образовательной концепции. Так, государственное регулирование и государственная политика в сфере высшего образования исследовались автором и творческими коллективами под руководством автора в контексте обеспечения национальной безопасности России и формирования и развития научно-инновационного потенциала молодежи в системе высшего образования, в рамках развития интересов субъектов социально-трудовых отношений [19; 20; 21] и др.

Как уже отмечалось ранее, автор останавливается на понятии академического лидерства «не только вследствие неукоренённости в исследовательском дискурсе, но и по причине полисемантической, то есть „эпистемологической пустоты“. Академическое лидерство интерпретируется в рамках резистентности переменам в системе высшего образования последствием дигитализации, которая смещает показатели лидерства с парадигмальных достижений от авторитета в научной среде к индикаторам информатизации (цифровизации), внедрение новейших методов обучения и подготовки, к росту роли виртуализации» [4, с. 34].

Для социально-экономической мысли конца XX – начала XXI века характерен гуманистический поворот, обращение к концепциям «действующего человека». Как отмечает российский автор С. Кравченко, формированием «человеческого капитала, его защитой от возникших уязвимостей можно и нужно управлять исходя из того, что государственная образовательная политика как тип управления должна выступать как цивилизованный, рациональный, гуманистический способ взаимодействия акторов высшего образования и властных институтов» [8, с. 248]. Особенно важно произвести диагноз принимаемых решений в сфере высшего образования, учитывая преднамеренные и непреднамеренные последствия вводимых инноваций.

В контексте регионализации государственной политики в сфере высшего образования необходимым является анализ объективных и субъективных факторов, позволяющий, с одной стороны, не проводить сомнительные по последствиям для высшего образования ре-

формы, принимая во внимание опыт предшествующих преобразований, с другой – действовать последовательно в реализации заявленных приоритетов развития системы высшего образования.

Академическое лидерство является реально отражающим потенциал высшего образования в региональном пространстве, так как в России сохранились академические школы в регионах (Урал, Северный Кавказ, Дальний Восток, Сибирь). В определенной степени их меньше коснулись организационные и финансовые изменения, приведшие к исчезновению целых научных направлений. Несмотря на трудности адаптационного периода, высшее образование в регионах перестроилось, хотя и со значительными издержками, к новой социально-экономической и социально-политической ситуации.

В сложившемся контексте условие развития академического лидерства на региональном уровне является более достижимой и менее уязвимой задачей государственной образовательной политики по сравнению с противоборством тенденций стагнации и развития в столицах. Имеется в виду, что сфера высшего образования в регионах, несмотря на процессы коммерциализации под видом расширения образовательных услуг как механизм формирования автономности высшего образования, сохранила приоритет в определении и реализации задач высшего образования по сравнению с «частными» вузами.

Данная проблема должна рассматриваться и теоретически, и практически. В теоретическом смысле важно обосновать выбор исследования, позволяющий получить достоверную оценку условий и результатов регионализации государственной образовательной политики. В основе критического дискурса анализа в сфере методологии исследования необходимым является сравнение аналитического, объяснительного и социально-прогностического потенциала используемых теоретико-методологических схем.

Традиционным методологическим разделом в анализе является объективизм и субъективизм, но в современном понимании следует исходить из логики интеграции. Это означает, что для определения основных направлений

регионализации государственной политики в контексте академического лидерства плодотворными по критерию интегрированности можно считать пространственный, социоресурсный, субъектно-деятельностный подходы, которые под различным ракурсом исследуют регионализацию государственной образовательной политики.

Так как признается приоритетность человеческого капитала в региональном развитии, очевидно также, что для регионализации государственной образовательной политики как процесса свойственно акцентирование внимания на региональной специфике, на учете культурно-исторических, социально-психологических, социально-бытовых факторов. Пространственный подход основывается на принципе пространственности высшего образования, его включении в «место обитания», взаимосвязи и отношения с акторами регионального сообщества, с локализацией социальных и образовательных ресурсов.

Характеризуя достигнутые результаты в контексте пространственного подхода, следует отметить акцент исследовательского внимания на анализе социальных пространств с тенденциями эксклюзии или инклюзии, расширения и сжимания регионального пространства, формирования региональной идентичности как включения в региональную жизнь, а по отношению к сфере высшего образования – соотношение факторов локализации и глобализации.

Вместе с тем пространственный подход не обладает социально-прогностическим потенциалом, так как фиксирует актуальные тенденции в сфере высшего образования и в этом смысле методологически не является полным, так как не претендует на диагноз последствий, концентрации или дисперсии ресурсов государственной политики в сфере высшего образования. Подчеркивая важность пространственного подхода в исследовании включенности акторов высшего образования в горизонтальные пространственные отношения, можно говорить о том, что сделанные обобщения нуждаются в теоретической поддержке социоресурсного и субъектно-деятельностного подходов.

Результаты исследования

Рассматривая методологический инструментарий исследования государственной политики в сфере высшего образования как цель становления академического лидерства, необходимо отметить, что высшее образование на современном этапе характеризуется разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, очевиден эффект модернизации образовательной системы, связанный с обновлением профиля специальностей, появлением новых образовательных технологий, цифровизацией образовательной системы, взаимодействием с бизнес-структурой по формированию новой экономики [22]. С другой стороны, российское высшее образование утратило лидерские позиции в сфере исследования новых технологий, испытывает разрыв науки, высшего образования и производства. Уязвимым местом российского высшего образования является проблема трудоустройства выпускников высшей школы. Попытки реанимировать схемы целевого трудоустройства нельзя считать успешными. В целом можно говорить о том, что от вектора государственной образовательной политики зависят слагаемые успехов или неудач в сфере высшего образования.

Констатируя этот факт, нельзя не обратить внимание на то, что на региональном уровне вышеотмеченные процессы проявляются в острых формах: речь идет о том, что процесс деградации высшего образования, разрушения фундаментальных основ, к счастью, не дошел до конца. Однако это не означает, что есть повод для самоуспокоения. Государственная образовательная политика по отношению к регионам не перестала действовать по остаточному принципу, хотя сделано немало усилий для того, чтобы государственное содействие и помощь в сфере высшего образования строились на принципах прозрачности, конкурентности, селекции [7, 10–12].

Применяемые методики оценки качества деятельности в сфере высшего образования являются шагом вперед по сравнению с предшествующим периодом увлечения коммерциализации и потере контроля над автономными процессами в сфере высшего образования. Однако, анализируя доступность качественного образования, возможности ограничения,

авторитетные российские исследователи пришли к выводу, что доступность образования остается актуальной социальной проблемой. Авторам исследования очевидно: между декларируемым равенством прав и реальным социальным расслоением акторов высшего образования существует разрыв, различия в семейном, социальном, культурном капитале приводят к тому, что в сфере высшего образования возникли параллельные сегменты элитного, качественного и массового усредненного образования. Эта проблема значима в плане использования не только интеллектуального потенциала российского общества, но и перспектив становления и формирования академического лидерства. Вероятно, академическое лидерство не может основываться на узкой базе элитных вузов, а импульсы к расширению и обновлению лидирующих позиций российского высшего образования выходят из российских регионов.

Между тем нельзя не отметить тот факт, что регионализация государственной образовательной политики не отмечена ростом эффективности, что до сих пор цели образовательной политики конъюнктурны, определяются сложившейся ситуацией и ориентированы на инициативы «сверху». Признавая поворот к нуждам региональных вузов, к стремлению выставить систему социально-значимых приоритетов, нельзя утверждать, что государственная образовательная политика на уровне регионов стала «региональной». Речь идет о том, что не завершилась институциональная перестройка высшего образования, не достигнут желаемый организационно-структурный эффект. И самое основное – коренным образом не изменилась внутренняя мотивация деятельности акторов высшего образования.

Вышесказанное не означает, что государственная политика в сфере высшего образования безнадежно отстала от требований времени. Оценка государственной политики определяется до сих пор финансовыми и организационными критериями, которые, являясь базовыми, нуждаются в дополнительных показателях. К таким можно отнести и академическое лидерство. Переход на схему академического лидерства имеет, предположительно, последствиями качественное изменение финан-

сирования высшего образования, концентрированную поддержку и обеспеченность развития академического лидерства в региональных вузах, где формируются новые научно-исследовательские направления с высокой степенью инновационности и конкурентности. Важным последствием можно также считать изменение установок акторов высшего образования на академическое лидерство как цель-идеал – развитие вузовской системы в российских регионах [2; 14; 15].

Системное исследование влияния новых интеллектуальных технологий на состояние высшего образования в российском обществе выявило две основные закономерности. Первая связана с развитием идеи о социальном пространстве, в котором общество как реальность первого порядка выступает в качестве объективной структуры, а субъективный взгляд на общество как продукт конструирования агентами через практическую организацию повседневной деятельности конструирует реальность второго порядка. По отношению к высшему образованию это означает, что в контексте регионализации государственной образовательной политики следует говорить о совершенствовании структуры высшего образования, ее формировании соотносительно со свойствами «среды обитания» и закрепления в позициях акторов высшего образования пространственной идентичности, совокупности отношений и связей, направленных на интегрирование высшего образования в региональный контекст.

В настоящий период связь высшего образования с регионом прослеживается слабо, хотя еще в предшествующий период часть региональных вузов (педагогические, аграрные, медицинские) ориентировались на потребность регионов в конкретных специалистах. С утра-

той схемы трудоустройства, соответствующего нуждам плановой экономики, региональные вузы пустились в автономное плавание, оставили за выпускниками право на обеспечение работой, но от подобной ситуации возрастает «эксрегиональность» высшего образования и как следствие – государственная политика пользуется схемой деления вузов по критериям, не связанным с региональной спецификой. Можно вообразить ситуацию, когда вуз является «среднячком» или аутсайдером в системе формальных приоритетов, но выполняет реальную социальную миссию подготовки и выпуска специалистов.

Оценка потенциала региона, таким образом, связана с двумя составляющими, которые, однако, не могут рассматриваться как оказывающие равное влияние на потенциал региона. Действительно, для вузов региона значение имеет демографический потенциал, но данный фактор в большей степени завязан на бюджетную политику, и в этом смысле регион может нейтрализовать бюджетные риски, предлагая вузу различные совместные проекты. Поэтому так важно значение экономического потенциала, того, что можно назвать качеством корпоративного заказа и масштабом инвестиций (рис. 1).

Основной стратегией социально-экономического развития России в сфере образования является переход к политике поляризованного развития, к поддержке регионов в качестве особых «локомотивов роста». Однако на практике принцип подобного развития эффективен только в том случае, если в регионах создается сеть полюсов роста: наличие в регионе научно-образовательного центра федерального или мирового значения; формирование системы региональных кластеров в сфере образования и др.

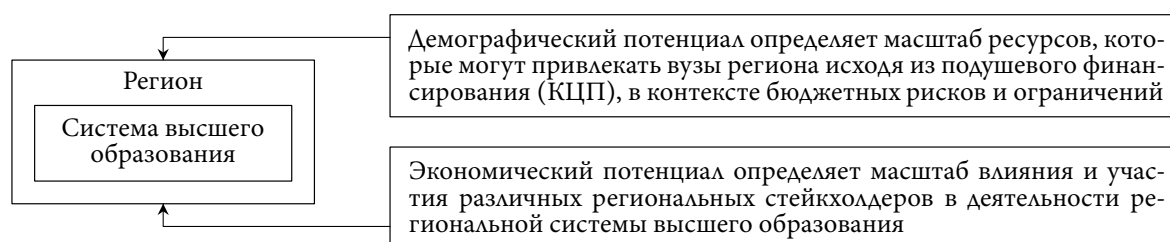

Рисунок 1 – Влияние демографического и экономического потенциалов региона на систему высшего образования

Figure 1 – Influence of the demographic and economic potential of the region on the higher education system

Обращение к академическому лидерству как цели государственной политики предполагает, что в контексте регионализации появится больше возможностей и меньше ограничений для повышения качества высшего образования.

Современная концепция академического лидерства является результатом перехода к ресурсной модели, включающей освоение фундаментальности и системности научного знания в целях превращения науки и образования в действующую интеллектуальную силу общества. Есть определенные сложности, связанные с тем, что в условиях стремительных социальных изменений в российском обществе академическая наука понесла значительный урон, а стремление «перенести» науку в систему высшего образования не имеет ясных результатов.

Если предположить, что источником развития академического лидерства является деятельностный репертуар государственной политики, то здесь проявляется зависимость между воздействием на уровне финансовых и нормативных факторов и изменением установок акторов высшего образования на академическое лидерство. Уверенность в том, что большинство акторов высшего образования на региональном уровне оценивают академическое лидерство как позитивное, но имеющее отношение к прошлому, не связанное с современным прикладным образованием, теряет позиции в условиях «конструирования» схем академического лидерства в вузах, исходя из собственного интеллектуального потенциала.

Для российского общества все еще актуально осмысление инновационности. Так, «тройная спираль» (Г. Ицковиц) является одной из самых распространенных и признанных во всем мире моделей инновационного развития экономики. Институты, способные выполнять нетрадиционные функции, считаются наиважнейшим источником инноваций. В связи с этим преимуществом модели является ее нелинейный характер и возможность использования для построения более сложных и гибких систем управления, обеспечивающих инновационное развитие региональной экономики. Она включает в себя три основных элемента: государство, бизнес, академические

Рисунок 2 – Высшее образование – «тройная спираль» инновационного развития
Figure 2 – Higher education as the “triple helix” of innovative development

институты. При этом модель (рис. 2) предусматривает выполнение ряда принципов:

1) рост роли академических институтов, в особенности университетов, во взаимодействии с промышленностью и правительством;

2) стремление к сотрудничеству всех трех сил (академические институты, бизнес, государство), служащему источником инновационного развития;

3) допустимость частичного выполнения элементами модели функций друг друга.

В контексте заявленной цели исследования регионализации государственной политики важным является понимание академического лидерства как создания инновационной среды, но если не ограничиваться общей фразой, академическое лидерство основывается на обновлении различных аспектов жизни высшей школы и не может состояться в рамках квазиинноваций, то есть «реорганизации старого» или заимствования новейших информационных и интеллектуальных технологий без достижения в качестве базового условия необходимого уровня согласованности позиции актора высшего образования по отношению к академическому лидерству как перспективе социального инновационного рынка, новых сил трудоустройства, связанных с транспрофессиональной идентичностью.

Мы не случайно подчеркиваем значимость субъективного фактора в регионализации государственной политики в сфере высшего образования, так как важным является и ориентированность ответственных за государственную политику на реальное знание; состояние высшего образования в общем и в конкрет-

ном регионе; и отношение, и оценка акторов высшего образования, целей и методов регионализации государственной политики. Смысл академического лидерства состоит в том, чтобы поднять уровень взаимодействия государственных институтов и сферы высшего образования до режима синхронизации мер по созданию инновационной среды в сфере высшего образования.

Таким образом, в сфере высшего образования постановка проблемы лидерства является важным шагом к разработке современной модели академического лидерства, которую условно можно охарактеризовать как прагматическую, ее содержание и значение определяется тем, что классическая традиция соотношения науки и практики, где академизм подчеркивает фундаментальность инноваций, переводится на язык инноваций, практического эксперимента, поиска эффективных путей внедрения новых технологий и связанных с этим профессиональных компетентностей акторов высшего образования.

Иннерционный подход к этой проблеме означал бы реликтность академических идеалов и в соответствии с этим символическую природу академизма. Символизм выражался бы в направленности на формальные меры по регионализации государственной политики, в которой критерии деятельности сферы высшего образования определялись бы количеством академических акций при сохранении старой организационной структуры и без изменений во внутренней мотивации акторов высшего образования. Академическое лидерство в настоящий период испытывает влияние фактора не только научных, но и технологических революций. Кроме того, постановка вопроса об академическом лидерстве означает, что высшее образование включается в глобальный образовательный цикл, что принятие в академическом лидерстве идеалы и нормы становятся нормативами деятельности в сфере высшего образования.

Это играет важную роль в понимании регионализации государственной политики на основе ее движения к региональной специфике, формирования позиций поиска различных вариантов академического лидерства на основе рамочных стандартов. Региональная

специфика означает, что в государственной политике есть востребованность в возможностях моделировать формы взаимодействия, сделать контроль и регулирование сферы высшего образования в регионах «мягким», переосмыслить действующее правило отчетности за финансирование проектов в образовательной сфере оценкой по конкретным результатам деятельности.

В современных исследованиях, посвященных региональной проблематике, отмечается, что на региональном уровне уже не ощущаются значимые различия по степени профессионализации, ориентированности на высокую квалификацию [16]. При этом возникает ситуация ожиданий основных субъектов регионального социума по поводу повышения статуса сферы высшего образования и как запрос – необходимость формирования академического лидерства, означающего в массовом восприятии передовые позиции в региональном пространстве по показателю научной результативности и авторитета научных школ и направлений.

В связи с этим небезынтересен опыт Финляндии, в которой регионализация государственной политики в сфере высшего образования состоит в том, что в конкурсных рамках региональные вузы добиваются грантов на осуществление академических проектов. Наиболее важным и ответственным этапом регионализации государственной политики, таким образом, становится органическая модель управления сферой высшего образования. Данная модель предполагает нахождение баланса «внешней» политики и автономии в развитии академического лидерства. Становится приоритетом профессиональная и образовательная деятельность, так как является общей целью государства и акторов высшего образования, основывается на приоритете «общества второго порядка» по отношению к объективным структурам «общества первого порядка».

Таким образом, речь идет о том, что высшее образование из ресурса социально-экономического развития становится потенциалом роста человеческого капитала в качестве основного критерия регионального развития [18, 23]. Государственная политика в сфе-

ре высшего образования, как отмечалось выше, является успешной, если носит «опережающий» характер, формирует стратегические цели высшего образования в российском обществе. Регионализацию государственной политики следует понимать именно как подтягивание сферы высшего образования в регионах до уровня академического лидерства. В таком контексте регионализация предполагает «конструирование» сферы высшего образования как интеллектуального производства. Если же говорить о том, что для внедрения данного направления нужно понимать долгосрочность достижения результатов, то, возможно, модернизационная стратегия при условии концентрации ресурсов государственной политики на перспективных направлениях должна ориентироваться на то, где в регионах имеются реальные достижения, в первую очередь связанные с новыми технологиями и с новыми знаниями.

В условиях, когда классическая академическая наука находится в «застое», сфера высшего образования в российских регионах может стать стартовой площадкой для реализации амбициозного проекта академического «реванша». Глобализационные процессы способствовали возрастанию доступности высшего образования, но следует внести уточнения о том, что попутно развивался процесс «упрощения», потери академических ориентиров и целей и по идеологическим соображениям «критики евроцентризма и интеллектуального колониализма», и по политико-экономическим аргументам, связанным с подготовкой «массовых» специалистов для современной экономики.

Однако результаты социологических исследований показывают, что рейтинг привлекательности профессий, так же как и приоритеты образовательных стратегий российской молодежи, характеризуются нацеленностью на региональный потенциал высшего образования, на стремление получить престижную и перспективную профессию по месту «проживания» [13]. Есть и другие факторы, связанные с привлекательностью академического лидерства в сфере высшего образования. Это, в частности, и продолжение академической традиции в высшей школе, и приня-

тие академического лидерства как индикатора успешности развития высшего образования и как условия формирования образовательных стратегий молодежи на инновационном рынке труда.

Результаты исследования также позволяют говорить о том, что в условиях массовизации высшего образования академическое лидерство становится механизмом отбора талантливой и творческой молодежи, что необходимо для роста интеллектуального потенциала регионов и общества в целом. С другой стороны, молодежь сталкивается с необходимостью осознания получения высшего образования как начала пути к восхождению в сфере интеллектуального производства, где профессиональная и академическая траектории совпадают, так как академическое лидерство является результатом соединения технологий и знаний в современном образовании.

Заключение

Существует определенное противоречие между академическим производством знаний и использованием этих идей для формирования политики в сфере образования. В рассматриваемой в статье проблеме реализовывалась идея о разрешении данного противоречия на основе «встречного движения» академического лидерства в сфере высшего образования и регионализации образовательной политики.

Выводы исследования определяются, во-первых, тем, что регионализация государственной политики в сфере высшего образования требует критерия академического лидерства как показателя реализации в сфере высшего образования, взаимосвязанных функций роста человеческого капитала в регионе и создания региональной инновационной среды. Этот вывод имеет следствием реконструкцию традиций академизма в сфере высшего образования в режиме прагматики, практической деятельности по внедрению новых технологий и созданию новой экономики.

Во-вторых, государственная образовательная политика изменяется в двух направлениях: «негативном» (перестает следовать глобальным образцам коммерциализации и рейтингования) и «позитивном» (отражает региональную специфику высшего образования

в российском обществе, поддерживая обеспечение новых образовательных и профессиональных стратегий молодежи, направленных на достижение профессионализма через научно-исследовательскую деятельность, оценку академических знаний как способности достижения высокой профессиональной квалификации).

В-третьих, сфера высшего образования в российском обществе может развиваться успешно при условии ее инфраструктуризации, развития межрегионального сотрудничества по аналогу с европейскими образовательными программами, с учетом конкретных результатов по производству академических знаний в региональных вузах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Кульпин С.В., Каташинских В.С., Ключев А.К., Кузьминчук А.А., Певная М.В., Шаброва Н.В., Шуклина Е.А. (2017). Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе : Монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет. 400 с.
2. Ахмадулина Т.В., Распоров В.М., Распоров В.В. (2019). Европейский опыт государственного регулирования инновационной деятельности / под ред. В. М. Распопова. М. : Магистр : ИНФРА-М. 264 с.
3. Балмасова Т.А. (2016). Третья миссия университета – новый вектор развития? // Высшее образование в России. № 8-9. С. 48–55.
4. Воденко К.В., Дегтярев А.К., Иваненко Н.С. (2020). Академическое лидерство: движение к транспрофессиональной идентичности в региональном пространстве высшего образования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. № 5. С. 33–41.
5. Волков Ю.Г. (2020). Институт лидерства в региональном пространстве. Ростов-на-Дону; Таганрог : ЮФУ. 126 с.
6. Другова Е.А. (2019). Ключевые характеристики программ преподавательского совершенства для академических лидеров. Обзор опыта высокорейтинговых университетов на материале зарубежных публикаций // Вопросы образования. № 4. С. 8–29.
7. Иванов С.А., Сокол-Номоконов Э.Н. (2018). Феномен опорных университетов региональной экономики в современной России // Высшее образование в России. № 1 (219). С. 19–30.
8. Кравченко С.А. (2015). Социологическое знание через призму стрелы времени: востребованность гуманистического поворота. М. : МГИМО-Университет. 342 с.
9. Медушевский Н.А., Перфильева О.В. (2016). Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». № 3 (5). С. 19–31.
10. Месхи Б.Ч. (2019). Опорный вуз в региональном пространстве: теоретико-методологические параметры исследования // Гуманитарий Юга России. Т. 8. № 2. С. 33–46.
11. Месхи Б.Ч. (2019). Опорный вуз в стратегии социально-экономического развития региона // Гуманитарий Юга России. Т. 8. № 3. С. 63–76.
12. Мукина И.В., Соколова Л.Ю., Мукин В.А. (2018). Корреляционные связи региональной культуры с пространством опорного университета // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Т. 8. № 2. С. 153–172.
13. Константиновский Д.Л., Абрамова М.А., Вознесенская Е.Д., Гончарова Г.С., Костюк В.Г., Попова Е.С., Чередниченко Г.А. (2015). Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования : Монография. М. : ЦСПиМ. 232 с.
14. Овчинникова О.П., Овчинникова Н.Э. (2018). Роль современного университета в инновационном развитии региона // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». № 2 (62). С. 154–163.
15. Родионова Г.Г., Турко Т.И. (2017). Вузы, как многопрофильные центры образования, науки и инноваций // Инноватика и экспертиза: научные труды. № 3 (21). С. 8–17.
16. Горшков М.К. (2018). Столицы и регионы в современной России. Мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М. : Весь Мир. 312 с.
17. Хасаев Г.Р., Болгова Е.В. (2015). Регионализация высшего образования и инновационное развитие экономики российских регионов // Известия УрГЭУ. № 1 (57). С. 61–70.
18. Elena G. Popkova, Oksana S. Chechina, Ser-

gei A. Abramov (2015). Problem of the Human Capital Quality Reducing in Conditions of Educational Unification, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 6, no. 3, s. 6, pp. 95–101.

19. Konstantin V. Vodenko (2019). Problems and Perspectives of State Regulation of System of Education in the Context of Provision of Russia's National Security, *International Journal of educational management*, vol. 33, no. 3, pp. 462–469.

20. Konstantin V. Vodenko, Ivan A. Bokachev, Natalya A. Levchenko, Valentina I. Rodionova, Lyudmila A. Shvachkina (2016). The Specific Features of a Government Control over Higher Education, Considering the Interests of Parties to the Social and Labour Relations, *The Social Sciences*, vol. 11, no. 21, pp. 5241–5246.

21. Konstantin V. Vodenko, Olga S. Ivanchenko, Lyudmila A. Shvachkina, Elena L. Shilkina, Valentina I. Rodionova (2017). Formation of the National Management System in the Field of Personnel Training for Modern Innovative Economy, *International*

Journal of Applied Business and Economic Research, vol. 15, no. 11, pp. 197–205.

22. Popkova E., Morozova I. (2014). The influence of the strategic partnership of state universities and business on the investment attractiveness of a region, *Revista Galega de Economía. Economic Review of Galicia*, vol. 23-4, pp. 43–48.

23. Popkova E., Yurev V. Stepicheva O., Denisov N. (2015). Transformation and concentration of intellectual capital as a factor of economic growth in the modern economy, *Regional and Sectoral Economic Studies*, vol. 15-1, pp. 53–60.

24. Rostovskaya T.K., Ryazantsev S.V., Skorobogatova V.I., Shimanovskaya Y.V. (2019). Efficiency of international cooperation for the provision of academic mobility as a significant tool for the creation of a single educational environment, *Espacios*, vol. 40 (17), pp. 98–110.

25. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Skorobogatova V.I., Bezverbnny V.A. (2019). International academic mobility in Russia: Trends, types, state stimulation, *Economy of Region*, vol. 15, no. 2, pp. 420–435.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова (346428, Россия, Ростовская область, Новочеркасск, ул. Просвещения, 132); vodenkok@mail.ru.

REGIONALIZATION OF STATE POLICY IN HIGHER EDUCATION SPHERE IN THE CONTEXT OF ACADEMIC LEADERSHIP FORMATION

K.V. Vodenko^{2a}

^aPlatov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

ABSTRACT:

Under present-day conditions of the search for imperatives for the development of the state policy in the field of higher education, the problem of its regionalization has become especially relevant. This circumstance, as the author believes, requires identification and development of criteria for academic leadership. It will serve as an indicator of the two interrelated functions of human capital growth in the region and regional innovation environment development in the field of higher education.

The scientific task of this research is a systematic analysis of regionalization of the state policy in the field of higher education as the goal of achieving academic leadership.

The research methodology is based on spatial, socio-resource and subjective-activity approaches, which explore regionalization of public policy in the field of higher education and academic leadership from various angles. The study is based on the works of leading scholars and experts in the field of higher education development under modern socio-economic conditions.

The main result of this scientific research is that it substantiates the idea of the interconnection of public policy in the field of higher education and the production of academic knowledge. The article shows that the

²RSCI AuthorID: 289484, ORCID: 0000-0002-5283-0466, ScopusID: 56669747300, ResearcherID: L-4112-2016

change of the state policy in the field of higher education with its emphasis on academic leadership creates opportunities for using regional potential in higher education. Besides, it contributes to the formation of a strategy for higher education actors seeking academic leadership as an opportunity for creative internal motivation and highly qualified intellectual work.

The author comes to the conclusion that an important vector of the state educational policy is the allocation of the regional specificity of higher education in the Russian society in the context of support and provision of new educational and professional strategies for young people. Besides, it is important to assess academic knowledge as the ability to achieve high professional qualifications, and to develop interregional cooperation, taking into account specific results in the production of academic knowledge in regional universities.

FUNDING: The reported study was funded by the Grant of the President of the Russian Federation, project HIII-2582.2020.6, topic “State policy in the field of higher education and innovation potential of young people development: economic and non-economic determinants and mechanisms under the conditions of regionalization of the social space and industry development 4.0”

KEYWORDS: regionalism, state policy in the field of higher education, academic leadership, academic knowledge, human capital, internal motivation of activity, higher education actors.

FOR CITATION: Vodenko K.V. (2021). Regionalization of state policy in higher education sphere in the context of academic leadership formation, *Management Issues*, no. 1, pp. 156–168.

REFERENCES

- Zborovsky G.E., Ambarova P.A., Kulpin S.V., Katashinskikh V.S., Klyuev A.K., Kuzminchuk A.A., Pevnaya M.V., Shabrova N.V., Shuklina E.A. (2017). Actual problems of the transformation of higher education in the macroregion. Ekaterinburg: Humanitarian University, 400 p.
- Akhmadulina T.V., Rasporov V.M., Rasporov V.V. (2019). European experience of state regulation of innovation. Moscow: Master: INFRA-M, 264 p.
- Balmasova T.A. (2016). Is the third mission of the university a new vector of development?, *Higher education in Russia*, no. 8-9, pp. 48–55.
- Vodenko K.V., Degtyarev A.K., Ivanenko N.S. (2020). Academic leadership: movement towards transprofessional identity in the regional space of higher education, *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*, no. 5, pp. 33–41.
- Volkov Yu.G. (2020). Institute for Leadership in Regional Space. Rostov-on-Don; Taganrog: South Federal University, 126 p.
- Drugova E.A. (2019). Key Features of Teaching Excellence Programs for Academic Leaders. Review of the experience of high-ranking universities on the material of foreign publications, *Education Issues*, no. 4, pp. 8–29.
- Ivanov S.A., Sokol-Nomokonov E.N. (2018). The phenomenon of pivotal universities of regional economics in modern Russia, *Higher education in Russia*, no. 1 (219), pp. 19–30.
- Kravchenko S.A. (2015). Sociological knowledge through the prism of the arrow of time: the demand for a humanistic turn. Moscow: MGIMO, 342 p.
- Medushevsky N.A., Perfilieva O.V. (2016). Interpretation of the third role of universities at the present stage, [I]Herald of RSUH[/i], Series “Political Science. Story. International relationships. Foreign Regional Studies. Oriental studies “; no. 3 (5), pp. 19–31.
- Meskhi B.Ch. (2019). Pivotal university in the regional space: theoretical and methodological parameters of research, *Humanitarian of the South of Russia*, vol. 8, no. 2, pp. 33–46.
- Meskhi B.Ch. (2019). Basic university in the strategy of socio-economic development of the region, *Humanitarian of the South of Russia*, vol. 8, no. 3, pp. 63–76.
- Mukina I.V., Sokolova L.Yu., Mukin V.A. (2018). Correlation links of regional culture with the space of the pivotal university, *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*, vol. 8, no. 2, pp. 153–172.
- Konstantinovskiy D.L., Abramova M.A., Voznesenskaya E.D., Goncharova G.S., Kostyuk V.G., Popova E.S., Cherednichenko G.A. (2015). New meanings in educational strategies of youth: 50 years

of research. Moscow: Center for Social Forecast and Marketing, 232 p.

14. Ovchinnikova O.P., Ovchinnikova N.E. (2018). The role of the modern university in the innovative development of the region, *Bulletin of Omsk University*, Series "Economics", no. 2 (62), pp. 154–163.

15. Rodionova G.G., Turko T.I. (2017). Universities as multidisciplinary centers of education, science and innovation, *Innovation and expertise: scientific works*, no. 3 (21), pp. 8–17.

16. Gorshkov M.K. (2018). Capitals and regions in modern Russia. Myths and reality fifteen years later. Moscow: Ves' Mir, 312 p.

17. Khasaev G.R., Bolgova E.V. (2015). Regionalization of Higher Education and Innovative Development of Economy of Russian Regions, *Journal of USUE*, no. 1 (57), pp. 61–70.

18. Elena G. Popkova, Oksana S. Chechina, Sergei A. Abramov (2015). Problem of the Human Capital Quality Reducing in Conditions of Educational Unification, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 6, no. 3, s. 6, pp. 95–101.

19. Konstantin V. Vodenko (2019). Problems and Perspectives of State Regulation of System of Education in the Context of Provision of Russia's National Security, *International Journal of educational management*, vol. 33, no. 3, pp. 462–469.

20. Konstantin V. Vodenko, Ivan A. Bokachev, Natalya A. Levchenko, Valentina I. Rodionova, Lyudmila A. Shvachkina (2016). The Specific Features of

a Government Control over Higher Education, Considering the Interests of Parties to the Social and Labour Relations, *The Social Sciences*, vol. 11, no. 21, pp. 5241–5246.

21. Konstantin V. Vodenko, Olga S. Ivanchenko, Lyudmila A. Shvachkina, Elena L. Shilkina, Valentina I. Rodionova (2017). Formation of the National Management System in the Field of Personnel Training for Modern Innovative Economy, *International Journal of Applied Business and Economic Research*, vol. 15, no. 11, pp. 197–205.

22. Popkova E., Morozova I. (2014). The influence of the strategic partnership of state universities and business on the investment attractiveness of a region, *Revista Galega de Economía. Economic Review of Galicia*, vol. 23-4, pp. 43–48.

23. Popkova E., Yurev V. Stepicheva O., Denisov N. (2015). Transformation and concentration of intellectual capital as a factor of economic growth in the modern economy, *Regional and Sectoral Economic Studies*, vol. 15-1, pp. 53–60.

24. Rostovskaya T.K., Ryazantsev S.V., Skorobogatova V.I., Shimanovskaya Y.V. (2019). Efficiency of international cooperation for the provision of academic mobility as a significant tool for the creation of a single educational environment, *Espacios*, vol. 40 (17), pp. 98–110.

25. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Skorobogatova V.I., Bezverbny V.A. (2019). International academic mobility in Russia: Trends, types, state stimulation, *Economy of Region*, vol. 15, no. 2, pp. 420–435.

AUTHORS' INFORMATION:

Konstantin V. Vodenko – Advanced Doctor in Philosophical Sciences, Full Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI) (132, Prosvetsheniya St., Novocherkassk, Rostov Region, 346428, Russia); vodenkok@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@ganepa.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Требования к структуре статьи

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к оформлению статьи

Объем статьи должен составлять не менее 0,75 п.л. (30 тыс. знаков) и не более 1 п.л. (40 тыс. знаков). Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 25 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи

Рекомендуемый порядок изложения информации:

1) постановка проблемы – формулировка научной проблемы, в настоящий момент не полностью решенной в теоретическом или практическом аспекте, по которой имеются несоответствия между теоретическими предпосылками и реальностью и пр.;

2) конкретная научная задача, позволяющая решить научную проблему;

3) методологическая база – изложение концептуально-теоретических основ исследования;

4) используемые материалы (информационная база), методы исследования; данная часть должна содержать подробное описание используемого инструментария, с помощью которого решается научная проблема, а также эмпирические результаты апробации предложенной методики;

5) основные результаты исследования (решение научной проблемы), область их применения; данная часть представляет собой развернутое описание личного вклада автора в исследуемую проблему;

6) выводы, позволяющие дать ответ на поставленную проблему и обозначить дальнейшие направления исследования.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже.

Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах в следующей последовательности:

- ФИО (полностью),
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ), ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) (при наличии),
- место работы (учебы) и занимаемая должность,
- ученая степень, ученое звание,
- почтовый адрес (адрес указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом),
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов)

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

***Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.***

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Адрес редакции:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<http://journal-management.com/>

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Компьютерная вёрстка *Д.И. Трушков*

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012)

Дата выхода в свет 28.02.2021. Формат 60 × 84 1/8.

Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 20,00. Уч.-изд. л. 15,55. Тираж 999.

Цена свободная.

Отпечатано в РИО Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. Заказ № 271.